

ISSN 2310-8673

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Социодинамика

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-05-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Попов Евгений Александрович, доктор философских наук,
popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2409-7144

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-05-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Popov Evgenii Aleksandrovich, doktor filosofskikh nauk, popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2409-7144

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала "Философская мысль". Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Епифанцев Сергей Николаевич- доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, член президиума РАН. 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

Локосов Вячеслав Вениаминович – доктор социологических наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук. 117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32;

Каменева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», профессор кафедры социологии и политологии, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33, kalibri0304@yandex.ru

Кодин Михаил Иванович — доктор социологических наук, профессор, проректор по международному сотрудничеству Российского государственного социального университета. 129226. Россия, г. Москва, Вильгельма Пика ул., 4, корпус 1.

Шилкина Наталья Егоровна – доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии молодежи и молодежной политики, Санкт-Петербургский государственный

университет, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, natali.shilkina@rambler.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Университетская набережная, 7-9. г. Санкт-Петербург, Россия, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Деметрадзе Марине Резоевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт культурологии министерства культуры, профессор, РГГУ РФ, 125993, ГСП-3, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070 Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Попов Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Popov.eug@yandex.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, профессор, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики

и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры экологической безопасности технических систем, Московский политехнический университет, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И Платова, профессор. 7. 346428 г. Новочеркасск Ростовской обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, кафедра «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. [kainovgn@mail.ru](mailto:krainovgn@mail.ru)

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410054 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Мерзликин Николай Васильевич – кандидат философских наук, заведующий сектором социологического анализа политических процессов Института социально-политических исследований Российской академии наук. 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6,

корпус 1.

Зайцев Александр Владимирович - доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, Костромской государственный университет, кафедра философии, культурологии и социальных коммуникаций Россия, Кострома, улица Дзержинского, 17/11, остромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. aleksandr-kostroma@mail.ru

Семенов Владимир Анатольевич - кандидат философских наук, доктор социологических наук, профессор факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления - филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: semenovrad@mail.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и метологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpo@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, кв. 43, [Oskar46@mail.ru](mailto>Oskar46@mail.ru)

Лукичев Павел Николаевич - доктор социологических наук, Южный федеральный университет, профессор, 345421, Россия, Ростовская область, г. Новочеркасск, пр-кт Баклановский, 138, кв. 138, lukichev@inbox.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,

Профессор, 660020, Россия, Красноярский край область, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Рожкова Лилия Валерьевна - доктор социологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пензенский государственный университет", Заведующий кафедрой "Экономическая теория и международные отношения", 440000, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40, оф. 9 корпус, ауд. 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Скобелина Наталья Анатольевна - доктор социологических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400121, Россия, Волгоградский регион область, г. Волгоград, наб. Волжской Флотилии, 1, кв. 180, volnatmax@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Филипова Александра Геннадьевна - доктор социологических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена, старший научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет, профессор, 199397, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. ул Кораблестроителей, 39, кв. 637, alexgen77@list.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор, 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Бесчасная Альбина Ахметовна - доктор социологических наук, Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Профессор, Санкт-Петербург, Средний

проспект В.О., д. 57/43 aabes@inbox.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, 16, кв. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Зотов Виталий Владимирович - доктор социологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)», профессор департамента философии Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, 305004, Россия, Курская область, г. Курск, ул. Льва Толстого, 14 Г, кв. 16, om_zotova@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, кв. 43, [Oskar46@mail.ru](mailto>Oskar46@mail.ru)

Лукичев Павел Николаевич - доктор социологических наук, Южный федеральный университет, профессор, 345421, Россия, Ростовская область, г. Новочеркасск, пр-кт Баклановский, 138, кв. 138, lukichev@inbox.ru

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Рожкова Лилия Валерьевна - доктор социологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пензенский государственный университет", Заведующий кафедрой "Экономическая теория и международные отношения", 440000, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40, оф. 9 корпус, ауд. 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Скобелина Наталья Анатольевна - доктор социологических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400121, Россия, Волгоградский регион область, г. Волгоград, наб. Волжской Флотилии, 1, кв. 180, volnatmax@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, yavasut@yandex.ru

Филипова Александра Геннадьевна - доктор социологических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена, старший научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет, профессор, 199397, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. ул Кораблестроителей, 39, кв. 637, alexgen77@list.ru

Editorial collegium

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Department of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the journal "Philosophical Thought". Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Kotlyarova Victoria Valentinovna — Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Epifantsev Sergey Nikolaevich - Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences. 344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42.

Vyacheslav V. Lokosov – Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences. 32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russia;

Tatyana Nikolaevna Kameneva – Doctor of Sociology, Associate Professor, Kursk State University, Professor of the Department of Sociology and Political Science, 33 Radishcheva str., Kursk, 305000, kalibri0304@yandex.ru

Mikhail Ivanovich Kodin — Doctor of Sociology, Professor, Vice-Rector for International Cooperation of the Russian State Social University. 129226. Russia, Moscow, Wilhelma Peak str., 4, building 1.

Shilkina Natalia Egorovna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology of Youth and Youth Policy, St. Petersburg State University, 191060, St. Petersburg, Smolny str., 1/3, natali.shilkina@rambler.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State

University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Popova Olga Valentinovna - Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies of St. Petersburg State University. Universitetskaya embankment, 7-9. St. Petersburg, Russia, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Cultural Studies of the Ministry of Cultures, Professor, Russian State University of the Russian Federation, 125993, GSP-3, Russia, Moscow, Miusskaya Square, 6.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070 Moscow region, Korolev, Gagarina str., 42 zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Popov Evgeny Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Altai State University. 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61. Popov.eug@yandex.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Kharkiv, ul. Bursatsky descent, 4, prof.artemenko@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, Professor, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Safety of Technical Systems, Moscow Polytechnic University, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy; M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Professor. 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, 191186, St. Petersburg, Moika River Embankment, 48, alpril@mail.ru

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, 410054 Saratov, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Merzlikin Nikolay Vasilyevich – Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Sector of Sociological Analysis of Political Processes at the Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences. 6, Fotieva str., building 1, Moscow, 119333, Russia.

Zaitsev Alexander Vladimirovich - Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications Russia, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17/11, Ostrom region, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17. aleksandr-kostroma@mail.ru

Semenov Vladimir Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: semenovrad@mail.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of

Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociology, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, sq. 43, Oskar46@mail.ru

Lukichev Pavel Nikolaevich - Doctor of Sociology, Southern Federal University, Professor, 345421, Russia, Rostov region, Novocherkassk, Baklanovsky Ave., 138, sq. 138, lukichev@inbox.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai region, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 line, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rozhkova Lilia Valeryevna - Doctor of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University", Head of the Department "Economic Theory and International Relations", 440000, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40, office 9 building, room 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Natalia A. Skobelina - Doctor of Sociology, Volgograd State University, Professor, 400121, Russia, Volgograd region, Volgograd, nab. Volga Flotilla, 1, sq. 180, volnatmax@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management

(branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Filipova Alexandra Gennadievna - Doctor of Sociology, Vladivostok State University of Economics and Service, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Senior Researcher, Far Eastern Federal University, Professor, 199397, Russia, St. Petersburg, ul. Korablestroiteley, 39, sq. 637, alexgen77@list.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor, 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Beschasnaya Albina Akhmetovna - Doctor of Sociology, North-Western Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, St. Petersburg, Sredny prospekt V.O., 57/43 aabes@inbox.ru

Nadezhda Oskarovna Bleikh - Doctor of Historical Sciences, K.L.Khetagurov North Ossetian State University, Professor of the Psychology Department of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Vladikavkaz, ul. Vladikavkazskaya, 16, sq. 32, 362043, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz nadezhda-blejkh@mail.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Zotov Vitaly Vladimirovich - Doctor of Sociology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)", Professor of the Department of Philosophy of the Educational and Scientific Center for Humanities and Social Sciences, 305004, Russia, Kursk region, Kursk, Lva Tolstogo str., 14 G, sq. 16, om_zotova@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociology, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city,

ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, sq. 43, Oskar46@mail.ru

Lukichev Pavel Nikolaevich - Doctor of Sociology, Southern Federal University, Professor, 345421, Russia, Rostov region, Novocherkassk, Baklanovsky Ave., 138, sq. 138, lukichev@inbox.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 line, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rozhkova Lilia Valeryevna - Doctor of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University", Head of the Department "Economic Theory and International Relations", 440000, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40, office 9 building, room 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Natalia A. Skobelina - Doctor of Sociology, Volgograd State University, Professor, 400121, Russia, Volgograd region region, Volgograd, nab. Volga Flotilla, 1, sq. 180, volnatmax@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Filipova Alexandra Gennadievna - Doctor of Sociology, Vladivostok State University of Economics and Service, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Senior Researcher, Far Eastern Federal University, Professor, 199397, Russia, St. Petersburg, ul. Korabestroiteley, 39, sq. 637, alexgen77@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

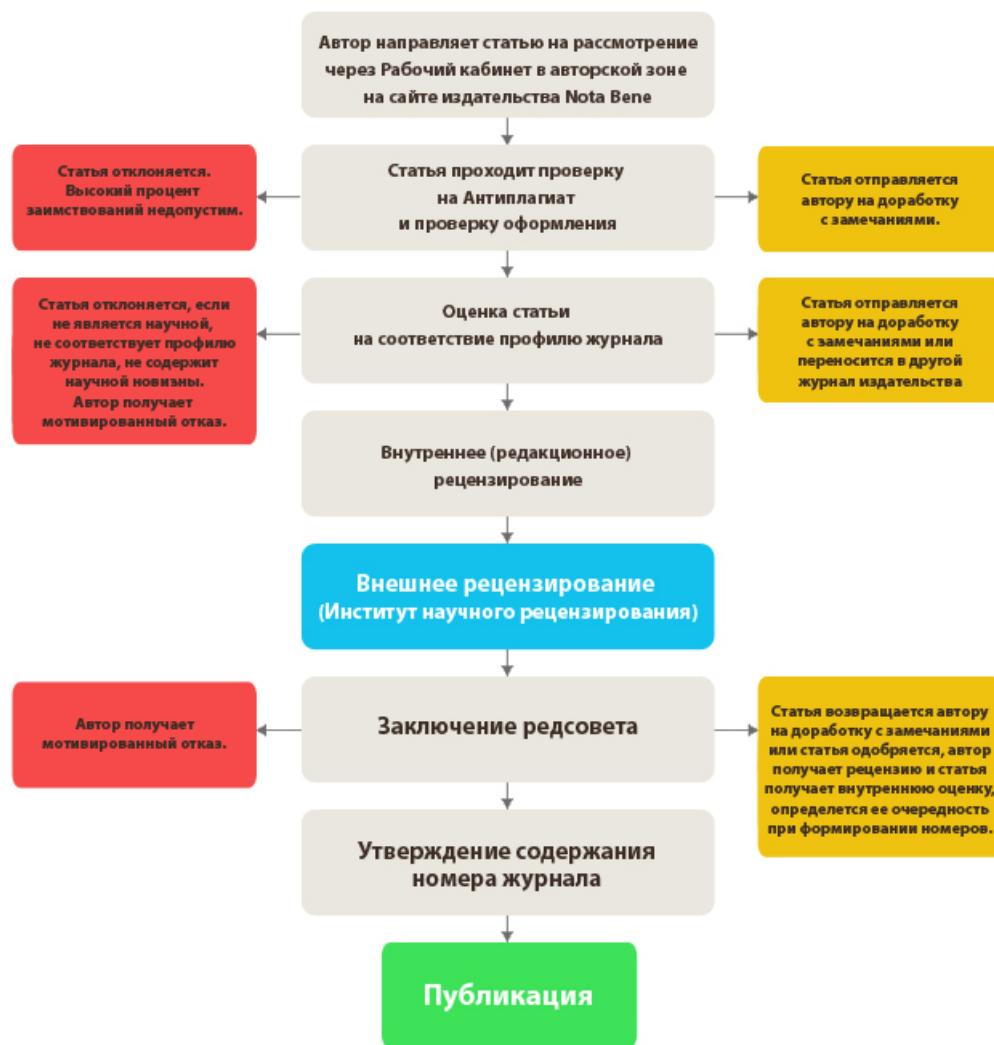
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Сушко В.А. Организационная культура в системе государственной гражданской службы	1
Буй В.Х. Изменения в социальной структуре и общественной жизни в ремесленной деревне Туонг Бинь Хиеп под воздействием урбанизации	11
Гафизова Н.Б. Домашнее насилие как фактор репродуктивных страхов (по материалам тематических сообществ в социальной сети ВКонтакте)	26
Петриков С.Г. От политики «одна семья - один ребенок» до политики «трех детей»: исторический аспект и современные вызовы для демографической ситуации в Китае	41
Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Социальные механизмы регулирования трудовых отношений в цифровой среде	57
Матвеев М.С. След как знак: эпистемология и методология цифровых данных в социологии	71
Англоязычные метаданные	81

Contents

Sushko V.A. Organizational culture in the civil service system	1
Bui V.H. Changes in social structure and community life in Tuong Binh Hiep craft village under the impact of urbanization	11
Gafizova N.B. Domestic Violence as a Factor in Reproductive Fears (Based on Materials from Thematic Communities on the VKontakte Social Network)	26
Petrikov S.G. From the "one family, one child" policy to the "three-child" policy: historical aspects and contemporary challenges for the demographic situation in China	41
Dekhanova N.G., Kholodenko Y.A. Social mechanisms for regulating labor relations in the digital environment	57
Matveev M.S. Trace as a Sign: Epistemology and Methodology of Digital Data in Sociology	71
Metadata in english	81

Социодинамика*Правильная ссылка на статью:*

Сушко В.А. Организационная культура в системе государственной гражданской службы // Социодинамика. 2025. № 4. С.1-10. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.3.73527 EDN: QCVHDQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73527

Организационная культура в системе государственной гражданской службы**Сушко Валентина Афанасьевна**

кандидат социологических наук

доцент; кафедра социологии государственного управления; Московский государственный университет имени МВ.Ломоносова, Социологический факультет

119992, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 33, строение 1

 valentina.sushko@gmail.com[Статья из рубрики "Человек и труд"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7144.2025.3.73527

EDN:

QCVHDQ

Дата направления статьи в редакцию:

28-02-2025

Дата публикации:

20-03-2025

Аннотация: Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как эффективность деятельности госслужащих, которая является ключевым показателем качества государственной службы. Организационная культура в среде государственных гражданских служащих представляет собой комплекс проверенных временем поведенческих норм и ценностных ориентиров. Эти правила, доказавшие свою результативность, передаются между сотрудниками как важный профессиональный опыт, формируя единую корпоративную среду. В системе российского государственного управления особое значение приобретает анализ специфики организационной культуры. Совершенствование государственной системы управления невозможно без эффективной работы служащих гражданского аппарата. В системе ценностей, норм и традиций каждого государственного органа и госслужбы в целом заложена особая

организационная культура. Она проявляется через профессиональные действия госслужащих, которые применяют специальные методы и инструменты для реализации государственных полномочий. По сути, организационная культура госслужащих представляет собой комплекс профессиональных практик и методологий, направленных на эффективное выполнение функций государственного органа. Особое внимание уделяется таким аспектам как анализ правил, норм и принципов, устанавливающих основные поведенческие нормы и этические стандарты для служащих государственного аппарата. Новизна исследования заключается в том, что внедрение корпоративных инициатив, направленных на оптимизацию рабочих процессов, способствует достижению компанией более высоких финансовых результатов. Неформальное взаимодействие между работниками и постоянное повышение их профессионального уровня создают условия для совершенствования квалификационных навыков. В компаниях, где руководство внедряет различные инновационные программы, приводит к существенным изменениям в организации. Проанализировано как рыночно-ориентированная культура создает мотивацию для персонала и повышает их вовлеченность. Когда организация фокусируется на достижениях и признает индивидуальный вклад каждого специалиста, это формирует благоприятную среду для профессионального роста и развития, что в свою очередь ведет к росту производительности и удовлетворенности работой. Такой подход приводит к минимизации временных издержек, росту качества выполняемых задач и повышению эффективности использования ресурсов, что напрямую отражается на увеличении прибыли от реализации и общей производительности.

Ключевые слова:

Организационная культура, государственная гражданская служба, корпоративная культура, нормативно-правовое регулирование, нормы и ценности, эффективная деятельность, государственно-ориентированные решения, государственный служащий, поведенческие стандарты, корпоративные ценности

Введение

Дефицит профессиональных сотрудников стал серьезным вызовом для современных организаций, негативно влияя на их результативность. Государственные структуры активно изучают успешный опыт бизнеса в этой сфере, внедряя передовые методики. Формирование благоприятной корпоративной среды способно значительно усилить эффективность работы и достижение целей организации. Именно поэтому совершенствование культуры организации в государственном секторе становится приоритетным направлением развития.

Управленческие специалисты проявляют особый интерес к феномену организационной культуры госслужащих, который до сих пор остается малоизученным. В контексте эффективности работы органов власти ключевую роль играет системный подход к развитию их организационной культуры, включающий мотивационные механизмы, координацию действий и контроль. Именно поэтому рассмотрение организационной культуры государственных служащих как управленческого проекта становится все более значимым в современных условиях. Культурные ценности выступают основополагающим элементом этой системы.

Эффективность деятельности госслужащих является ключевым показателем качества государственной службы. Организационная культура в среде государственных

гражданских служащих представляет собой комплекс проверенных временем поведенческих норм и ценностных ориентиров. Эти правила, доказавшие свою результативность, передаются между сотрудниками как важный профессиональный опыт, формируя единую корпоративную среду. В системе российского государственного управления особое значение приобретает анализ специфики организационной культуры. Совершенствование государственной системы управления невозможно без эффективной работы служащих гражданского аппарата.

Свод негласных принципов и поведенческих стандартов, которыми руководствуются госслужащие в различных рабочих ситуациях, формирует их организационную культуру. Она включает в себя комплекс неформальных правил, традиционных обычаем и ценностных ориентиров, определяющих модели поведения современных представителей государственной гражданской службы.

Обзор литературы. Теоретико-методологическая база и нормативно-правовое регулирование.

Анализ литературы демонстрирует значительный интерес исследователей к изучению организационной культуры в системе государственной гражданской службы. Организационная культура - феномен, впервые описанный военным деятелем Германии Гельмутом фон Мольтке. Изучение взаимодействия между офицерами, их традиций и правил поведения в 1870-х годах привело его к созданию этого термина. Сегодня это понятие охватывает весь комплекс поведенческих норм, ценностных ориентиров и установок, принятых в организации [1]. Значительный вклад в исследование данного явления внёс Эмиль Джакус, опубликовавший в 1952 году исследование под названием «Многообразие фабричной культуры», ставшее одной из первых фундаментальных работ в этой области.

В научных кругах до сих пор ведутся дискуссии об однозначной трактовке терминов «организационная» и «корпоративная культура», которые считаются тождественными понятиями [2]. Несмотря на отсутствие единого мнения в научном сообществе, исследователи единогласно признают существование этого феномена. Особое внимание заслуживает трактовка, описывающая данное явление как комплекс коллективных установок и чаяний работников компании. Именно эти установки создают поведенческие стандарты и директивы, существенно влияющие как на весь коллектив, так и на отдельных сотрудников.

В научных источниках часто обсуждается, как корпоративные нормы влияют на действия персонала. При оценке событий и принятии решений ключевую роль играют моральные установки, которые определяют допустимые рамки поведения - это и есть ценности организационной культуры. Важно отметить, что понятия «корпоративная» и «организационная» культура используются как равнозначные термины, обозначающие комплекс принципов и стандартов, принимаемых коллективом компании и формирующих модели поведения её членов [3]. Создание благоприятной корпоративной среды служит ключевым фактором для достижения стратегических задач компании и её гибкой адаптации к внешним изменениям. Многочисленные научные работы подтверждают прямую взаимосвязь между культурой организации и её результативностью.

Борисенок А.Л. определяет организационную культуру как набор наиболее важных предположений, принимаемых членами организации и получающих выражение в заявляемых организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения и действий. Эти ценностные ориентации передаются индивидом через «символические»

средства духовного и материального внутриорганизационного окружения» [4]. В работе «Ритуалы как элементы корпоративной культуры в организации» [5] А. В. Кириллов рассматривает ритуалы как важный элемент корпоративной культуры. По его мнению, «благодаря ритуалам и обычаям сотрудники приобщаются к ценностям организации, чувствуют себя необходимой её составляющей». Другие авторы проводят диагностику корпоративной культуры на основе модели «луковица культуры», исследуя различные её аспекты. К элементам верхнего организационного уровня относятся символика, атрибутика, фирменная одежда, специальный жаргон. Глубокий уровень символизируют традиции, ритуалы, герои, нормы и правила [6].

Савелова Е. В. в своей работе «Мифологические основания современной корпоративной культуры» рассматривает понятия «миф» [7] и «мифотворчество» с позиций семиотической концепции Ролана Барта, анализируя важнейшие проявления мифа в корпоративной культуре. На конкретных примерах рассматриваются легендарно-исторический компонент мифа, его хронотоп, информационный дизайн, система канонических текстов. Делается вывод об актуальности и востребованности мифологической составляющей в современной корпоративной культуре, так как благодаря ей осуществляется важнейшая функция идеологического воздействия — функция внешнего управления социальной группой. В работе Эдгара Шейна [8] описывается система подходов и инструментов, направленных на успешное развитие бизнеса. Автор структурировал культурные элементы по трём уровням: артефакты, ценности/убеждения и базовые предположения. Он оценивает их роль в успехах и падениях организаций, предлагает методики культурного построения, внедрения и развития, анализирует национальную, этническую и корпоративную культуры. Также среди работ, внесших большой вклад в концептуализацию и описание теоретико-практических подходов относительно важности изучения государственной гражданской службы, необходимо отметить труды таких авторов как Васильев В.П. [9], Деханова Н.Г. [10], Холоденко Ю.А. [10] и др.

Важнейшую роль в данном процессе играет нормативно-правовое регулирование организационной культуры в системе государственной службы.

Указ президента России № 809, принятый 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», может служить ключевым ориентиром в определении приоритетных ценностей для государственных органов управления. Изучение этого документа дало возможность систематизировать и выделить конкретные объекты ценностного регулирования. Целенаправленное управление процессами создания, сохранения и передачи организационных ценностей является неотъемлемой частью формирования культуры организации. Особую значимость имеет документ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором представлен перечень основополагающих ценностных ориентиров.

Таблица 1 - Традиционные российские духовно-нравственные ценности

Объект	Традиционные ценности
Человек	Жизнь, достоинство, права и свободы человека
Семья	Высокие нравственные идеалы, крепкая семья

Труд	Созидательный труд, приоритет духовного над материальным
Отношения людей (Общество)	Гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение
Отечество	Патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу
История России	Историческая память и преемственность поколений, единство народов России

Нормативные акты, включая Указ Президента №885 от 12.08.2002 и Федеральный закон №79-ФЗ от 27.04.2004 (с последующими изменениями 19-ФЗ и 419-ФЗ), устанавливают основные поведенческие нормы и этические стандарты для служащих государственного аппарата. Эти документы являются фундаментом для построения организационной культуры в государственных структурах, которая должна базироваться на ценностных ориентирах, закрепленных президентским указом.

Решение президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23.12.2010 утвердило Типовой кодекс этики и служебного поведения для государственных и государственных служащих России. Эффективное регулирование поведения сотрудников госорганов обеспечивается благодаря качественной теоретической базе, заложенной в этих нормативных актах. Формирование организационных ценностей происходит под непосредственным воздействием сложившихся традиций учреждения, его исторического пути развития, а также личностных качеств и действий руководящего состава.

Обсуждение результатов. Принципы и функции организационной культуры.

Каждая компания обладает своим особенным набором правил и принципов. При этом фундаментальные корпоративные ценности, зафиксированные в официальных бумагах, формируют основу культуры организации. Вокруг этой основы естественным образом складываются уникальные традиции коллектива, которые должны гармонично сочетаться с традиционными духовными устоями российского общества.

Регламентированный характер работы государственного служащего создает двойственную ситуацию. С одной стороны, строгий контроль и четкие правила должны способствовать тому, что чиновник будет добросовестно исполнять свои обязанности на благо государства. Однако эта же зарегулированность может стать удобным предлогом для пассивности и нежелания проявлять какую-либо инициативу. В связи с этим ключевой задачей становится глубинная интеграция ценностей, прописанных в нормативных документах, в систему принятия решений и поведенческие установки сотрудников госаппарата.

При формировании культуры в государственных органах важно воздействовать как на эмоциональное восприятие, так и на рациональное мышление сотрудников. Эти два аспекта развития организационной культуры являются взаимодополняющими и равнозначными по важности. Для достижения максимального эффекта необходимо разрабатывать комплексные программы, гармонично сочетающие оба подхода. На базовом уровне организационной культуры госструктур требуется применение специальных методов воздействия, учитывающих особенности рационального

восприятия.

В организации действуют различные механизмы регулирования поведения сотрудников. Руководители проводят диалог с персоналом, обсуждая рабочие цели и предоставляемые отзывы о качестве выполнения задач с учетом корпоративных стандартов. Важную роль играют HR-инструменты, включающие программы адаптации новых сотрудников, оценку компетенций и профессиональное развитие. Деятельность работников регламентируется документами, устанавливающими правила поведения и критерии эффективности. Дополнительно применяются мотивационные схемы и системы поощрений для направления активности персонала в нужное русло.

Внедрение корпоративных ценностей в сознание сотрудников состоит из двух ключевых фаз. В первую очередь менеджмент должен обеспечить полное понимание персоналом основных принципов и идеологии компании. После этого необходимо достичь взаимного соглашения между руководством и работниками касательно этических норм, поведенческих стандартов и критериев оценки результатов работы. Конечной целью является не просто информирование, а формирование у сотрудников внутренней мотивации следовать принятым в организации ценностям при выполнении своих обязанностей.

Применение корпоративных ценностей непосредственно влияет на выполнение сотрудником его должностных обязанностей. Это позволяет специалисту оценивать собственные результаты и планировать рабочий процесс в соответствии с идеологией компании. Каждый работник получает четкое представление о том, как реализовать корпоративные принципы в рамках своих полномочий. На основе организационных стандартов формируются показатели эффективности деятельности персонала.

Моделирование картины мира во многом опирается на мифологическое мышление. При этом традиции, символика и ритуалы, наряду с корпоративными историями и легендами, выступают ключевыми факторами эмоционального воздействия на организационную культуру. В отличие от рационального подхода, данные инструменты активизируют глубинные архетипы в коллективном бессознательном человека, что позволяет осуществлять идеологическое влияние через обращение к чувствам и эмоциям, минуя логические механизмы восприятия.

В любой организации коллективная память формируется через историко-легендарную составляющую корпоративной культуры, которая становится своеобразной «священной летописью», как отмечает Е.В. Савелова. Через историю преодоления трудностей, этапы развития и становления компании создается особый нарратив организации. Эмоциональное единство коллектива поддерживается через систему корпоративных обычаяев, церемоний и традиционных мероприятий. Характерными примерами подобных ритуалов являются торжественные церемонии принятия новых сотрудников и отмечание профессиональных праздников, которые укрепляют организационные ценности в сознании коллектива [\[11\]](#).

Для сотрудника критически важно ощущать себя частью команды и испытывать эмоциональную связь с коллективом. Такая идентификация достигается разными способами. Ношение корпоративной одежды, использование фирменной символики и отличительных знаков помогает внешне продемонстрировать принадлежность к организации. Укреплению командного духа также способствуют различные мероприятия - от спортивных состязаний до культурных событий и корпоративных торжеств.

В процессе становления корпоративной культуры существует определенная

двойственность, отмечаемая многими исследователями. Они рассматривают ее как комплекс поведенческих установок и организационных ценностей, включающих такие аспекты, как взаимоуважение и профессиональный рост. Интересно, что появление культурных норм в организации может происходить стихийно, являясь ответом на различные ситуации в жизни трудового коллектива. При этом развитие корпоративной культуры далеко не всегда представляет собой спланированный и контролируемый процесс [12].

Организационная культура в государственных органах не должна формироваться стихийно, опираясь лишь на неформальные правила и негласные традиции. Без целенаправленного управления ценностями может сложиться нездоровая атмосфера, противоречащая моральным устоям России и мешающая эффективной работе государственных служащих.

Чтобы заявленные ценности реально работали, а не оставались просто словами на бумаге, необходимо их системное внедрение в повседневную практику госорганов. Это позволит сотрудникам принимать решения, основываясь на четких нравственных ориентирах, и сформирует здоровую рабочую среду. Требуется планомерная работа по развитию и поддержанию организационных норм в государственном аппарате.

Для укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей России, закрепленных в президентском Указе № 809 от 9.11.2022, необходимо внедрить систему публичного признания заслуг госслужащих, чьи действия и достижения отражают эти ценности. При этом ключевая роль в создании и развитии корпоративной культуры должна быть закреплена за первым лицом госоргана, который несет персональную ответственность за эти процессы внутри организации.

При подборе персонала необходимо учитывать соответствие личностных ценностей кандидата корпоративной культуре компании. В период испытательного срока следует оценивать, насколько успешно новый сотрудник принимает и следуют установленным нормам поведения. Это должно стать ключевым фактором при принятии решения о продолжении сотрудничества. Карьерное продвижение также должно базироваться на соответствии сотрудника корпоративным стандартам - руководящие позиции стоит доверять тем, кто демонстрирует приверженность ценностям компании. Таким образом, ценностные ориентиры становятся основными критериями как при найме, так и при дальнейшем профессиональном росте работников [13].

Формирование управленческого состава должно основываться на подборе руководителей, чьи личные убеждения соответствуют корпоративным стандартам. Важно оценивать не только профессиональные навыки и лидерские качества кандидатов на руководящие посты в госорганах, но и их способность транслировать организационные ценности коллективу. Руководитель своим примером демонстрирует модель поведения, что является эффективным инструментом укрепления корпоративной культуры. При этом организация вправе проводить оценку сотрудников и расставаться с теми, кто не соответствует установленным поведенческим стандартам. Такой комплексный подход к управлению персоналом позволяет создавать сильную команду единомышленников.

Цитируя знаменитое высказывание лорда Кельвина об измеримости как основе совершенствования, важно внедрить систему анализа корпоративной атмосферы в государственных структурах. Эффективность управленца следует определять через призму созданной им рабочей среды, включая степень удовлетворенности коллектива и глубину проникновения ценностей в организационную культуру.

Параллельно необходимо развивать управленческого состава навыки коучинга и менторства. Руководители должны освоить мягкие методы коммуникации, позволяющие эффективно транслировать цели работы и обеспечивать конструктивную обратную связь, способствующую профессиональному росту сотрудников.

Развивать и документировать летопись компании, акцентируя внимание на успехах и выдающихся работниках всех уровней. Создавать систему признания сотрудников, которые своими действиями и достижениями воплощают организационные стандарты и идеалы. Внедрять символические элементы, церемонии и обычаи, которые укрепляют у работников чувство единства с государственной службой России, вызывают профессиональную гордость и ощущение значимости их работы, основываясь на исконных моральных и духовных принципах нашей страны.

Принятие государственно-ориентированных решений сотрудниками управленческого аппарата станет возможным благодаря созданию особой корпоративной атмосферы, которая формируется путем внедрения описанных инициатив. Такая среда способствует правильному выбору в критических ситуациях, когда приоритетом является защита государственных интересов.

Библиография

1. Байер Ю.П. История возникновения феномена корпоративной культуры / Байер Ю.П., Козырев А.А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sciff.ru/istorija-vozniknovenija-fenomena-korporativnoj-kultury/> (дата обращения: 17.01.2025).
2. Борисенок А.Л. Понятие организационной культуры как аналог корпоративной культуры // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2006. № 24.
3. Тарасова А. А. Типология организационной культуры и ее особенности в России / А.А. Тарасова А. О. Власенко, И. В. Корецкая // Мировая наука: новые векторы и ориентиры. 2022. – С. 208.
4. Борисенок А.Л. Понятие организационной культуры как аналог корпоративной культуры // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2006. № 24.
5. Кириллов А. В. Ритуалы как элементы корпоративной культуры в организации / А. В. Кириллов, С. Головина // Материалы Афанасьевских чтений. – 2010. – № 8. – С. 228-233.
6. Куликова В. В. Диагностика корпоративной культуры в организации / В. В. Куликова, И. А. Бадаева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 2(84). – С. 89-92.
7. Савелова Е. В. Мифологические основания современной корпоративной культуры / Е. В. Савелова Д. В. Богомазова // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2020. – № 6(46). – С. 14-20.
8. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. – СПб: Питер, 2002. – 336 с.
9. Васильев В.П. Глобальные программы устойчивого развития: кризис достижения целей // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2024. – № 2. – С. 176-184.
10. Деханова Н.Г., Сушко В.А., Холоденко Ю.А. Социальный капитал как фактор формирования качества жизни // Социология. – 2023. – № 1. – С. 86-96.
11. Савелова, Е. В. Мифологические основания современной корпоративной культуры / Е. В. Савелова, Д. В. Богомазова // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2020. – № 6(46). – С. 15.
12. Никитина, О. О. Корпоративная культура как инструмент повышение эффективности деятельности организации / О. О. Никитина // Экономические исследования и

разработки. – 2022. – № 10. – С. 36.

13. Abdulrahman F. & Bassem M. (2023). Impact of organizational positive and negative culture on employee performance. International Journal of Organizational Analysis. 10.1108/IJOA-05-2023-3778.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование статья «Организационная культура в системе государственной гражданской службы» посвящена чрезвычайно актуальной теме повышения качества государственной службы в РФ.

Мы солидарны с авторами, которые считают, что «свод негласных принципов и поведенческих стандартов, которыми руководствуются госслужащие в различных рабочих ситуациях, формирует их организационную культуру. Она включает в себя комплекс неформальных правил, традиционных обычаяев и ценностных ориентиров, определяющих модели поведения современных представителей государственной гражданской службы».

В статье авторы дают анализ понятий «организационная культура» и «корпоративная культура», опираясь на работы А. В. Кириллова, Е.В. Савеловой и др. Также среди работ, внесших большой вклад в концептуализацию и описание теоретико-практических подходов относительно важности изучения государственной гражданской службы, авторы отмечают труды Васильева В.П., Дехановой Н.Г. , Холоденко Ю.А. и др.

Авторы отмечают, что важнейшую роль в регулировании организационной культуры в системе государственной службы играет нормативно-правовое обеспечение. Указ президента России № 809, принятый 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», по мнению авторов, может служить ключевым ориентиром в определении приоритетных ценностей для государственных органов управления.

Нормативные акты, включая Указ Президента №885 от 12.08.2002 и Федеральный закон №79-ФЗ от 27.04.2004 (с последующими изменениями 19-ФЗ и 419-ФЗ), устанавливают основные поведенческие нормы и этические стандарты для служащих государственного аппарата. Эти документы являются фундаментом для построения организационной культуры в государственных структурах, которая должна базироваться на ценностных ориентирах, закрепленных президентским указом.

В заключении авторы делятся основными выводами и дают рекомендации по формированию организационной культуры в системе государственной службы.

По мнению авторов, «регламентированный характер работы государственного служащего создает двойственную ситуацию. С одной стороны, строгий контроль и четкие правила должны способствовать тому, что чиновник будет добросовестно исполнять свои обязанности на благо государства. Однако эта же зарегулированность может стать удобным предлогом для пассивности и нежелания проявлять какую-либо инициативу. В связи с этим ключевой задачей становится глубинная интеграция ценностей, прописанных в нормативных документах, в систему принятия решений и поведенческие установки сотрудников госаппарата».

Статья изложена хорошим научным языком. Библиографический список включает 13 источников, что вполне достаточно для раскрытия заявленной темы.

Рекомендуем статью «Организационная культура в системе государственной

гражданской службы» к публикации.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Буй В.Х. Изменения в социальной структуре и общественной жизни в ремесленной деревне Туонг Бинь Хиеп под воздействием урбанизации // Социодинамика. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.4.73878 EDN: SDGORS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73878

Изменения в социальной структуре и общественной жизни в ремесленной деревне Туонг Бинь Хиеп под воздействием урбанизации

Буй Вьет Хоанг

ORCID: 0000-0002-3990-4467

кандидат социологических наук

Преподаватель Университет Тху Зая Мот

Аспирант; Кафедра российской государственности, социологических и политических наук;
Волгоградский государственный университет

400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. Университетский, 100

✉ vietbh@tdmu.edu.vn

[Статья из рубрики "Общины и землячество"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.4.73878

EDN:

SDGORS

Дата направления статьи в редакцию:

30-03-2025

Дата публикации:

08-04-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу изменений в социальной структуре и общественной жизни деревни лаковых ремесел Туонг Бинь Хиеп (провинция Биньзыонг) под воздействием процесса урбанизации. Это одна из старейших традиционных ремесленных деревень Юго-Восточного региона, известная лаковыми изделиями, имеющими высокую художественную и культурную ценность. Однако в последние десятилетия быстрый процесс урбанизации оказал большое давление на традиционную производственную деятельность, а также на жизнь местного населения. Основной метод, использованный в данном исследовании, включает анкетный опрос (N=297)

работников, занятых на производстве в 36 домохозяйствах ремесленного поселка для уточнения анализа на основе наблюдения или сбора имеющихся данных. Кроме того, в статье использован метод групповой дискуссии с участием представителей 14/36 действующих лакокрасочных предприятий. Цель исследования – выяснить изменения в организации производства, общественных отношениях, образе жизни и культурных ценностях сообщества под воздействием процесса урбанизации. Результаты исследований показывают, что расширение городов и экономическое давление привели к значительным изменениям в структуре труда и организации производства в ремесленных деревнях. Многие традиционные домохозяйства испытывают трудности с поддержанием производства из-за роста затрат, нехватки молодых рабочих и конкуренции со стороны промышленной продукции. Часть населения сменила карьеру на несельскохозяйственные сферы, такие как торговля, услуги, или участвовала в работе соседних промышленных парков. Это приводит к постепенному уменьшению количества домохозяйств, производящих лак, ослабляя присущую ремесленной деревне связь с сообществом. В статье делается вывод, что, хотя процесс урбанизации открывает экономические и инфраструктурные возможности, он также создает большие проблемы для сохранения традиционных ремесленных деревень. Чтобы сохранить культурную самобытность и способствовать устойчивому развитию, необходимо проводить синхронную политику, направленную на поддержку жителей ремесленной деревни в адаптации к изменениям, сохраняя при этом уникальные культурные ценности лаковой ремесленной деревни Туонг Бинь Хиеп в контексте все более сильной урбанизации.

Ключевые слова:

Изменение, социальная структура, общественная жизнь, ремесленная деревня, воздействие, урбанизация, экономика, общество, сохранение, современный Вьетнам

Введение

Традиционные ремесленные деревни являются важной частью социально-экономической системы Вьетнама, не только способствуя созданию рабочих мест и стабилизации жизни, но и сохраняя многовековые культурные ценности. Однако под влиянием урбанизации многие ремесленные деревни сталкиваются с серьезными изменениями в структуре труда, организации производства, а также в общественной жизни. Деревня лаковых изделий Туонг Бинь Хье (провинция Биньзыонг) является типичным примером такой трансформации.

Тема «Изменения в социальной структуре и общественной жизни в ремесленной деревне Туонг Бинь Хье под влиянием урбанизации» связана с вопросами социально-экономической трансформации, общественных отношений и изменений в моделях семьи в традиционной ремесленной деревне. Несмотря на то, что было проведено много исследований, посвященных влиянию урбанизации на ремесленные деревни, все еще существуют некоторые важные пробелы в исследованиях, а именно:

Отсутствие глубоких исследований изменений в семейных и общественных отношениях в ремесленных деревнях. Большинство предыдущих исследований были сосредоточены на экономических изменениях в ремесленных деревнях, особенно на влиянии рынков и индустриализации на производство. Однако исследований, посвященных влиянию урбанизации на структуру семьи, роли ее членов и уровень сплоченности домохозяйств в ремесленных деревнях, не так много.

Количественный анализ степени снижения сплоченности общества практически не проводился. Во многих исследованиях качественно описывается снижение социальной сплоченности, но лишь немногие измеряют степень изменений с помощью конкретных показателей (таких как частота общения между домохозяйствами, уровень участия в коллективной деятельности, изменения в отношениях взаимной поддержки и т. д.). Количественные исследования могут помочь прояснить масштаб и степень этих изменений.

Роль культурных факторов в поддержании социальной сплоченности не до конца оценена . Урбанизация влияет не только на экономику, но и на культуру и образ жизни жителей ремесленных деревень. Однако мало исследований было посвящено тому, как традиционные культурные ценности, такие как деревенские обычаи, верования и родственные отношения, адаптировались или пришли в упадок в контексте урбанизации.

Отсутствие сравнительных исследований с другими ремесленными деревнями. Большинство исследований ремесленной деревни Туонг Бинь Хье в основном рассматривают отдельные случаи, не сравнивая их с другими ремесленными деревнями во Вьетнаме с аналогичным уровнем урбанизации. Это сравнение может помочь прояснить конкретные элементы ремесленной деревни Туонг Бинь Хье и найти эффективные модели адаптации.

В условиях все более интенсивной урбанизации социальная структура ремесленной деревни Туонг Бинь Хье претерпела множество существенных изменений. В прошлом производственные домохозяйства в ремесленных деревнях были тесно связаны, а семейные и общинные отношения играли важную роль в поддержании производства и передаче ремесла. Однако упадок ремесленных деревень из-за конкуренции с крупным промышленным производством, а также тенденция к оттоку рабочей силы из ремесленного сектора напрямую повлияли на структуру семьи, разделение труда и уровень социальных связей в общинах ремесленных деревень.

Кроме того, изменения в жизни общества наглядно демонстрируются через уровень общения между домохозяйствами, соседские отношения, а также участие жителей в общих мероприятиях деревни. Если в прошлом мероприятия по укреплению связей в обществе, такие как деревенские собрания, обмен производственным опытом и поддержка друг друга в бизнесе, проводились регулярно, то сейчас такие мероприятия имеют тенденцию к сокращению. Современная городская среда с индивидуальным образом жизни постепенно вытесняет традиционные модели сообществ.

Учитывая эти реалии, в статье будет проведен глубокий анализ изменений в социальной структуре и жизни сообщества в ремесленной деревне Туонг Бинь Хиеп, разъяснены причины воздействия и в то же время даны некоторые рекомендации по сохранению ценностей сообщества в контексте урбанизации. Изучение этих изменений не только помогает лучше понять влияние урбанизации на ремесленные деревни, но и способствует поиску подходящих решений для поддержания социальной сплоченности в традиционных ремесленных деревнях.

Методология и методы

Авторский опрос на тему «Оценка влияния урбанизации на жителей деревни лаковых ремесленников Туонг Бинь Хье» был проведен в январе 2025 года. В исследовании использовался метод сплошного опроса с размером выборки ($N=297$) человек. По данным Народного комитета коммуны Туонг Бинь Хье, к 2025 году в коммуне останется всего 36 единиц (включая предприятия, компании и домохозяйства), занимающихся

ручным производством лака, с общей численностью работающих 297 человек. Поэтому автор провел обследование всех 36 этих предприятий, чтобы оценить влияние урбанизации на деятельность по производству лаков.

Кроме того, социологическое исследование автора было проведено методом фокус-групповой дискуссии на тему «Оценка влияния урбанизации на развитие предприятий по производству лаков в ремесленной деревне Туонг Бинь Хьеп». Обсуждение состоялось в феврале 2025 года в представительстве деревенского кооператива по производству лаков Tuong Binh Hier при участии представителей 14/36 действующих предприятий по производству лаков. Члены комиссии отбираются на основе таких критериев, как опыт работы, профессиональная компетентность и способность принимать решения в ходе деловых операций. В ходе исследования был проведен комплексный анализ фактического влияния урбанизации на развитие предприятий по производству лакокрасочной продукции, а также определены корректировки производственной деятельности для адаптации к условиям урбанизации.

Результаты исследования и обсуждение

Что касается разделения труда в домохозяйствах, результаты исследования в ремесленной деревне Туонг Бинь Хьеп показывают, что основной рабочей силой в домохозяйствах, занимающихся ремесленным производством, является глава домохозяйства. Большинство нынешних владельцев домохозяйств в ремесленной деревне — высококвалифицированные работники, достигшие высокого уровня мастерства в профессии благодаря опыту и преемственности, отвечающие строгим требованиям профессии и рынка. При этом в производстве участвуют не только мужчины и являются профессиональными главами домохозяйств, но и женщины, которые являются как высококвалифицированными специалистами, так и профессиональными главами домохозяйств. Согласно собранным данным, доля домохозяйств, где главой семьи является женщина, составляет 12,79%, доля домохозяйств, где главой семьи является мужчина, составляет 87,21%. Причина, по которой доля мужчин, являющихся главами домохозяйств, имеющих профессию, выше, чем доля женщин, заключается в особенностях ремесленной деревни Туонг Бинь Хьеп, традиционной социальной структуры вьетнамского народа, где роль мужчин-глав домохозяйств по-прежнему распространена. Мужчины часто являются представителями семьи, участвуя в семейной и общественной работе. Другими словами, общая система профессиональных ценностей и система ценностей, основанная на разделении труда, по-прежнему отводят мужчинам положение главы профессиональной семьи. Это наглядно отражено в разделении труда в семьях с профессиями следующим образом: в большинстве семей с профессиями бабушки и дедушки вышли из трудоспособного возраста, поэтому они не занимаются непосредственно производством, а лишь сохраняют свои рабочие места. Обычно сын (муж) непосредственно производит, управляет, направляет рабочих, выполняет наиболее сложные этапы, требующие высокого уровня профессионализма и производительности труда. Невестка (супруга) участвует в управлении продажами, общении с клиентами, ведении переговоров о ценах, участвует в некоторых этапах производственного процесса, подходящих для женщин, а также совмещает работу по дому, заботясь о родителях и детях. Эти роли остаются практически неизменными в домохозяйствах, занимающихся производством лака, в ремесленной деревне Туонг Бинь Хьеп (98,99%). Таким образом, хотя многие экономические факторы изменились, роли членов семьи в целом остались прежними. Это наглядно демонстрирует традиционность, передаваемую из поколения в поколение во вьетнамских семьях.

Для ремесленных деревень концентрация создала много рабочих мест для работников со

стабильным доходом, но путем наблюдения и сбора фактических данных автор обнаружил, что в текущей ситуации деятельность ремесленной деревни Туонг Бинь Хьеp все больше идет на спад, производственные домохозяйства больше не в состоянии генерировать доход из-за отсутствия конкурентоспособности с более крупным производством. Это согласуется с результатами опроса, в котором 70,37% респондентов заявили, что столкнулись с большими трудностями, когда домохозяйства, в которых работают специалисты, перестали быть близко расположеными. Следствием этой проблемы является нехватка рабочих мест для работников, поэтому они вынуждены искать другую работу, чтобы заработать на жизнь. На производственных предприятиях из-за нехватки человеческих ресурсов всю работу приходится брать на себя ремесленникам и членам семей, что создает дублирование и нарушает эффективную структуру продвижения личных интересов на рабочем месте. Кроме того, у ремесленников мало возможностей обмениваться информацией и взаимодействовать друг с другом. Значительное сокращение численности рабочих также ухудшило производство.

В условиях урбанизации социальная роль жителей ремесленной деревни Туонг Бинь Хьеp выражается через систему поведенческих норм, обязанностей и прав, связанных со статусом жителей ремесленной деревни. В частности, в домашнем хозяйстве один человек выполняет функции как главы семьи, так и владельца семейного производственного предприятия. Эти люди должны задавать направление, определять тип семейного бизнеса и порядок его ведения, руководить и управлять работниками, проверять продукцию, а иногда и выполнять работу самостоятельно. В ремесленной деревне Туонг Бинь Хьеp, как уже упоминалось выше, главой семьи обычно является мужчина, муж играет ведущую роль, а также является владельцем домашнего производственного бизнеса, играя решающую роль в дизайне продукции. Женщины часто берут на себя такие роли, как взаимодействие с клиентами, ценообразование, управление доходами и расходами, а также участвуют в сельскохозяйственных работах, работе по дому и уходу за детьми. Роль бабушек и дедушек в семье может заключаться в духовной поддержке, передаче секретов и практического опыта в профессии, а также в решающей роли в важных семейных событиях, таких как церемонии сыновней почтительности, новогодние праздники и празднования долголетия (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Статистика социальных ролей членов семьи в ремесленных деревнях

Работа	Миссис и мистер	Родители	Дети
Производственный бизнес	4.7	93	2.3
Образование детей	4.9	28.2	67.0
Проф ориентация детей/внуков	5.2	90.1	4.7
Покупка дорогостоящего оборудования	6.6	89,5	3.9
Работа в деревне и клане	30.5	67.2	2.3
Строительство домов, ремонт домов	20.4	77.7	1.9

Исследуя социальную ситуацию в ремесленной деревне Туонг Бинь Хиеп, роль членов семьи в ремесленной деревне, были получены следующие результаты: бабушки и дедушки играют решающую роль в работе деревни, клан составляет 30,5%. Родительские роли распределены между производством и бизнесом - 93,0%; профессиональная ориентация детей - 90,1%; покупка дорогих вещей - 89,5%. Состояние ребенка играет важную роль в обучении. Таким образом, позиция родителей

играет решающую роль в большинстве профессий, но в образовании детей бабушки, дедушки и родители отдают приоритет праву принятия решений и в то же время позволяют детям проявлять активность в своем обучении. Что касается изменения социальных ролей членов семьи, то 81,1% респондентов заявили, что у них стало больше ролей, чем раньше, и только 18,9% заявили, что ничего не изменилось. Причина этих изменений заключается в том, что в современных городских обществах отношения и работа стали более разнообразными, что вынуждает каждого человека брать на себя несколько ролей одновременно.

В общине ремесленной деревни социальная роль ремесленных предприятий проявляется в роли директоров компаний и предприятий в организации производства, выполнении налоговых обязательств перед государством, поиске рынков сбыта, а также в решающей роли в управлении всей деятельностью компании и предприятия с целью получения ими прибыли. Руководителям предприятий необходимо содействовать процессу реструктуризации трудовых ресурсов, создавать рабочие места для рабочих и домохозяйств в ремесленных деревнях и способствовать развитию ремесленных деревень. Между тем социальная роль мастера заключается в создании красивых и качественных изделий. Они работают по найму, чтобы заработать денег на содержание себя и своих семей, а также вносят важный вклад в существование и развитие ремесленной деревни. Социальная роль ремесленников и квалифицированных рабочих заключается в том, чтобы самим создавать продукцию, и они играют очень важную социальную роль в социальной структуре общины ремесленной деревни. Ремесленники должны сохранять, передавать опыт и развивать ремесленные деревни.

Для оценки уровня сплоченности семьи, выраженного через количество поколений, занимающихся традиционными видами деятельности в профессиональных семьях, автор выявил, что социальная структура в основном состояла из двухпоколенных семей. Это означает, что профессии воспроизводятся, наследуются и развиваются от одного родительского поколения к другому. Фактически, в ремесленной деревне Туонг Бинь Хьеп большинство нынешних владельцев бизнеса знакомы с этой профессией еще со школьных времен. Все члены их семей выполняют эту работу, поэтому после окончания школы они постепенно овладевают ею, сначала выполняя легкую вспомогательную работу. Таким образом, по сей день большинство мастеров лакирования обладают мастерством, поскольку профессия передается им по наследству от родителей. Этот процесс представляет собой реструктуризацию данного профессионального сообщества по сравнению с предыдущим поколением: они наследуют опыт, методы производства и профессиональные правила, и в то же время добавляют новые методы, помогающие производству и бизнесу улучшить результаты. В семьях, где два или более поколений занимаются карьерой, следующее поколение очень гордится тем, что их отец/дед оставил им карьеру, которая обеспечивает основной доход семьи. Что касается семейных связей, то они укрепляются благодаря всеобщей поддержке в трудные времена. Поэтому сельчане в основном полагаются на родственников - 63,3%, на людей из престижных семей - 24,6%; в общественных организациях и на селе - 12,1%. Таким образом, в общине ремесленной деревни семейные отношения и роль клана по-прежнему уважаются и поощряются местными жителями. В целом в ремесленных деревнях традиционные ремесла по-прежнему передаются из поколения в поколение, хотя рыночная экономика повлияла на размер семей и домохозяйств, сделав их меньше и менее влиятельными. Однако в профессиональных домохозяйствах по-прежнему существует связь между поколениями, заключающаяся в передаче опыта работы от предыдущего поколения к следующему.

Еще одним положительным фактом этого изменения является то, что отношения между членами семьи и родственными линиями также стали более открытыми. Идеология навязывания догм постепенно исчезает и заменяется принципом совместного пользования, уважения, равенства, демократии между членами семьи. Время, которое члены семьи проводят вместе, забота и внимание становятся гораздо важнее. Муж и жена по сути являются партнерами по жизни, объединенными ради создания семейного очага. Больше не существует представления о том, что жена должна служить мужу в семье. 77,7% опрошенных мужей считают, что муж должен участвовать вместе с женой в уходе за детьми и их воспитании. Это создает прочную связь между членами семьи и кланами. Гендерное равенство является одним из ключевых факторов, способствующих улучшению качества жизни отдельных людей, семей и всего общества. Это фундаментальная основа стратегии развития человечества. Семья является ячейкой общества, поэтому достижение гендерного равенства и поощрение участия женщин в семейном труде позволит устраниć гендерную дискриминацию, создав равные возможности для мужчин и женщин в процессе развития. Социально-экономическое развитие обеспечило развитие человеческих ресурсов в направлении подлинного гендерного равенства, установления отношений сотрудничества и поддержки между мужчинами и женщинами во всех сферах общественной и семейной жизни. Гендерное равенство достигло значительного прогресса, особенно после вступления в силу Закона о гендерном равенстве. Юридического различия между мужчинами и женщинами не существует, однако возможности женщин добиться гендерного равенства остаются ограниченными. Никто не может отрицать роль женщины в семье, от материнства до ведения домашнего хозяйства, помогая семье развиваться и быть счастливой. Однако для обеспечения гендерного равенства женщинам приходится не только заниматься домашним хозяйством, но и активно участвовать в общественной жизни. Повышение осведомленности о гендерном равенстве в современном обществе помогает женщинам добиваться прогресса и брать под контроль свою жизнь. Благодаря прогрессу общества женщины сегодня уже не заперты в углу дома или в саду. Они имеют равные с мужчинами возможности учиться и развиваться, а также возможность полностью реализовать свой потенциал. Фактически, в ремесленной деревне Туонг Бинь Хиеп женщины могут участвовать в любой сфере деятельности, а в некоторых сферах женщины даже преуспевают лучше мужчин. Это одно из важных изменений в мышлении людей. Это помогает им построить благополучную, равноправную и прогрессивную семью.

Процесс урбанизации, концентрация и накопление городского населения не означают сплоченности общества. Напротив, городская жизнь также ослабляет общинное сообщество в районе Туонг Бинь Хиеп, люди живут более разрозненно. Результаты опроса об уровне общения жителей с соседями следующие: 8,8% жителей заявили, что этот уровень вырос больше, чем до урбанизации, однако до 59,9% респондентов заявили, что этот уровень стал выше, чем до урбанизации. Относительно уровня общения жителей с соседями более половины респондентов выбрали вариант «иногда» - 53,2%, «часто» - 31%, общения нет - 15,8%. Причинами общения между людьми являются: случайная прогулка на улице - 56,6%, случаи активности или участия в общественных мероприятиях - 33%, при этом встречи дома становятся менее значимыми - 10,4%. Эти результаты показывают, что общение, отношения, солидарность, любовь и привязанность в повседневной жизни людей здесь существовали с древних времен, но в современном городском контексте происходят изменения, а традиции подвергаются сомнению и рискуют исчезнуть.

Быстрая урбанизация, экономическое развитие, рост доходов и уровня жизни создают

условия, позволяющие людям наслаждаться благополучной материальной жизнью и богатой духовной жизнью. То, как люди проводят свое свободное время, кардинально изменилось: у них появилось больше времени на развлечения, и оно стало более разнообразным и насыщенным.

Таблица 2:

Изменение привычек досуга и владения имуществом в ремесленной деревне Туонг Бинь Хиеп(за последние 10 лет)

Изменение привычек досуга

Вид досуга	10 лет назад (%)	В настоящее время (%)	Изменение (%)
Посещение соседей, родственников, друзей	62,5%	25,3%	-37,2%
Прослушивание радио	45,7%	2,5%	-43,2%
Просмотр ТВ, видео	35,2%	97,3%	+62,1%
Посещение церкви	21,7%	14,2%	-7,5%
Занятия спортом	16,4%	34,8%	+18,4%
Посещение храмов, пагод	8,1%	31,5%	+23,4%
Посещение парков развлечений	3,2%	16,8%	+13,6%
Чтение книг, газет	3,6%	15,4%	+11,8%
Походы в кино, пение караоке	2,5%	10,7%	+8,2%
Путешествия	0,8%	8,5%	+7,7%

Изменение владения имуществом в семьях

Имущество	10 лет назад (%)	В настоящее время (%)	Изменение (%)
Мотоцикл	73,3%	100%	+26,7%
Стиральная машина	62,8%	96,6%	+33,8%
Холодильник	76,3%	98,8%	+22,5%
Кондиционер	56,4%	86,9%	+30,5%
Мобильный телефон	84,4%	100%	+15,6%

Десять лет назад люди больше всего внимания уделяли посещению соседей, родственников и друзей (62,5%), прослушиванию радио (45,7%), просмотр телевизора (35,2%), посещению церкви (21,7%) и занятиям спортом (16,4%). В настоящее время наиболее популярной формой развлечения для жителей ремесленной деревни Туонг Бинь Хиеп является просмотр телевизора и видео (97,3%); занимаются физической культурой и спортом (34,8%); Далее следуют посещения деревенских храмов, пагод (31,5%) и парков развлечений (16,8%). Между тем, прослушивание радио больше не является привлекательным для людей (снижение с 45,7% до 2,5%). Напротив, некоторые виды деятельности значительно возросли, например, чтение книг и газет увеличилось с 3,6% до 15,4%; Парки развлечений увеличились с 3,2% до 16,8%; Походы в кино, пение, караоке увеличились с 2,5% до 10,7%; а туризм увеличился с 0,8% до 8,5%. Что касается приобретения и владения ценными активами в семье, то многие виды мебели, обслуживающие жизненные потребности людей, быстро возросли за более чем 10-летний период: например, покупка мотоциклов увеличилась с 73,3% до 100%, стиральных машин — с 62,8% до 96,6%, холодильников — с 76,3% до 98,8%, кондиционеров — с 56,4% до 86,9%, мобильных телефонов — с 84,4% до 100%. Эта

тенденция также свидетельствует о явном изменении качества жизни людей. В наши дни жители села стали ближе к жизни современного городского общества. Развлекательные мероприятия, помогающие людям восстановить силы после напряженной работы, становятся все более разнообразными по форме и количеству.

Чтобы лучше понять изменения в социальной структуре и жизни сообщества в ремесленной деревне Туонг Бинь Хьеп, в ходе исследования были проведены групповые интервью, которые дали следующие результаты:

Большинство опрошенных согласились, что разделение труда в семье существенно изменилось по сравнению с прошлым. Г-н Нгуен Ван Бинь (52 года, владелец предприятия по производству лаков) поделился: «Раньше, когда дети вырастали, они следовали за родителями, чтобы освоить ремесло. Теперь дети больше не хотят следовать этой профессии. У меня двое детей, старший работает в промышленном парке, младший учится в университете, никто не хочет продолжать семейный бизнес». Эту точку зрения подкрепляет мнение г-жи Ле Тхи Хоя (48 лет, лакировщица), которая видит, что роль женщин в семье также изменилась: «Раньше женщины выполняли только легкую работу и в основном заботились о семье. Теперь мне приходится работать и продавать онлайн, чтобы найти клиентов и получить дополнительный доход».

Данные интервью показывают, что, хотя мужчины по-прежнему играют доминирующую роль в производстве, женщины играют все более важную роль в деловой активности и маркетинге продукции. Однако гендерное разделение труда остается достаточно четким: мужчины берут на себя более сложные технические этапы.

Многие старейшины ремесленной деревни говорят, что уровень сплоченности сообщества за последние годы значительно снизился. Г-н Тран Ван Лам (65 лет, ремесленник на пенсии) выразил свое сожаление: «Раньше ремесленники часто собирались вместе, делились секретами и помогали друг другу, когда это было необходимо. Теперь каждый занят своей работой, и мы редко видим деревенские собрания или совместные посиделки, как раньше». Аналогично, г-жа Нгуен Тхи Лан (62 года, раньше работала в сфере лакирования) также прокомментировала: «Раньше соседи приходили каждый вечер, чтобы поговорить. Теперь все заняты, иногда они не видят друг друга целый месяц». У некоторых молодых людей другая точка зрения. Г-н Фам Ван Хай (34 года, мелкий производитель) считает, что эти изменения неизбежны: «В наши дни бизнес идет тяжело, всем приходится беспокоиться о том, как заработать на жизнь. Дело не в том, что ремесленные деревни больше не связаны, просто способ связи другой. Теперь мы в основном пишем, звоним или обмениваемся через Facebook, Zalo и редко встречаемся лично».

Таким образом, хотя традиционные связи имеют тенденцию к упадку, жители ремесленных деревень по-прежнему поддерживают связь посредством современных средств связи. Это свидетельствует об изменении способа достижения связи, а не о ее полной потере. Одной из проблем, которая часто упоминалась в интервью, была сложность содержания ремесленных деревень. Г-жа Тран Ти Минь (45 лет, владелица производственного предприятия) заявила: «Слишком большая конкуренция, производство лакированных изделий теперь уже не так прибыльно, как раньше. Цены на сырье растут, заказов мало, а промышленные изделия значительно дешевле». Кроме того, многие производственные хозяйства испытывают трудности с поиском новых работников. Г-н Нгуен Ван Хай (38 лет, владелец мастерской) сказал: «Молодых рабочих осталось не так много. Они идут работать в компании, потому что там зарплата выше и стабильнее. Если не будет решения, то через 10 лет будет сложно сдержать эту

ремесленную деревню». Этот результат согласуется с данными опроса, в котором более 70% респондентов заявили, что испытывают трудности с поддержанием производственной деятельности из-за нехватки рабочей силы и сокращения заказов.

По результатам фокус-групповых интервью можно сделать несколько ключевых выводов:

Изменение семейных ролей: результаты интервью показывают изменение структуры семейного труда, поскольку молодое поколение больше не хочет наследовать традиционные профессии. Изменилась и роль женщин в ремесленных деревнях: теперь они не только участвуют в производстве, но и играют важную роль в бизнесе и маркетинге.

Снижение сплоченности общества: как показали предыдущие исследования, урбанизация меняет способы взаимодействия жителей ремесленных деревень. Однако эта связь не исчезает полностью, а переходит в онлайн- и неформальные формы.

Проблемы выживания ремесленных деревень: трудности на рынке, трудовые и производственные издержки ставят под угрозу выживание ремесленных деревень. Без соответствующей политики поддержки вполне вероятно, что ремесленные деревни продолжат сокращаться в размерах или будут постепенно заменены моделями промышленного производства.

Выводы

Развитие урбанизации привело к глубоким изменениям в деревне лаковых ремесленников Туонг Бинь Хьеп, причем не только в экономическом плане, но и оказало сильное влияние на социальную структуру и жизнь общества. Результаты исследований показывают, что семейные и общественные отношения в ремесленных деревнях претерпевают значительные изменения: от традиционного разделения труда до уровня сплоченности между домохозяйствами и жителями деревни.

В прошлом семья играла центральную роль в производстве и передаче ремесла, в этом процессе участвовали многие поколения. Однако урбанизация сократила это наследие, поскольку молодое поколение, как правило, ищет работу за пределами ремесленных деревень, что приводит к сокращению числа квалифицированных рабочих и изменениям в структуре семьи. В то же время общественные мероприятия, которые когда-то были основой жизни деревни, также пострадали, поскольку жители все больше перешли к индивидуализированному образу жизни, сократив взаимодействие с соседями и общиной.

Однако культурные и традиционные ценности по-прежнему играют важную роль в поддержании социальной сплоченности в ремесленных деревнях. Между домохозяйствами по-прежнему сохраняются определенные связи посредством производственной, торговой деятельности, а также культурных и религиозных мероприятий. Однако для сохранения и развития этой связи в новых условиях необходимы соответствующие меры поддержки.

В целом, данное исследование способствует прояснению процесса трансформации социальной структуры и жизни общества в контексте урбанизации, подчеркивая при этом необходимость адаптивных мер для сохранения идентичности ремесленных деревень. В будущем сочетание экономического развития с сохранением традиционных ценностей станет ключевым фактором для дальнейшего устойчивого развития ремесленной деревни Туонг Бинь Хьеп в условиях все более урбанизированной среды.

Библиография

1. Нгуен, В. Х. Социальные и культурные изменения в традиционных ремесленных деревнях Вьетнама // Издательство социальных наук. 2015. С. 10-21.
2. Тран, Т. Н. Влияние урбанизации на вьетнамские традиционные ремесленные деревни: пример лаковой ремесленной деревни Туонг Бинь Хиеп. Докторская диссертация. Университет социальных и гуманитарных наук, 2020. С. 271-289.
3. Ле, М. Т. Урбанизация и изменения в жизнедеятельности жителей ремесленных деревень // Национальное политическое издательство. 2018. С. 13-25.
4. Фам, Т. Д. Профессиональная трансформация и модель производства в ремесленной деревне Туонг Бинь Хиеп под воздействием урбанизации // Вьетнамская социология. 2021. Т. 5, № 2. С. 45-60.
5. Динь, К. Х. Проблемы традиционных ремесленных деревень в контексте урбанизации: пример лаковых ремесленных деревень // Культурные исследования. 2019. Т. 8, № 1. С. 32-47.
6. Нгуен, П. А. Урбанизация и изменения в социальной организации в традиционных ремесленных деревнях // Устойчивое развитие. 2023. Т. 12, № 3. С. 21-38.
7. Ле, Б. Н., Шевалье, А. Экономический потенциал ремесленных деревень в пригородной зоне Ханоя // Издательство социальных наук. 2005. С. 19-32.
8. Данг, Т. П. А., Цао, Х. Х., Буй, Т. В. Влияние урбанизации на социально-экономическое развитие некоторых ремесленных деревень в городе Ханой // Социальные науки Вьетнама. 2019. Т. 9, № 2. С. 45-60.
9. Нгуен, Т. Х. Пространственные изменения: пример вьетнамской деревни // Национальное политическое издательство. 2018. С. 78-90.
10. Нгуен, В. С. Трансформация сельской культуры в процессе урбанизации // Культурология. 2021. Т. 10, № 3. С. 112-128.
11. Тран, Х. С. Фундаментальные изменения в современной сельской культуре // Культура и развитие. 2022. Т. 15, № 4. С. 55-72.
12. Ле, М. Н. Изменение организационной структуры вьетнамской деревни в исторические периоды // Вьетнамская социология. 2020. Т. 7, № 1. С. 32-47.
13. Нгуен, Т. Х. Изменение культуры ремесленной деревни Ван Фук // Этнология. 2023. Т. 8, № 2. С. 95-110.
14. Нгуен, Т. Х. Модернизация и традиционализация в переменах во вьетнамской деревне в Северной дельте // Антропология. 2017. Т. 6, № 1. С. 78-93.
15. Нгуен, Т. Л. А. Сохранение и устойчивое развитие традиционных ремесленных деревень в провинции Тхай-Нгуен // Наука и технологии. 2019. Т. 12, № 3. С. 41-57.
16. НИИ развития Биньзыонг. Влияние урбанизации на деревню лаковых ремесел Туонг Бинь Хиеп: результаты исследования и политические предложения // Научная конференция, Биньзыонг. 2022. С. 110-125.
17. Вьетнамская ассоциация социальных наук. Изменения в традиционной ремесленной деревенской культуре под влиянием процесса урбанизации // Национальная конференция по культуре и развитию, Ханой. 2017. С. 98-117. "

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются изменения в социальной структуре и общественной жизни в ремесленной деревне Туонг Бинь Хиеп под

воздействием урбанизации.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также метод опроса и, как отмечается в статье, «метод фокус-групповой дискуссии».

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в процессах, связанных с урбанизацией, и в условиях современных социальных трансформаций происходят значительные изменения, затрагивающие социальную структуру и общественную жизнь сельских поселений, таких как ремесленные деревни. Вьетнамские ремесленные деревни выступают в качестве уникальных социокультурных феноменов, в которых сохранились и поддерживаются традиционные ремесла, однако, воздействие на них урбанизации становится объективной реальностью, влекущей за собой множество изменений. Поэтому изучение изменений в социальной структуре и общественной жизни в ремесленной деревне Туонг Бинь Хиеп под воздействием урбанизации представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике и последующем анализе изменений в социальной структуре и общественной жизни в ремесленной деревне Туонг Бинь Хиеп под воздействием урбанизации. В рамках исследования был проведен «авторский опрос на тему «Оценка влияния урбанизации на жителей деревни лаковых ремесленников Туонг Бинь Хье», размер выборки составил ($N=297$) человек, а также фокус-групповая дискуссия «на тему «Оценка влияния урбанизации на развитие предприятий по производству лаков в ремесленной деревне Туонг Бинь Хье»».

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования статистической информации по изучаемой проблеме, а также использованием терминологии, характеризующей предмет исследования, а также подробным анализом и описанием полученных результатов.

Структура статьи, к сожалению, не полностью выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, поскольку некоторые структурные элементы в ней отсутствуют, либо представлены частично. В частности, структура данного исследования включает в себя введение, методологию и методы, результаты исследования и обсуждение, выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особый интерес представляет выявленная и отмеченная в ходе исследования тенденция, что «В условиях урбанизации социальная роль жителей ремесленной деревни Туонг Бинь Хье выражается через систему поведенческих норм, обязанностей и прав, связанных со статусом жителей ремесленной деревни. В частности, в домашнем хозяйстве один человек выполняет функции как главы семьи, так и владельца семейного производственного предприятия. Эти люди должны задавать направление, определять тип семейного бизнеса и порядок его ведения, руководить и управлять работниками, проверять продукцию, а иногда и выполнять работу самостоятельно. В ремесленной деревне Туонг Бинь Хье, как уже упоминалось выше, главой семьи обычно является мужчина, муж играет ведущую роль, а также является владельцем домашнего производственного бизнеса, играя решающую роль в дизайне продукции. Женщины часто берут на себя такие роли, как взаимодействие с клиентами, ценообразование, управление доходами и расходами, а также участвуют в сельскохозяйственных работах, работе по дому и уходу за детьми. Роль бабушек и дедушек в семье может заключаться в духовной поддержке, передаче секретов и практического опыта в профессии, а также в решающей роли в важных семейных событиях, таких как церемонии сыновней почтительности, новогодние праздники и празднования долголетия».

Библиография содержит 17 источников, включающих в себя отечественные и

международные периодические и непериодические издания.

В статье фактически отсутствуют сноски, поэтому, несмотря на наличие источников в библиографии, сложно говорить применительно к данной научно-исследовательской работе об описании в ней различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих предмет исследования, а также об апелляции к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «развитие урбанизации привело к глубоким изменениям в деревне лаковых ремесленников Туонг Бинь Хьеп, причем не только в экономическом плане, но и оказalo сильное влияние на социальную структуру и жизнь общества. Результаты исследований показывают, что семейные и общественные отношения в ремесленных деревнях претерпевают значительные изменения: от традиционного разделения труда до уровня сплоченности между домохозяйствами и жителями деревни. В прошлом семья играла центральную роль в производстве и передаче ремесла, в этом процессе участвовали многие поколения. Однако урбанизация сократила это наследие, поскольку молодое поколение, как правило, ищет работу за пределами ремесленных деревень, что приводит к сокращению числа квалифицированных рабочих и изменениям в структуре семьи. В то же время общественные мероприятия, которые когда-то были основой жизни деревни, также пострадали, поскольку жители все больше перешли к индивидуализированному образу жизни, сократив взаимодействие с соседями и общиной. Однако культурные и традиционные ценности по-прежнему играют важную роль в поддержании социальной сплоченности в ремесленных деревнях. Между домохозяйствами по-прежнему сохраняются определенные связи посредством производственной, торговой деятельности, а также культурных и религиозных мероприятий. Однако для сохранения и развития этой связи в новых условиях необходимы соответствующие меры поддержки». Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, социологами, урбанистами, аналитиками, консультантами и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, что текст статьи было бы целесообразно дополнить обзором литературы, а также необходимо дополнить исследование обобщающим заключением, а не ограничиваться только выводами по исследованию. Именно заключение должно создать впечатление законченности и логической завершенности проведенного исследования, а этот структурный элемент в статье не представлен. При оформлении таблиц и библиографии необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТов, оформить их в соответствии с этими требованиями. В тексте статье отсутствуют сноски, которые целесообразно было бы оформить в соответствии с действующими требованиями. Кроме того, необходимо обратить внимание на корректность названий периодических изданий в библиографии, все они либо начинаются со слова «журнал», либо в названии содержат слово «журнал», однако идентифицировать указанные периодические издания не представляется возможным, а соответственно, и перечисленные научные статьи не удается найти в той формулировке и описании, как они представлены в библиографии. Например, "Данг, Т. П. А., Цао, Х. Х., Буй, Т. В. В. Влияние урбанизации на социально-экономическое развитие некоторых ремесленных деревень в городе Ханой // Вьетнамский журнал социальных наук. 2019. Т. 9, № 2. С. 45-60." и "Ле, М. Н. Изменение организационной структуры вьетнамской деревни на протяжении исторических периодов // Вьетнамский социологический журнал. 2020. Т. 7, № 1. С. 32-47" и др. Поэтому возникают вопросы, связанные с поиском периодических изданий и

указанных в них публикаций по тем источникам, которые представлены в библиографии. Перечисленные недостатки не снижают научную значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устраниТЬ, доработать текст статьи, оформить сноски, уточнить источники в библиографии, а рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает процесс социальных изменений в традиционном обществе ремесленников под воздействием урбанизации. В качестве кейса для исследования выбрана ремесленная деревня Туонг Бинь Хиеп на юге Вьетнама. Учитывая прогрессирующий процесс урбанизации, который переживают многие традиционные общества в Азии, Африке и других регионах, научную актуальность и практическую значимость выбранной автором темы для исследования следует признать весьма высокими. Вполне адекватным представляется и методологический выбор автора в пользу сплошного опроса ($N=297$), а также фокус-группы. К сожалению, автор не проясняет концептуальные основания своего исследования, но при обосновании теоретико-методологического выбора указывает на некоторые недостатки существующих подходов к решению поставленной научной проблемы, что позволяет из контекста понять и концептуальную базу исследования. Вполне корректное применение описанной теоретико-методологической базы позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идёт о выявленном по результатам анализа изменении роли семьи в традиционных сообществах под давлением урбанизации, которое автор связывает с оттоком молодёжи в города, в результате чего сокращается число квалифицированной рабочей силы в деревнях. Размытию подвергаются и традиционные социальные институты этих сообществ, поскольку одним из следствий урбанизации становится всё большая индивидуализация домохозяйств, сокращение их взаимодействия с соседями и общиной в целом. Эти и другие факторы, выявленные автором в процессе исследования, приводят к существенной трансформации всей социальной структуры и жизни деревенских сообществ. И данные результаты представляют интерес для социальных наук. В структурном плане рецензируемая работа также производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. Особо следует отметить, что автор стремится воспроизвести принятую в мировой науке структуру IMRAD, хотя и в несколько скорректированном виде. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема, обосновывается актуальность её решения, проводится анализ основных подходов к этой проблеме, их достоинств и недостатков, а также формулируется цель и задачи исследования; - «Методология и методы», где несмотря на довольно странную формулировку [обычно противопоставляются материалы и методы, а не «методология и методы»], что по сути представляет одно и то же], читатель встречает презентацию основных методов и методик исследования; - «Результаты исследования и обсуждение», где представлены результаты проведённого анализа, а также предлагается их оценка; - «Выводы», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических и грамматических погрешностей (например, некоторые предложения перегружены

избыточной информацией: зачем воспроизводить в кавычках полное название статьи в предложении «Тема "Изменения в социальной структуре и общественной жизни в ремесленной деревне Туонг Бинь Хьеп под влиянием урбанизации" связана с вопросами...»? почему бы не сказать кратко «Тема статьи [исследования, работы и т.д.] связана с вопросами...»? это было бы более лаконично; некоторые предложения «повисают в воздухе», потому что автор ставит двоеточие, после которого следующие предложения идут не через дефис со строчной буквы и через запятую, а с прописной буквы и с точками в конце: «Несмотря на то, что было..., а именно: Отсутствие глубоких исследований... в ремесленных деревнях.», и др.), но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 17 наименований и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Хотя и могла бы быть усиlena за счёт использования источников на иностранных языках. Особенно в области антропологии. Тот же Джеймс Скотт довольно много писал о трансформации жизни традиционной деревни (в том числе, и в Юго-Восточной Азии) под влиянием внешних факторов – урбанизации, государственной формализации жизни и т. д. Но учитывая прикладной характер рецензируемого исследования, отсутствие в перечне использованной литературы подобных источников нельзя считать критическим недостатком. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части статьи при обосновании авторского теоретико-методологического выбора. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести довольно интересный аспект исследования, а также вполне качественный сбор и обработку эмпирического материала.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые её недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для социологов, антропологов, политологов, специалистов по Юго-Восточной Азии, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Социодинамика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Гафизова Н.Б. Домашнее насилие как фактор репродуктивных страхов (по материалам тематических сообществ в социальной сети ВКонтакте) // Социодинамика. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.4.73829 EDN: QTEMZK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73829

Домашнее насилие как фактор репродуктивных страхов (по материалам тематических сообществ в социальной сети ВКонтакте)

Гафизова Наталья Борисовна

ORCID: 0000-0001-6416-2015

кандидат исторических наук

доцент; кафедра теории управления; Ивановский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

153037, Россия, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Дунаева, д. 15, кв. 33

✉ gafizova-nb@ranepa.ru

[Статья из рубрики "Семья и общество"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.4.73829

EDN:

QTEMZK

Дата направления статьи в редакцию:

25-03-2025

Дата публикации:

16-04-2025

Аннотация: Предметом данной статьи является влияние случаев домашнего насилия на переживаемые женщиной репродуктивные страхи. Репродуктивные страхи – это эмоциональные состояния – опасения, тревоги, боязнь и т. п., переживаемые женщиной в период подготовки к беременности, ее течения, родов и ухода за младенцем. Автор исследует домашнее насилие в широком смысле, то есть как насилие со стороны любого члена семьи. Применяется общепринятая среди исследователей классификация видов домашнего насилия: физическое, сексуальное, психологическое, экономическое, использование детей для установления контроля над взрослой женщиной,

пренебрежение основными нуждами. Ключевыми исследовательскими вопросами выступили: Каким видам домашнего насилия подвергаются женщины в период беременности и родов? Как женщины воспринимают и описывают эти ситуации? Как эти ситуации воспринимаются участницами сообщества и отражаются в комментариях? Кто чаще выступает субъектом насилия? Каковы последствия для женщины и младенца? Как ситуации домашнего насилия влияют на переживаемые женщиной репродуктивные страхи? Основным методом исследования выступил качественный контент-анализ тематических сообществ социальной сети ВКонтакте «Подслушано у беременных и мам», «Истории родов. Беременность и роды», «Подслушано у беременных». Для анализа отбирались посты, инициированные участниками группы в течение одного календарного месяца, в которых описывались ситуации домашнего насилия, а также комментарии к ним. Установлены случаи всех, кроме сексуального, видов домашнего насилия. Наиболее распространенными являются психологическое и экономическое. Триггерами для всех видов домашнего насилия становятся нужда и бедность, нерешенность жилищной проблемы, межличностные конфликты и развод. Фактором, усиливающим уязвимость женщин к домашнему насилию, становятся правовая и финансовая неграмотность. Впервые, на основе материалов социальных сетей показывается, что инциденты домашнего насилия усиливают репродуктивные страхи, и в перспективе могут приводить к корректировке репродуктивных установок и планов, отказу от рождения последующих детей. В качестве практических рекомендаций по предотвращению и снижению негативных последствий инцидентов домашнего насилия, а также снижению репродуктивных страхов, можно предложить усиление мер по обеспечению женщин актуальной правовой, психологической и финансовой информацией, а также создание системы реабилитации для лиц с посттравматическим синдромом.

Ключевые слова:

социальные страхи, репродуктивные страхи, насилие, домашнее насилие, психологическое насилие, экономическое насилие, физическое насилие, уязвимость, социальные сети, триггеры насилия

Введение

Проблема домашнего насилия актуальна во всем мире. В свете демографических задач, которые решает наше государство, она приобретает особое звучание. Беспрецедентные усилия, предпринимаемые сейчас нашим государством по поддержке семьи, родительства и детства, призваны создать максимально благоприятные условия для реализации женщиной социальной значимой роли матери. Профилактика и преодоление последствий домашнего насилия является частью семейной повестки нашего общества и государства.

Нормативное определение насилия в отношении женщин дается в Декларации об искоренении насилия в отношении женщин, принятой Генеральной ассамблей ООН в 1993 году. Под ним понимается любой акт насилия, совершенный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни. Среди наиболее распространенных сфер применения насилия в отношении женщин Декларация называет семью, традиции, работу, государство.

Феномен насилия в отношении женщин исследуется представителями различных наук. Юристы акцентируют внимание на динамике соответствующих правонарушений, их юрисдикционной принадлежности, юридической ответственности, эффективности правоприменения, обязательств государства по имплементации норм международного права в национальное законодательство [1-6]. Большой объем исследований принадлежит медикам и психологам, которые исследуют причины домашнего насилия, его последствия для физического и психологического здоровья женщин, способы профилактики и помощи жертвам [7-11] и социологам, чьи исследования позволяют выявлять социальные корни домашнего насилия, факторы, влияющие на его динамику, наиболее уязвимые к домашнему насилию категории женщин, роль гендерных режимов и гендерной стереотипизации, общественного мнения и различных социальных институтов, включая социальные сети и медиа [12-18].

Насильственные практики в семье обычно именуются домашним насилием, которое в свою очередь может пониматься исследователями по-разному: в широком смысле – как любые насильственные действия в отношении женщин (любого возраста, статуса) и в узком – как насилие со стороны брачного партнера [19, с. 74]. В рамках данной статьи исследуется домашнее насилие в широком смысле – то есть как насилие со стороны любого члена семьи.

Также общепринятой среди исследователей является классификация видов домашнего насилия: физическое, сексуальное, психологическое, экономическое, использование детей для установления контроля над взрослой женщиной, пренебрежение основными нуждами [20, 7].

Одной из наиболее уязвимых к домашнему насилию групп женщин являются женщины беременные и женщины, находящиеся в отпуске по уходу за младенцем. В этот жизненный период детерминантами уязвимости выступают: физическое состояние, препятствующее привычной активности; вынужденный перерыв в трудовой занятости, способствующий появлению экономической зависимости от тех членов семьи, на чьи плечи ложатся обязанности по материальному обеспечению; ограниченность социальных контактов, замкнутость женщины на процессах ухода и заботы, подчиненность ее жизненного графика потребностям младенца и других членов семьи.

Переживаемая в связи с ожиданием родов и появлением на свет ребенка жизненная ситуация сопровождается особым эмоциональным состоянием, включающим полярные эмоции и чувства – от радости встречи с младенцем до множества страхов, среди которых, как показывают исследования автора преобладают экономические, статусные и физиологические [21, с. 96]. Репродуктивные страхи являются особой разновидностью социальных страхов, проявляющихся в наличии негативных эмоциональных переживаний, идентифицированных индивидом как состояние опасности, тревоги, боязни чего-либо. Объединяет эти эмоциональные переживания их связь с процессами подготовки к беременности, зачатия и вынашивания ребенка, ухода за младенцем, реализуемой социальной ролью, трансформацией внутрисемейных отношений, сложившейся системы распределения домашних обязанностей.

Социальные сети дают людям произвольно в соответствие со своими интересами, запросами и потребностями объединяться и обсуждать то, что их интересует, волнует, тревожит. Участие в тематических сообществах помогают женщинам преодолевать состояние исключенности из привычных взаимоотношений, они дают возможность канализировать страхи, а также имеют явно выраженный терапевтический

(компенсаторный) эффект, поскольку позволяют получать психологическую и информационную поддержку от других участниц сообщества.

Методы исследования

С целью изучения репродуктивных страхов, переживаемых женщинами в ситуации домашнего насилия, был осуществлен качественный контент-анализ трех тематических сообществ в социальной сети ВКонтакте: «Подслушано у беременных и мам», «Истории родов. Беременность и роды», «Подслушано у беременных»[Подслушано у беременных (vk.com); Истории родов. Беременность и роды. (vk.com); Подслушано у беременных и мам (vk.com)].

Особенностями этих сообществ выступают: отсутствие привязки к региону/городу; количество участниц более 70 000 человек, наличие ежедневной активности, инициируемой самими участниками сообщества.

Для анализа отбирались посты, инициированные участниками группы в течение одного календарного месяца (январь 2025 года), в которых описывались ситуации домашнего насилия, а также комментарии к ним. Обработка осуществлялась без применения специализированных программ и сервисов.

В качестве ключевых исследовательских вопросов выступили: Каким видам домашнего насилия подвергаются женщины в период беременности и родов? Как женщины воспринимают и описывают эти ситуации? Как эти ситуации воспринимаются участниками сообщества и отражаются в комментариях? Кто чаще выступает субъектом насилия? Каковы последствия для женщины и младенца? Как ситуации домашнего насилия влияют на переживаемые женщиной репродуктивные страхи?

Результаты

Прежде всего стоит отметить, что тема домашнего насилия находится на периферии обсуждаемых участниками сообщества тем. За исследуемый месяц было отобрано 29 единиц анализа (постов и комментариев к ним), явно или косвенно указывающих на присутствие проявлений домашнего насилия. Были выявлены все виды домашнего насилия за исключением сексуального (рисунок 1).

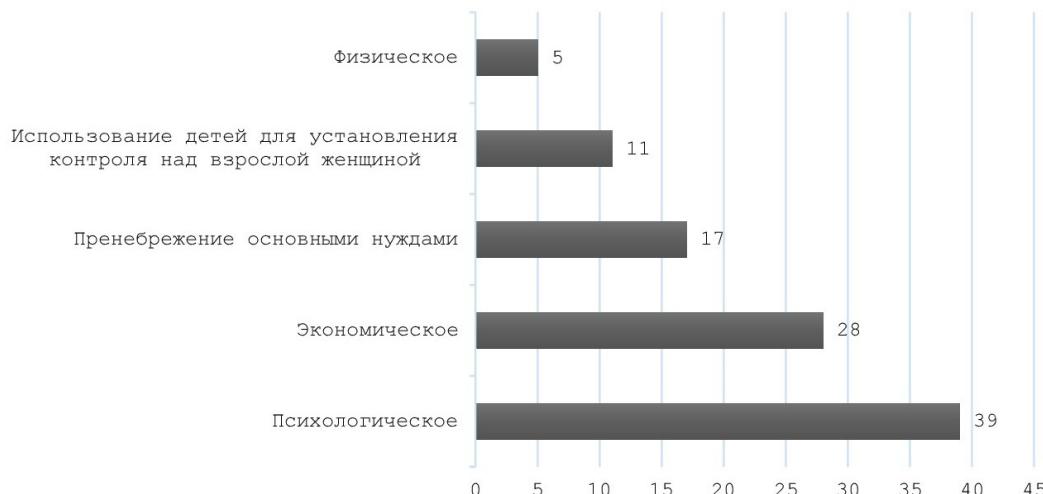

Рисунок 1. Представленность различных видов домашнего насилия, в %

Итак, наиболее распространенным видом домашнего насилия стало психологическое. И это коррелирует с выводами других исследователей, утверждающих, что

психологическое насилие «является наиболее распространенным и присутствует практически во всех случаях насилия в семье» [20, с. 7]. Данный вид насилия может проявляться абсолютно по-разному: в виде оскорблений, навязчивом подчеркивании недостатков, угрозах, попытках контролировать различные аспекты жизни, навязывании чувства вины. Субъектами насилия выступают муж, свекровь и сама женщина по отношению к ребенку.

Психологическое насилие со стороны мужа проявляется в форме оскорблений, например: *Есть муж и ребенок 1,3 года. С мужем постоянные ссоры, причем я всегда молчу, стараюсь уйти от конфликта... [https://vk.com/wall-150079080_1038883]* и агрессивной коммуникации: ... было тяжко в роддоме... со швом было очень больно и тяжело ухаживать за сыном, муж умудрился наорать на меня по телефону еще в тот момент когда я не могла разговаривать с ним, так как девчонки спали со мной в палате, и говорит по сей день, что я сама в этом виновата , наорал за того что якобы я там не нормально с ним разговаривала, а я помню этот момент, сижу на лавке говорю ему все шепотом и то перед девчонками было неловко разговаривать не хотела спать им мешать, ни слова плохо не сказала ему . [https://vk.com/wall-150079080_1038883]. Ранит женщину и элементарное равнодушие: *Муж не ценит, не помогает, ни морально, ни физически, ни материально, надоело. Только унижения* [https://vk.com/wall-81840381_3966846].

Мужья подвергают своих жен буллингу: *Я не понимаю, что я не так делаю, извинилась. Что еще надо? А он мне – так мог сделать только дебил , и началось у него куда я раньше смотрел ... т.д. [https://vk.com/wall-150079080_1038883] ; по возвращении (из роддома - прим. автора) домой стала замечать что муж, зная какие роды были тяжелыми, говорит такие фразы, как «толстая», «как будто плита бетонная на меня легла», подойдет к ребенку, увидит пузико, у дочери (оно немного надутое) и говорит «о доча, пузо как у мамы» [https://vk.com/wall-150079080_1027136].*

Субъектами буллинга выступают и свекрови, чаще всего поводом выступает лишний вес, набираемый женщиной при беременности: ...может сказать при всех: «тебе пора уже на диету», в такие моменты я жду защиты и поддержки от мужа, но он всегда говорит: «правда? Она так сказала? А я и не услышал даже» [https://vk.com/wall-81840381_3984248]; или: *Девочки, как бы вы поступили, если бы ваша свекровь, открыто бы заявляла, что вам нужно похудеть, каждый раз при встрече, и отправляет мне ссылки... на каналы про похудение, хотя сама далеко не идеал... сдерживаюсь больше ради мужа и ребёнка....вес потихоньку, но уходит... обидно ужасно и с каждым разом мне сложнее ей колко не ответить* [https://vk.com/wall-81840381_3969587].

Психологическое насилие, как правило, связано с гендерными стереотипами и патриархальным наследием, согласно которому имеет голос только тот член семьи, который вносит материальный вклад и имеет моральный авторитет: *У свекрови такое понятие, что она имеет дело только с теми, кто зарабатывает в семье, из-за этого она не общается с женой старшего брата мужа, сказала, что она никто...* [https://vk.com/wall-81840381_3984248].

Сами женщины, особенно переживающие постстродовую депрессию, также могут стать субъектами психологического насилия, как например в случае этой женщины, матери 4-летнего и 3-месячного детей: *Стыдно признаться и писать это все, но с появлением второго ребенка, старший ребенок жутко раздражает ... Если старший ребенок долго не засыпает, я начинаю орать, если не хочет есть, я начинаю угрожать, что вообще ничего больше не получит, если не хочет собирать игрушки – опять угрожаю, что выкину все*

игрушки и все это сопровождается жуткими нервами, повышаю голос... Даже если он плачет меня разрывает от злости. По любому пустяку я взрываюсь, старший у меня ограбает по полной, можно сказать ни за что. Я ужасная мать, каждую ночь корю себя за это, но днем во мне будто просыпается зверь по отношению к старшему. Не понимаю, что со мной происходит. Понимаю, что травмирую ребенка этим... Что мне делать, есть советы? У кого-нибудь было так? [https://vk.com/wall-81840381_3972237].

Таким образом, можно заключить, что психологическое насилие проявляется в контексте таких репродуктивных страхов, как физиологические (страх потерять внешнюю привлекательность вследствие родов, боязни боли и физической уязвимости), экономические (боязнь попасть в финансовую зависимость и потери субъектности), страха несоответствия нормативному материнству и послеродовой депрессии.

Экономическое насилие является вторым по представленности видом домашнего насилия. Оно связано с контролем расходов, отказом в содержании детей, приоритезацией обидчиком собственных нужд и трат и т.п. Анализ показывает, что триггером экономического насилия выступают межличностные конфликты, развод, а также спутником становится психологическое давление, запугивание, как например: хочу развестись с мужем, есть ребёнок 1,5 лет, но боюсь, как буду дальше жить... муж сказал, что не будет платить алименты ни ребёнку, ни мне, что подаст апелляцию. Будет покупать, что ОН РЕШИТ нужным ребёнку и все, а алименты не будет платить [https://vk.com/wall-150079080_1021721]. Усугубляет ситуацию недостаточная финансовая грамотность, когда женщина не до конца осознает своих имущественных прав: Муж постоянно... уходит куда-то пить, гулять ... У нас совместный ребенок один годик, ипотека и кредит (взятые на меня). Я в данный момент нахожусь в декрете, но подрабатываю немного. Муж особо не переживает за финансовую сторону семьи, только на словах, а при любой ссоре манипулирует деньгами и говорит, что кредиты мои и плати сама... [https://vk.com/wall-81840381_3978387].

Зачастую мужья не воспринимают женщину как равную, принимают экономические решения в ущерб интересам других членов семьи: С мужем больше 10 лет в браке, двое детей. Несколько лет назад он без моего ведома взял кредит на новую машину и меня поставил перед фактом, тогда простила, вроде лучше для семьи хотел; сейчас опять история повторяется взял и купил своим родителям технику в подарок на новый год. Я узнала, когда пришли поздравлять 1 января. Я сказала, что так не делается в семье, на что он сказал, что я раздуваю из мухи слона, типа он поступил правильно [https://vk.com/wall-150079080_1017823].

Или супруг ставит свои собственные нужды и траты на первое место: Мы с мужем уже вместе 7 лет, у нас есть два ребёнка. При этом все время жили у моих родителей, кроме последнего года. Удовольствие это не из дешёвых... Подумали вместе с мужем, решили, что он подпишет контракт, чтобы с выплат и зарплат взять себе квартиру. Подписал он контракт. И что? ... Он начал тратить эти деньги на все что угодно... то себе ноутбук купит, то мотоцикл... Ни мне нормально денег не скинет, ни игрушку хотя бы детям купить. И теперь вопрос, на какое мне это все, если за квартиру я не могу заплатить, потому что не работаю, а когда я ему говорю деньги скинуть на жилье и всё бытовое, то ответ почти одинаковый – родители помогут... [https://vk.com/wall-81840381_3976326]. Следует отметить, что данный пост собрал множество комментариев, которые обрушили на автора поста огромную волну негативных отзывов: Волосы дыбом встают от таких семей. Его не станет и получите свои деньги. Пусть человек порадуется хоть чему-то, пока есть ещё такая возможность. А вообще надо головой думать и создавать условия перед тем, как рожать детей [Там же]. Многие комментарии содержали призывы к самой женщине

выходить на работу, обрести финансовую самостоятельность от родителей и мужа: Увы. Но не ради вас и детей мужчина пошёл на СВО. Попросите родителей не давать вам больше денег. И да, если ребёнок уже не грудничок выходите на работу. Теперь вам только на себя надеяться нужно в плане финансов [Там же].

Итак, очевидно, что экономическое насилие формируется под влиянием гендерных стереотипов (муж – добытчик и как добытчик сам, не считаясь ни с кем, принимает финансовые решения), триггерами выступают напряженные межличностные отношения, бытовые неурядицы и финансовые трудности – отсутствие жилья, закредитованность и пр.

Рождение ребенка для женщины зачастую означает полное подчинение своих интересов потребностям младенца, ее жизнь, особенно когда муж не вовлечен в процессы ухода, превращается в бесконечный «бег на месте» и ожидание того, что никогда не наступит – ребенок подрастет и будет легче. В подобной ситуации пренебрежение основными нуждами как вид насилия оказывает дополнительное травмирующее действие: возила ее по всем больницам проверяли от и до... муж работал и приспичило ему покрасить машину ... после работы ехал (работает до 8)... затянулось это на пол-лета... приезжал уже за 12, ложился спать... отдельно, так как нужно высыпаться на работу... Говорит, что будет с ней сидеть когда подрастет и будет легче ... [https://vk.com/wall-150079080_1031165] ; или например: Вышла из декрета, когда ребенку не было три месяца, у мужа с работой проблемы, ипотека, а выплаты только от работы (нет и 20к), детские не положены из-за доходов. Муж иногда любит выпить с друзьями... если прошу приходить пораньше домой, чтобы помог с ребенком перед сном, он не приходит... [https://vk.com/wall-150079080_1018974]. Как видим, этот вид домашнего насилия способствует серьезному эмоциональному выгоранию и усиливает статусные риски.

По-прежнему сохраняются практики использования детей для установления контроля над взрослой женщиной. Субъектами насилия в данном случае выступают супруг и свекровь. Контролируются самые различные аспекты жизни. Например, процесс воспитания: она хочет, чтобы я раза 2-3 в день подключалась к видео и показывала ей, что делает ребенок, чему научился и т. д. [https://vk.com/wall-150079080_1025360]; или качество выполнения домашних обязанностей и поддержания себя в презентабельном виде: Муж очень требовательный, мне трудно и за ребенком успевать смотреть (ему уже год), и себя в порядок приводить, и дом держать в чистоте. Есть вот идеальные хозяйки от рождения, но это не про меня. А тут еще его родители приезжают погостить на месяц, он меня издергал подготовкой. [https://vk.com/wall-81840381_3983693]. Следует отметить, что общий тон комментариев к подобного рода постам, указывают на неприятие участницами сообществ подобного поведения со стороны свекрови и мужа: Раз у мужа есть финансовые возможности, вызвать клининг, на несколько часов няню или попросить родных посидеть, а сама в салон уделить себе время [Там же].

Кейс, в котором мы видим ситуацию физического насилия, по своей сути демонстрирует комплексный характер домашнего насилия – переплетение всех видов насильтвенных действий – физических, экономических и психологических: Наш папа на СВО и на роды не смог приехать, отпустили только сейчас. Я так ждала его приезда, что и не передать словами. Но моему разочарованию не было предела. Приехал совершенно другой человек, я его просто не могу узнать. Нервный, постоянно кричит, агрессивно себя ведет по отношению ко мне и нашему ребенку... А вчера, больно об этом писать, но избил меня. Теперь не знаю, что и делать, и страшно с ним оставаться и уходить от него страшно. Я его боюсь... Есть еще один фактор, который меня останавливает, это деньги,

не знаю, что делать просто. Что делать? Что мне делать? ... [https://vk.com/wall-81840381_3967562]. Очевидно, что причина насилиственных действий лежит в переживаемом супругом пострадавшей посттравматическом синдроме. Еще одной причиной, которой можно объяснить психологическую и физическую агрессию – компульсивная (компенсаторная) мужественность, когда мужчина через насилие в отношении более слабых компенсирует собственное несоответствие стандартам «брутальной маскулинности».

Важно подчеркнуть, что тон комментариев к данному посту демонстрирует однозначное неприятие любого, но прежде всего физического насилия: *Бежать [Там же]; Уходить. К маме, к подруге, на съёмную квартиру – неважно. О себе не думаете, подумайте о ребенке. Есть приюты для мамочек в тяжелых ситуациях. Есть телефоны психологической помощи. Ни в коем случае не убеждать себя, что это нормально. Не пускать ситуацию на самотек. Не мириться. Подавать на алименты на содержание себя и ребенка. У него ПТСР, который он либо лечит и прорабатывает с психотерапевтом, либо теряет семью. Или Вам нормально, что однажды он Вас убьет? А ребенка покалечит, тоже деньги будут останавливать? Он взрослый человек, а судьба вашего трехмесячного малыша (который не может сам себя защитить) только в ваших руках [Там же]; Заявление на него. Бежать ради ребенка!!!! В порыве злости он с легкого удара может убить ребенка! Перевернуть коляску! Мне вас сейчас тоже хочется стукнуть! Вы не мать! Уходить надо сейчас! Вот пока читаете комментарии, оделись и ушли! Надеюсь, что вы нормальная и уйдете. Не слушайте тех, кто пишет, что это лечится! Нет! Если он вас ударил, и вы не дали сдачи, чтобы он от страха бежал, роняя тапки, значит он так и будет вас бить и бить! [Там же].*

Заключение

Подводя итоги статьи, хотелось бы отметить следующее. Во-первых, тематические сообщества, объединяющие женщин в период беременности, родов и ухода за младенцем, являются не только способом коммуникации между участницами (возможность поделиться актуальной информацией, попросить совета у более опытных участниц, выплеснуть эмоции и т.п.), но способом канализации репродуктивных страхов – различного рода тревог, опасений, переживаемых женщинами в период подготовки к беременности и родам, вынашивания ребёнка, родов и последующего ухода за новорожденным.

Проведенный контент-анализ позволил установить, что в этот жизненный период женщина становится более уязвимой к домашнему насилию, а субъектами насилия, как правило, становятся те члены семьи, которые имеют экономические и психологические рычаги влияния – в нашем случае, это муж и свекровь.

Контент-анализ позволил выявить случаи всех, за исключением сексуального, видов домашнего насилия. Наиболее распространенным видом стало психологическое. Триггерами для всех видов домашнего насилия становятся нужда и бедность, нерешенность жилищной проблемы, межличностные конфликты и развод. Усугубляется ситуация правовой и финансовой неграмотностью женщин.

Инциденты домашнего насилия усиливают репродуктивные страхи, переживаемые женщиной. Можно предположить, что в перспективе они могут привести к корректировке репродуктивных установок и планов, потому что осознание своей уязвимости может побудить женщину к отказу от рождения последующих детей. Особую озабоченность вызывает физическое насилие, которое может быть чревато серьезным ущербом физическому и психическому здоровью женщины и ребенка.

Исследование показало, что перед органами социальной защиты, системы здравоохранения формируется новая задача по реабилитации мужчин с посттравматическим синдромом, и эта реабилитация должна учитывать не только фактор физического здоровья, но и психологического благополучия мужчины, которое будет влиять на его взаимоотношения с другими членами семьи. Эта работа может осуществляться под эгидой указа Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», в котором зафиксирована задача повышения к 2030 году уровня удовлетворенности участников специальной военной операции условиями для медицинской реабилитации, переобучения и трудоустройства в рамках национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи». Также в прикладном ракурсе решение проблемы домашнего насилия и превенции репродуктивных страхов видится, помимо правоохранительных механизмов, в области повышения правовой и финансовой культуры женщин, доступности для них полезной юридической, психологической и финансовой информации.

Также хотелось бы обозначить перспективы исследования. Они видятся в двух направлениях. Первое связано с исследованием социальных сетей и форм презентации в них домашнего насилия. Мы установили, что социальные сети и тематические сообщества выступают способами канализации страхов и тревог, в том числе вызванных инцидентами домашнего насилия. В этой связи важно понять, как можно использовать этот источник для более глубокого анализа домашнего насилия, его форм, причин, проявлений. Второе связано с исследованием репродуктивных страхов, их ролью в реализации женщиной социально значимой функции матери. Социальные сети дают обширный материал для выявления и последующего анализа репертуара репродуктивных страхов, их источников, влияния на формирование и исполнение материнской роли.

Библиография

1. Давтян М.Д. Борьба с домашним насилием: развитие содержания обязательств государства в рекомендациях Комитета по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Право и современные государства. 2018. № 4. С. 43-66. DOI: 10.14420/ru.2018.4.3. EDN: PCGFFE.
2. Летова Н. В. Семейное насилие как негативное социальное явление современного общества // Государство и право. 2022. № 12. С. 106-111. DOI: 10.31857/S102694520023306-7. EDN: IDBKCR.
3. Гончаренко О.К. Международное и национальное право и практика защиты женщин от домашнего насилия // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 53-64. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.5. EDN: TSYYVP.
4. Винокурова М.А. Почему женщины становятся жертвами домашнего насилия или как распространение новой коронавирусной инфекции повлияло на увеличение случаев применения насилия в семье? Зарубежный опыт борьбы с домашним насилием // Виктимология. 2021. Т. 8. № 4. С. 297-302. EDN: HZGDFP.
5. Селезнева Н. А. Противодействие гендерному насилию: российский и зарубежный опыт // Образование и право. 2020. № 9. С. 438-444. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10970. EDN: DGHOTA.
6. Hydén M. What Social Networks Do in the Aftermath of Domestic Violence // British Journal of Criminology. 2015. № 55. Р. 1040-1057. DOI: 10.1093/bjc/azv099.
7. Борисов С.Н., Волкова О.А., Бессчетнова О.В., Доля Р.Ю. Домашнее насилие как фактор нарушения социального и психического здоровья // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28. № 1. С. 68-73. DOI:

- 10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73. EDN: MDUTAT.
8. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами // Женщина в российском обществе. 2015. № 1. С. 4-17. EDN: TPKUOV.
9. Кекелидзе З.И., Качаева М.А., Харитонова Н.К., Васянина В.И., Шишкова О.А., Скибина Н.В., Назарова Л.Н. Медицинские аспекты проблемы домашнего насилия в отношении женщин и девочек (обзор литературы) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. Т. 27. № 5. С. 936-939. DOI: 10.32687/0869-866X-2019-27-5-936-939. EDN: ZOWXV.
10. Качаева М.А., Шишкова О.А. Психолого-психиатрические проблемы у женщин-жертв внутрисемейного насилия и их особенности в условиях самоизоляции в результате пандемии COVID-19 (научный обзор) // Психология и право. 2021. Т. 11. № 3. С. 131-155. DOI: 10.17759/psylaw.2021110310. EDN: CTTCBZ.
11. Malathesh B.C., Das S., Chatterjee S.S. COVID-19 and domestic violence against women // Asian Journal of Psychiatry. 2020. № 53. DOI: 10.1016/j.ajp.2020.102227. EDN: KZWMJW.
12. Bankovskaya S., Maddahi J., Khachaki T.L. From Isolation to Violence: Changes of the Domestic Environment in the Iranian Family under COVID-19 // Russian Sociological Review. 2021. Vol. 20, No. 4. P. 86-110. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-4-86-110. EDN: UBEEXF.
13. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 89-98. DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.8. EDN: ZDDYBW.
14. Рябова Т.Б., Рябов О.В. Пол, возраст, власть (к вопросу о социальной стереотипизации в современной политике) // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 3-16. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.1. EDN: YEXZKR.
15. Сиражудинова С.В. "я не могу сказать!": к проблеме домашнего и сексуального насилия в республиках Северного Кавказа (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан) // Женщина в российском обществе. 2017. № 4 (85). С. 26-35. DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.3. EDN: ZVZKRX.
16. Хасбулатова О.А. Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // Женщина в российском обществе. 2018. № 4 (89). С. 49-59. DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.5. EDN: YQTOTZ.
17. Швецова А.В. Современные исследования материнства: о чем (не)говорят тренды? // Вестник РГГУ. Серия "Философия. Социология. Искусствоведение". 2024. № 3. С. 103-113. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-103-113. EDN: OOLNVF.
18. Wong A., Ho S., Olusanya O., Antonini M.V., Lyness D. The use of social media and online communications in times of pandemic COVID-19 // Journal of the Intensive Care Society. 2021. № 22 (3). P. 255-260. DOI: 10.1177/0886260518757756. EDN: MEMWOE.
19. Казун А.П. Влияние пандемии коронавируса на домашнее насилие: обзор международных исследований // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 72-86. DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.6. EDN: IZQTXE.
20. Домашнее насилие: социально-правовой аспект / под общ. ред. Е.Н. Ершовой. М.: "Консорциум женских неправительственных объединений", 2013. 194 с.
21. Гафизова Н.Б., Цалко Е.О. Репродуктивные страхи жителей малых городов Ивановской области // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6. № 1. С. 87-99. DOI: 10.17323/usp61202187-99. EDN: FMKOJS.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является домашнее насилие как фактор репродуктивных страхов через анализ материалов тематических сообществ в социальной сети ВКонтакте.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод анализа, метод категоризации, а также, метод контент-анализа.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку домашнее насилие в современном обществе является достаточно распространенным явлением, имеющим разнообразные формы проявления. Наиболее уязвимой социальной группой, входящей в группу риска подверженности домашнему насилию, являются беременные женщины и женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком или детьми. С этих позиций исследование домашнего насилия как фактора репродуктивных страхов через анализ материалов тематических сообществ в социальной сети ВКонтакте представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна представленной работы заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного изучение домашнего насилия как фактора репродуктивных страхов через анализ материалов тематических сообществ в социальной сети ВКонтакте. В ходе исследования «был осуществлен качественный контент-анализ трех тематических сообществ в социальной сети в ВКонтакте: «Подслушано у беременных и мам», «Истории родов. Беременность и роды», «Подслушано у беременных»», а количество участниц сообществ составило более 70 000 пользователей.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения позиций известных ученых к исследуемому вопросу и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также описанием полученных результатов.

Структуру статьи, к сожалению, нельзя считать полностью соответствующей основным требованиям, предъявляемым к написанию научных статей, поскольку некоторые важные структурные элементы в ней не представлены или представлены частично. В структуре данного исследования определены такие самостоятельные элементы как введение, методы исследования, результаты, выводы и рекомендации, библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленная и отмеченная в исследовании тенденция, что «репродуктивные страхи являются особой разновидностью социальных страхов, проявляющихся в наличии негативных эмоциональных переживаний, идентифицированных индивидом как состояние опасности, тревоги, боязни чего-либо. Объединяет эти эмоциональные переживания их связь с процессами подготовки к беременности, зачатия и вынашивания ребенка, ухода за младенцем, реализуемой социальной ролью, трансформацией внутрисемейных отношений, сложившейся системы распределения домашних обязанностей».

Библиография содержит 18 источников, включающих в себя отечественные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание позиций и точек зрения ученых, характеризующих домашнее насилие и особенности его видов и форм проявления. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области

исследования. В частности, отмечается, что «тематические сообщества, объединяющие женщин в период беременности, родов и ухода за младенцем, являются не только способом коммуникации между участницами (возможность поделиться актуальной информацией, попросить совета у более опытных участниц, выплеснуть эмоции и т.п.), но способом канализации репродуктивных страхов – различного рода тревог, опасений, переживаемых женщинами в период подготовки к беременности и родам, вынашивания ребёнка, родов и последующего ухода за новорожденным. Проведенный контент-анализ позволил установить, что в этот жизненный период женщина становится более уязвимой к домашнему насилию, а субъектами насилия, как правило, становятся те члены семьи, которые имеют экономические и психологические рычаги влияния – в нашем случае, это муж и свекровь. Контент-анализ позволил выявить случаи всех, за исключением сексуального, видов домашнего насилия. Наиболее распространенным видом стало психологическое. Триггерами для всех видов домашнего насилия становятся нужда и бедность, нерешенность жилищной проблемы, межличностные конфликты и развод. Усугубляется ситуация правовой и финансовой неграмотностью женщин. Инциденты домашнего насилия усиливают репродуктивные страхи, переживаемые женщиной».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, социологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что необходимо обратить внимание на структуру статьи и отдельные ее элементы. В частности, при написании научной статьи необходимо придерживаться примерной структуры исследования, которая, как правило, включает в себя введение, обзор научной литературы, методы и методологию, результаты исследования, их обсуждение, выводы, по возможности, практические рекомендации и заключение. В представленной научно-исследовательской работе отсутствует раздел, характеризующий обзор научной литературы. Особое внимание следует уделить более подробному описанию именно методологии исследования, а не ограничиваться только кратким перечислением используемых методов, а точнее, одного метода контент-анализа тематических сообществ в социальной сети ВКонтакте. Целесообразно было после выводов и рекомендаций в статье отдельно описать заключение, изложить его ёмко и подробно, чтобы оно создавало впечатление законченности и логической завершенности проведенного исследования. При оформлении рисунка и сносок следует руководствоваться требованиями действующих ГОСТов и оформить их в соответствии с этими требованиями. В тексте статьи включены сноски на источники в виде «[Декларация об искоренении насилия в отношении женщин. Электронный ресурс. URL: Декларация об искоренении насилия в отношении женщин - Декларации - Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы (дата обращения: 03.02.2025)]», [Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Электронный ресурс. URL: Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года • Президент России (дата обращения: 14.03.2025)], возможно, достаточно было упомянуть эти нормативные правовые документы в тексте, указав исходные данные и реквизиты данных документов. Вероятно, сноски, включенные в текст в форме «[https://vk.com/wall-81840381_3966846]», «[https://vk.com/wall-150079080_1027136]», «[https://vk.com/wall-81840381_3984248]» и т.д., стоило бы оформить как электронные ресурсы и включить их в библиографию в качестве электронных ресурсов. В качестве рекомендации, возможно, при подготовке рукописи целесообразно было бы использовать и зарубежные источники, сослаться на них и включить в библиографию.

Кроме того, объем именно авторского текста в представленной научно-исследовательской работе не позволяет максимально полно и всесторонне раскрыть заявленную тему исследования. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устраниить, доработать текст статьи в плане конкретизации ее структуры и описания соответствующих дополнений. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает фактор домашнего насилия в формировании репродуктивных страхов у женского населения России. Учитывая распространённость данного феномена, переоценить научную актуальность и практическую значимость выбранной автором темы для исследования крайне трудно. Вполне адекватным представляется также и выбранный способ исследования: материалы тематических сообществ в социальной сети «ВКонтакте», поскольку именно в социальных сетях респонденты склонны менее всего следовать «спирали молчания» и «фальсифицировать предпочтения». Понятен и методологический выбор автора в пользу качественного контент-анализа собранного в трёх тематических сообществах сети «ВКонтакте» эмпирического материала. А вот к описанию использованной методологии есть вопросы. Зачем упоминать такие «детские» методы, как «анализ, обобщение, систематизация, сравнение»? Практически в любой научной работе эти методы используются. Зачем злоупотреблять терпением читателя и перечислять те методы, упоминания которых обычно встречаются только в студенческих курсовых? И уж тем более, перечисленные методы не могли «позволить», как выражается автор, «рассмотреть эмпирический материал в более широком контексте». Это метод анализа позволил «рассмотреть эмпирический материал в более широком контексте»? Или систематизация? Зачем вообще об этом говорить? Не стоит говорить и о сравнении «полученных результатов с выводами иных исследователей» – это самоочевидная обязанность любого исследователя. Обязанность по умолчанию, не требующая специальных оговорок. Лучше бы автор больше внимания уделил рефлексии и аргументации реальных научных теорий и методов, на основе которых проводилось исследование. Впрочем, претензии у рецензента возникли только к описанию декларированной методологии, но не к правильности её применения: заявленный контент-анализ использовался достаточно корректно и позволил получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, к таковым следует отнести выявленную на достойном эмпирическом материале связь между периодом подготовки к беременности родам женщины и её особой уязвимостью к домашнему насилию, с одной стороны, и формированием и усилением репродуктивных страхов, с другой стороны. Кроме того, на этом же материале автор выявил и описал все (кроме сексуального) виды домашнего насилия, отметив наибольшую распространённость насилия психологического. Наконец, достаточно продуктивной и представляющей научный интерес является гипотеза автора о связи между усилением – под воздействием домашнего насилия – репродуктивных страхов женщины, и корректировкой её репродуктивных планов. Но, как верно замечает автор, данная гипотеза нуждается в дополнительной проверке. В структурном плане рецензируемая работа, в целом, производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. Однако есть вопросы к

некоторым разделам статьи. Так вводная часть текста выглядит достаточно странно: вместо постановки научной проблемы и обоснования актуальности её исследования автор сразу даёт «нормативное определение насилия в отношении женщин», что несколько обескураживает читателя, который ещё не успел понять, о чём вообще будет идти речь в статье. Поэтому крайне важно отредактировать «Введение» таким образом, чтобы в начале статьи говорилось о той проблеме, которая будет исследоваться, и почему это исследование актуально, и только после этого переходить к определению ключевых понятий. Основную часть (под названием «Результаты») также было бы неплохо подкорректировать с точки зрения больших акцентов на видах домашнего насилия. Тем не менее, одним из структурных достоинств рецензируемой статьи можно признать стремление автора следовать принятой в мировой науке структуре IMRAD. Правда и здесь не совсем понятна логика автора, специально выделившего разделы «Выводы и рекомендации» и «Заключение». Зачем это было делать, с точки зрения структуры работы совершенно неясно: к «Заключению» автор отнёс описание перспектив дальнейших исследований. Почему бы не объединить эти два раздела под общим названием «Заключение» (где обычно и формулируются выводы, рекомендации и перспективы)? Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. Но в тексте встречается избыточное количество стилистических (например, отсутствие ссылок при цитировании источников из сети Интернет: «Декларация об искоренении насилия в отношении женщин. Электронный ресурс. URL; [ссылка не указана – рец.]», «Подслушано у беременных (vk.com) [указана неполная ссылка – рец.]» и др.; нет ссылок и на цитируемые посты и комментарии к ним, хотя скопировать ссылку на пост в социальной сети «ВКонтакте» вполне возможно; или неверное употребление предлогов, например: «в социальной сети в [учитывая, что следующее слово начинается с буквы "в", к предлогу "в" нужно добавлять букву "о": "во ВКонтакте"] ВКонтакте»; вообще, стилистически текст оформлен довольно неряшливо: в отсутствие кавычек при цитировании высказываний респондентов (автор вместо кавычек использует курсив) воспринимается очень тяжело и нуждается в стилистической обработке; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «За исследуемый месяц было отобрано 29 единиц анализа... [здесь же ещё пропущена запятая – рец.] явно или косвенно указывающИЕ на...»; или пропущенные запятые при обособлении вводного выражения «как правило» в предложении «Психологическое насилие как правило связано с гендерными стереотипами...»; и др.) ошибок, и этот факт стал решающим при отправке статьи на доработку. Весь текст нужно тщательно вычитать на предмет устранения стилистических, грамматических и структурных погрешностей. Библиография насчитывает 21 наименование, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части статьи при операционализации основных понятий. К специально оговориваемым достоинствам статьи можно отнести достаточно актуальную тему исследования, а также объём привлечённого для анализа эмпирического материала.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей почти всем основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для социологов, политологов, социальных работников, специалистов по профилактике домашнего насилия, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Социодинамика». Однако текст статьи нуждается в вычитке, поэтому рекомендуется к доработке.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступает домашнее насилие, рассматриваемое авторами в качестве как фактора репродуктивных страхов.

Методология исследования базируется на применении общенаучных методов, а также на качественном контент-анализе тематических сообществ в социальной сети ВКонтакте со значительным количеством участниц – более 70 тысяч человек.

Актуальность работы авторы связывают с наличием проблемы домашнего насилия во всем мире, необходимостью решения демографических задач в нашей стране, с потребностью в профилактике и преодолении последствий домашнего насилия.

Научная новизна рецензируемого исследования состоит в выводах о том, что тематические сообщества, объединяющие женщин в социальных сетях в период беременности, родов и ухода за младенцем, являются не только способом коммуникации между участницами, но и способом канализации репродуктивных страхов – различного рода тревог, опасений, переживаемых женщинами в период подготовки к беременности и родам, вынашивания ребёнка, родов и последующего ухода за новорожденным, а также в выводах о необходимости повышения правовой и финансовой культуры женщин, доступности для них полезной юридической, психологической и финансовой информации.

Структурно в статье выделены следующие разделы: Введение, Методы исследования, Результаты, Заключение и Библиография.

В статье показано, что инциденты домашнего насилия усиливают репродуктивные страхи женщин; рассмотрены следующие виды домашнего насилия: физическое, сексуальное, психологическое, экономическое, использование детей для установления контроля над взрослой женщиной, пренебрежение основными нуждами. Авторы отмечают, что одной из наиболее уязвимых к домашнему насилию групп женщин являются женщины беременные и женщины, находящиеся в отпуске по уходу за младенцем. Репродуктивные страхи рассматриваются в публикации как особая разновидность социальных страхов, проявляющаяся в негативных эмоциональных переживаниях, идентифицируемых индивидами как состояние опасности, тревоги, боязни чего-либо. Объединяет эти эмоциональные переживания их связанность с процессами подготовки к беременности, зачатия и вынашивания ребенка, ухода за младенцем, реализуемой социальной ролью, трансформацией внутрисемейных отношений, сложившейся системы распределения домашних обязанностей. Изложение материала сопровождается многочисленными цитатами из чатов социальной сети ВКонтакте, представлением информации в графической форме.

Библиографический список включает 21 источник – научные и учебные публикации отечественных и зарубежных авторов на русском и английском языках по рассматриваемой теме. В тексте публикации имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Рецензируемая статья актуальна, материал соответствует направлению журнала «Социодинамика», отражает результаты проведенного авторского исследования, обладает элементами научной новизны и практической значимости, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию.

Социодинамика*Правильная ссылка на статью:*

Петриков С.Г. От политики «одна семья – один ребенок» до политики «трех детей»: исторический аспект и современные вызовы для демографической ситуации в Китае // Социодинамика. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.4.73901 EDN: LRFHIC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73901

От политики «одна семья – один ребенок» до политики «трех детей»: исторический аспект и современные вызовы для демографической ситуации в Китае**Петриков Сергей Геннадьевич**

преподаватель; кафедра иностранных языков; МГИМО, Одинцовский филиал

143005, Россия, Московская обл., г. Одинцово, Можайское шоссе, д. 122

A portrait photograph of Sergey Gennadievich Petrikov, a middle-aged man with dark hair, wearing a dark suit, white shirt, and a patterned tie.
✉ spetrik1963@mail.ru[Статья из рубрики "Демография и статистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7144.2025.4.73901

EDN:

LRFHIC

Дата направления статьи в редакцию:

31-03-2025

Дата публикации:

19-04-2025

Аннотация: В исследовании анализируется политика контроля рождаемости в Китае в исторической перспективе с 1979 года по настоящее время. Актуальность исследования данного вопроса в статье обусловлена тем, что после десятилетий реализации стратегии "одна семья – один ребенок" и последующего смягчения курса до «политики двух детей», а затем и до «политики трех детей», на современном этапе Китай начинает испытывать демографический дисбаланс, который проявляется в очевидном старении населения, сокращении объема рабочей силы на внутреннем рынке страны и в увеличивающейся гендерной диспропорции. В статье также освещается этический аспект вмешательства государства в частную жизнь граждан и последствия такого вмешательства. Политика стимулирования детородной активности населения Китая

должна постоянно развиваться и поддерживаться на всех уровнях государственной власти страны. В исследовании проведен анализ статистических данных национального статистического бюро Китая за 2024 год. Также учтены самые современные направления откорректированной государственной политики Китая и задачи на текущий 2025 год, отмеченные в выступлении премьера Госсовета КНР на сессии ВСНП 5-11 марта 2025 года. Научная новизна представлена в виде выводов по современному демографическому состоянию Китая в аспекте экономических и социальных вызовов в рамках реализации "Политики трех детей" Китая, что не делалось ранее. Продемонстрирован исторически системный подход к изучению проблематики. Сделан вывод о том, что тенденция снижения количества населения Китая продолжится. Возрастной состав населения Китая будет быстро переходить в стадию значительного старения, население трудоспособного возраста продолжит сокращаться. Быстрое изменение структуры населения Китая оказывает серьезное воздействие на экономическое и социальное развитие, что приведет к перестройке экономических моделей экономического развития страны. Сделан вывод, что руководству Китая потребуется выработка новых экономических моделей развития. Одновременно усилия противоречие между предложением и спросом на услуги деторождения и здравоохранения. Сделан вывод о высокой практической значимости китайского опыта борьбы с низкой рождаемостью. Дальнейшее изучение китайского опыта и развитие международного сотрудничества в этой области крайне важны для поиска эффективных решений демографических вызовов XXI века во всем мире, включая Россию.

Ключевые слова:

контроль за рождаемостью, стимулирование роста народонаселения, коэффициент рождаемости, стареющее население, гендерное неравенство, экономический вызов, социальный вызов, глобальный подтекст, бесплатное дошкольное образование, трудоспособное население

Введение.

Население Китая, по данным на конец 2024 года, составило 1,408 млрд. человек, что приблизительно равно населению Индии. При этом в Китае продолжается тенденция сокращения населения, а в Индии, напротив, население продолжает медленно расти. Тем не менее, имея такое значительное по размеру население, Китай начинает испытывать демографические проблемы. В связи с этим руководство КНР заблаговременно приступило к реализации мер, направленных на преодоление негативных тенденций в демографической ситуации страны. Так в докладе премьера Госсовета КНР Ли Цяна на прошедшем в Пекине 3-й сессии ВСНП 14-го созыва (5-11 марта 2025 года) среди приоритетных целей на 2025 год было заявлено, что Китай продолжит усилия по разработке государственных мер поощрения деторождения и поддержке семей с двумя и более детьми [21]. Это свидетельствует о повышенном внимании Китая, страны-лидера в области реализации мер по планированию семьи, к вопросу повышения рождаемости, как одному из факторов, оказывающему положительное влияние на улучшение демографического состояния страны.

Целью исследования, представленного в данной статье, является проведение комплексного анализа эволюции демографической политики Китая от политики "одна семья - один ребенок" до политики "трех детей", уточнение влияния мероприятий по реализации этой политики на демографическое состояние страны, а также определение

современных вызовов, связанных с текущей демографической ситуацией Китая. Задачей исследования является проведение исторического анализа предпосылок введения политики контроля за рождаемостью, этапов реализации и эволюции данной политики до политики «трех детей». Кроме того, в исследовании ставится задача рассмотреть влияние демографического состояния на рынок труда, систему социального обеспечения и экономический рост страны, выявить социальные проблемы, связанные со старением населения, гендерным дисбалансом и изменениями состава семьи. Также ставится задача определить основные вызовы, стоящие перед Китаем в связи с текущей демографической ситуацией, оценить эффективность современных мероприятий демографической политики и предположить вероятные шаги руководства Китая по ее совершенствованию с учетом реалий и перспектив развития страны. В рамках исследования используются статистические данные, научные публикации, официальные документы и другие источники информации.

Актуальность исследования данного вопроса в статье обусловлена тем, что после десятилетий реализации стратегии "одна семья - один ребенок" и последующего смягчения курса до «политики двух детей», а затем и до «политики трех детей», на современном этапе Китай начинает испытывать демографический дисбаланс, который проявляется в очевидном старении населения, сокращении объема рабочей силы на внутреннем рынке страны и в увеличивающейся гендерной диспропорции. Демографические изменения также несут в себе серьезные социально-экономические последствия, которые проявляются и в снижении налоговых поступлений, и в увеличении нагрузки на пенсионную систему Китая. А недостаток рабочей силы может привести в целом и к замедлению экономического роста страны. В связи с этим требуется внимательное изучение демографической политики Китая в ее историческом аспекте.

Кроме того, совершенно очевидно, что связанные с проблемой ограничения рождаемости в Китае и возникшие, в связи с этим демографические проблемы имеют глобальное значение и влияют на развитие всей мировой экономики, на динамику глобальных миграционных потоков и, как следствие, на geopolитическую ситуацию в различных частях мира.

Анализ политики ограничения рождаемости в Китае также поднимает важные вопросы о правах человека, свободе планирования семьи, указывает на этическую сторону вмешательства государства в личную жизнь граждан и последствия такого вмешательства. На современном этапе в китайском обществе происходят значительные изменения отношения к семье и деторождению. При этом, несмотря на отмену всех ограничений и активной корректировке государственной политики в области рождаемости, а также попыток стимулирования роста населения, рождаемость в стране по-прежнему остается на низком уровне [3].

Таким образом, исследование современного состояния вопроса эволюции политики ограничения рождаемости в Китае несет в себе высокую актуальность, практическую значимость и глобальный подтекст, так как позволяет провести анализ истории вопроса и понять связанные с ним сложные демографические процессы и их социально-экономические последствия. Изучение китайского опыта, эффективности реализуемых в стране мер и реакции на них со стороны населения крайне важно для разработки и реализации демографической стратегии и в других странах, стоящих перед лицом подобных вызовов, включая Россию [2].

1. Исторические этапы государственной политики Китая в области планирования рождаемости.

Политика «одна семья - один ребенок» (独生子女政策) была инициирована в Китае в 1979 году и стала очередным масштабным, амбициозным и противоречивым социальным экспериментом в истории развития Китая. По мнению правительства Китая, в связи с быстрым ростом количества населения в тот период возникла серьезная угроза темпам экономического развития страны. В связи с этим была разработана и начала реализовываться целая система мер по ограничению рождаемости населения страны. Одновременно в действующей Конституции Китая, утвержденной в 1982 году, присутствует статья по плановой рождаемости и соответствуя увеличения численности населения планам социально-экономического развития страны [\[18\]](#). Основным содержанием указанной политики «одна семья – один ребенок» стали следующие положения.

- Каждой семье разрешалось иметь только одного ребенка, за исключением особых случаев. При этом политика применялась в основном в городских районах, где контроль был строже, чем в сельской местности.
- В особых случаях, в сельских районах семьям разрешалось иметь второго ребенка, если первой родилась девочкой. Кроме того, представителям нацменьшинств, а также семьям, где оба родители были единственными детьми в своих семьях, также разрешалось иметь второго ребенка.
- Особая роль отводилась мерам контроля исполнения ограничительных мер. Вводились административные санкции, в соответствии с которыми семьи, родившие второго ребенка без разрешения, подвергались штрафам, увольнению с работы или другим наказаниям. В отдельных случаях могли применяться принудительные аборты и даже стерилизация. Вводилась система сертификатов на рождение детей.
- Одновременно применялись льготы для семей с одним ребенком в части доступа к образованию, здравоохранению, обеспечению жильем. Велась работа по изменению традиционных социальных норм и популяризации малых семей [\[19\]](#).

«Политика двух детей» (二孩政策) была объявлена и начала реализовываться в 2016 году. По сравнению с предыдущей политикой одного ребенка новая государственная стратегия привнесла значительные изменения в политику планирования семьи в Китае. К основным положениям указанной политики можно отнести следующее.

- С 1 января 2016 года всем китайским семьям было разрешено иметь двух детей.
- Вводилась система льгот для поддержки семей, к ним относились налоговые вычеты, увеличение срока декретного отпуска, предоставление субсидий на образование.
- Было объявлено о проведении комплекса мер по улучшению доступности детских садов и разработке комплекса услуг для поддержки семей с детьми.

В результате предложенных мер ожидалось, что увеличится уровень рождаемости в стране. Однако рост рождаемости в реальности оказался ниже, так как многие семьи столкнулись с высокими затратами на образование, жилье, медицинские услуги в связи с увеличением состава семьи. Политика «двух детей» была важным шагом в реформировании демографической стратегии Китая, но её эффект оказался ограниченным из-за социально-экономических факторов [\[22\]](#).

«Политика трех детей» (三孩政策) была принята правительством Китая в 2021 году, действует в настоящее время и представляет собой следующий этап реформирования демографической стратегии, направленный на стимулирование рождаемости и решение проблем, связанных со старением населения. Указанная политика имеет следующие основные положения.

- Всем семьям предоставлено право иметь до трех детей. Это изменение отменяет предыдущие ограничения, установленные политиками "одна семья — один ребенок" (1979–2015) и "два ребенка" (2016–2021).
- Объявлено о применении мер социальной и экономической поддержки для семей с детьми, предоставляются налоговые льготы, субсидии на приобретение жилья, единовременные выплаты, бесплатное или льготное медицинское обслуживание, включая дородовое и послеродовое наблюдение, снижается стоимость образования, включая скидки на дошкольное и школьное образование для третьего ребенка.
- Улучшены условия для работающих родителей, а именно увеличена продолжительность оплачиваемого отпуска по беременности и родам, введен отпуск по уходу за ребенком для отцов, применяется гибкий график работы для работников с маленькими детьми, увеличен отпуск по уходу за ребенком, уменьшена учебная нагрузка на школьников, принято решение о строительстве дополнительного количества детских садов.
- Осуществляются мероприятия по снижению финансовой нагрузки на семьи путем уменьшения расходов на воспитание детей, предоставление льгот на коммунальные услуги и транспорт, чтобы сделать рождение и воспитание третьего ребенка более доступным.
- Поощряется равное участие мужчин и женщин в воспитании детей и заботах по дому.
- Проводятся информационные кампании, направленные на популяризацию многодетности и поддержку семейных ценностей, создание центров поддержки семей для получения консультации по воспитанию детей и другие услуги [\[10\]](#).

Основными программными целями на современном этапе объявлено смягчение последствий старения населения и поддержание устойчивого экономического роста за счет увеличения численности трудоспособного населения [\[5\]](#).

Примером реализации политики «трех детей» является опыт автономного района Внутренняя Монголия в Северном Китае и его административного центра города Хух-Хото. Власти города Хух-Хото, согласно новым действующим правилам, предлагают единовременную субсидию в размере 10 тыс. юаней (около 1 394 долл. США) семьям, в которых рождается первый ребенок. А те, у которых рождается второй ребенок, будут получать 10 тыс. юаней в год, пока ребенку не исполнится пять лет. Для третьего ребенка ежегодная субсидия составит 10 тыс. юаней до тех пор, пока ребенку не исполнится 10 лет, общая сумма выплат ограничена 100 тыс. юаней, что является довольно внушительной суммой по сравнению с другими городами [\[21\]](#).

2. Анализ эффективности мероприятий по планированию рождаемости в Китае.

В официальных источниках приводятся положительные результаты реализации усилий правительства Китая в вопросе стимулирования рождаемости и общих усилий по улучшению демографической ситуации в стране. По данным Национального статистического бюро Китая в 2024 году число рождений в стране составило 9,54

миллиона, что на 520 000 больше, чем в 2023 году. На эту тенденцию в основном влияют такие факторы, как накопление намерений по рождению детей в последние годы, постепенное внедрение политики поддержки рождаемости на региональном уровне и предпочтение по рождению детей в год Дракона по лунному календарю. В то же время отмечается сокращение количества женщин детородного возраста, что оказывает влияние на воспроизводство населения на следующих этапах развития Китая. С повышением уровня жизни людей и дальнейшим улучшением медицинского обеспечения продолжительность жизни населения также продолжает увеличиваться. На конец 2024 года население страны составляло 1,40828 млрд. человек, что на 1,39 миллиона меньше, чем в конце 2023 года. Сокращение численности населения по результатам 2024 года замедлилось на 690 000 по сравнению с предыдущим годом [23].

Возрастная структура населения Китая в основном стабильна, а трудовые ресурсы по-прежнему достаточны. К концу 2024 года население страны в возрасте от 0 до 15 лет насчитывало 239,99 млн. человек, что составляет 17,1%; трудоспособное население в возрасте 16-59 лет насчитывало 857,98 млн человек, что составляет 60,9%. Пожилое население в возрасте 60 лет и старше насчитывало 310,31 млн человек, что составляет 22,0%, из них пожилых людей в возрасте 65 лет и старше — 220,23 млн. человек, что составляет 15,6%. Степень старения населения продолжает усиливаться, доля пожилого населения в возрасте 60-64 лет относительно высока. Возрастная структура всего населения достаточно молодая, что дает благоприятную возможность для углубления реформирования и развития пенсионных служб и реализации национальной стратегии активного реагирования на старение населения [24].

Несмотря на относительно благоприятные отчеты о демографическом состоянии страны на современном этапе требуется постоянный мониторинг результатов проводимой правительством политики стимулирования рождаемости. По результатам анализа реализуемых мероприятий по преодолению проблемы старения населения Китая и других негативных последствий реализации политики контроля за рождаемостью в течение предыдущих пяти десятилетий можно сделать ряд выводов.

Отмечается незначительный рост рождаемости в Китае, как следствие реализации политики ее стимулирования, однако показатель остается низким и не достигает желаемого уровня. Это свидетельствует о том, что реализуемые мероприятия недостаточно эффективны для преодоления факторов, сдерживающих рождаемость [22]. Эффективность мер может варьироваться в зависимости от региона. В регионах с более высоким уровнем экономического развития и более высокой стоимостью жизни предпринимаемые меры являются менее эффективными. Основной акцент указанной политики делается на финансовых стимулах, однако одних финансовых стимулов явно недостаточно для значительного повышения рождаемости. При этом, для достижения желаемого эффекта необходим системный подход, включающий весь комплекс мер по снижению стоимости воспитания детей, развитию системы ухода за детьми, поддержке работающих родителей и изменению социальных норм [16].

В то же время, к факторам, которые ограничивают эффективность проводимых мероприятий можно отнести высокую стоимость образования, здравоохранения и жилья, что сдерживает желание семей иметь больше детей. Кроме того, женщины часто сталкиваются с выбором между карьерой и семьей. И в этом случае недостаточная поддержка работающих матерей делает воспитание детей весьма сложной задачей. Многие молодые люди под воздействием либеральных западных культур предпочитают иметь меньше детей или вообще не иметь детей, что отражает изменение социальных

норм и национальных ценностей в стране на современном этапе [\[12\]](#).

Реализация мер по стимулированию рождаемости в Китае сталкивается с рядом серьезных социальных и экономических вызовов. К **экономическим вызовам** можно отнести *повышение финансовой нагрузки* на государство за счет выплаты пособий, субсидий на образование и жилье, что требует выделение значительных финансовых ресурсов из государственного бюджета.

Увеличение числа малолетних детей приведет к нехватке рабочей силы, особенно в краткосрочной перспективе, так как родители будут вынуждены брать отпуска по уходу за ребенком, что приведет к *негативному влиянию на рынок труда*. Также может увеличиться *неравномерность развития различных регионов*, так как в богатых регионах на мероприятия по стимулированию рождаемости могут быть выделены более значительные финансовые ресурсы [\[5\]](#).

Особое значение имеют **социальные вызовы**. Так, традиционные китайские этические нормы основываются на принципах конфуцианства и культе предков, исторически придавая большое значение семье и продолжению рода. Многодетность рассматривалась как гарантия благополучия и поддержки в старости, а сыновья ценились выше дочерей в силу патри monialной структуры семьи. Однако современный Китай переживает значительные социальные и экономические трансформации. Быстрая урбанизация, рост уровня образования, карьерные амбиции способствуют изменению отношения к браку и деторождению, приводят к переосмыслению традиционных семейных норм, особенно среди молодежи. Молодые люди все чаще откладывают брак, предпочитают рожать одного ребенка или вовсе отказываются от детей, ориентируясь на личную самореализацию и материальное благополучие. В Китае также наблюдается рост количества разводов и неполных семей, что свидетельствует о снижении значимости традиционных представлений о нерушимости брака. Как следствие этих процессов, у молодых китайцев уже *сформировалась ориентированность на малые семьи*. Со стороны старшего поколения, придерживающегося традиционных взглядов на семью, сохраняется социальное давление на молодежь, которое поддерживается и современной государственной политикой по стимулированию рождаемости. Однако изменение сформировавшейся ориентированности на малые семьи требует времени и дополнительных усилий всего общества.

Кроме того, ответственность по воспитанию детей часто ложится на плечи женщин, что может ограничивать их возможности в образовании и карьере, и, как следствие, усиливает *гендерное неравенство*. В то же время увеличение числа детей столкнется с *нехваткой соответствующей инфраструктуры* - детских садов, школ, медицинских учреждений. Даже успешная реализации мер по стимулированию рождаемости не устранит проблему старения населения в ближайшие десятилетия и продолжит создавать нагрузку на систему социального обеспечения. К социальным вызовам можно отнести и *неопределенность относительно того, как долгосрочно правительство страны будет поддерживать и развивать меры по стимулированию рождаемости с учетом необходимых финансовых и социальных издержек* [\[8\]](#).

Важно отметить, что экономические и социальные вызовы взаимосвязаны. Например, финансовые трудности могут усиливать социальное неравенство, а нехватка инфраструктуры может ограничивать эффективность мер по поддержке семей [\[15\]](#).

Успешная реализация мер по стимулированию рождаемости в Китае потребует комплексного подхода, учитывающего все эти вызовы и направленного на создание

благоприятных условий для семей с детьми. Это долгий и сложный процесс, требующий постоянного мониторинга и корректировки политики.

Таким образом, предварительный анализ показывает, что эффективность новых инициатив по стимулированию рождаемости в Китае, несмотря на их масштабность и настойчивость, имеет ограничения. Для достижения более значительных результатов необходим более комплексный и целенаправленный подход, учитывающий экономические, социальные и культурные факторы, влияющие на принятие решения о рождении детей. Необходимы дальнейшие исследования и анализ данных для оценки эффективности проводимых мер, а также гарантии долгосрочности их проведения в ближайшей исторической перспективе [7].

3. Перспективные направления продолжения политики стимулирования рождаемости в Китае и их значимость для мирового сообщества.

Вопросы демографической политики в аспекте снижения негативного влияния старения населения, снижения его численности и усиления гендерного неравенства на темпы социально-экономического развития страны находятся в постоянном фокусе внимания со стороны руководства Коммунистической партии Китая (КПК) и правительства КНР. Так, на третьем пленуме Центрального комитета КПК 20-го созыва, состоявшемся в Пекине 9-12 июля 2024 года, была подчеркнута необходимость совершенствования стратегии развития населения с акцентом на борьбу со старением и снижением рождаемости, а также содействия качественному развитию населения. Партийные и государственные органы осуществляют постоянное наблюдение и корректировку мер в области демографической политики, направленных на решение основных проблем и обеспечения поступательного развития страны [15, 24].

В качестве перспективных направлений развития демографической политики по стимулированию рождаемости в Китае на современном этапе рассматриваются следующие.

Переход от разрозненных мер к целостной системе поддержки семей на протяжении всего жизненного цикла взросления ребенка: от рождения до совершеннолетия ребенка. Это включает в себя финансовую помощь, доступное дошкольное образование, услуги по уходу за детьми, гибкие условия труда для родителей, расширение инвестирования в образование, здравоохранение и социальную защиту, с тем чтобы повысить качество жизни семей и сделать воспитание детей более привлекательным [7].

В социальном плане делается акцент на создание общественной атмосферы формирования дружественной среды в семьях, в частности исключения дискриминации в семье по гендерному признаку родителей, пропаганду равноправия ответственности обоих родителей за воспитание детей, создание культуры поддержки родителей. Это позволит устранить негативное влияние на молодых людей сформировавшегося комплекса «4-2-1» (4 бабушки/дедушки, 2 родителей и 1 ребенка), при котором на одного ребенка приходится бремя заботы о 6 родственниках старшего поколения, включая финансовую, эмоционально-психологическую и этическую ответственность, что зачастую препятствует созданию новых семей и рождению детей [16].

Развитие передовых, инновационных технологий, искусственного интеллекта и робототехники будут играть все более важную роль в снижении нагрузки на родителей через развитие онлайн-образования, телемедицины, электронных систем ухода за детьми и других услуг.

Среди перспективных направлений демографической политики Китая также рассматривается дальнейшее развитие системы здравоохранения, пенсионного обеспечения и социальной защиты для быстрого реагирования на вызовы, связанные с продолжающимся старением населения страны.

Многолетний опыт реализации мер по контролю за рождаемостью в Китае и планового изменения демографической политики страны, несомненно, имеет очень важное, глобальное значение. При этом, китайский опыт предоставляет уникальную возможность изучить различные аспекты влияния демографической политики на крупнейшую в мире популяцию населения. Можно констатировать, что Китай демонстрирует эволюцию подходов к демографической политике государства на довольно длительном историческом периоде в ходе проведения масштабного эксперимента с применением различных методов по стимулированию рождаемости [13]. Это дает возможность другим странам оценить эффективность применяемых мер и адаптировать их к своим национальным условиям. Изучение китайского опыта также дает возможность оценить потенциальные риски и негативные последствия жесткого контроля рождаемости на довольно длительном временном отрезке, что может помочь другим странам избежать подобных ошибок.

Развитие международного сотрудничества, обмен накопившимся опытом и знаниями между Китаем и другими странами, включая Россию, может способствовать разработке более эффективных стратегий по решению демографических проблем в различных странах мира и подтверждает значимость накопленного Китаем опыта при планировании и реализации мероприятий в рамках демографической политики контроля рождаемости.

Заключение.

В результате проведенного исследования подтверждена актуальность и практическая значимость изучения эволюции политики контроля деторождения со стороны руководства Китая с учетом исторического аспекта предметной области исследования. Исторический подход и дескриптивный метод исследования позволили сделать основные выводы о современном состоянии реализации политики контроля за деторождением в Китае, которые заключаются в сохранении тенденции низкого уровня рождаемости в Китае в ближайшей перспективе и необходимости перестройки экономических моделей развития в связи с продолжающимся старением населения и снижением его общей численности. При этом фокус внимания руководства КНР будет смещаться в сторону усиления социальной защиты населения и масштабирования мероприятий по обеспечению роста его качественного уровня. Результаты исследования имеют практическую ценность для дальнейших исследований вопросов демографического состояния Китая.

Одновременно можно сделать вывод, что в настоящее время и в будущем политика модернизации Китая будет сталкиваться со все более заметными демографическими и структурными вызовами. Тенденция низкого уровня рождаемости продолжит сохраняться и, даже, ускорится. Возрастной состав населения Китая будет быстро переходить в стадию значительного старения, население трудоспособного возраста продолжит сокращаться. Это станет важным базовым условием, которое должно будет учитываться с тем, чтобы обеспечить качественное развитие экономики страны. Быстрое изменение структуры населения Китая оказывает серьезное воздействие на экономическое, социальное развитие и повышает риск снижения экономической жизнеспособности страны. Это должно привести к перестройке экономических моделей, влияющих на потенциал экономического роста Китая. Кроме того, указанные факторы окажут влияние на устойчивость системы социального обеспечения, усилят противоречие между

предложением и спросом на услуги деторождения и здравоохранения. При этом противоречия социального характера продолжат накапливаться.

В результате поведенного в исследовании анализа можно сделать вывод, что руководству Китая придется в будущем глубоко понять новые национальные условия низкой рождаемости и старения населения, диалектически взглянуть на возможности и вызовы, связанные с изменениями в структуре населения, перестроить систему управления населением, реализовать возможности применения научно-технических инноваций и развития человеческих ресурсов пожилых людей в стареющем обществе. Системы социального обеспечения и здравоохранения должны будут находиться в фокусе общественного внимания с целью их постоянного развития и совершенствования. Все это должно обеспечить успешную реализацию политики поддержки рождаемости и содействие высококачественному развитию населения и продолжению модернизации Китая в рамках политики «двух столетних юбилеев» (两个一百年政策).

В части демографической политики, очевидно, что Китай находится на передовой глобальной борьбы с низкой рождаемостью. Успех или неудача китайских инициатив будет иметь значительные последствия не только для самого Китая, но и для всего мира. Дальнейшее изучение китайского опыта и развитие международного сотрудничества в этой области крайне важны для поиска эффективных решений демографических вызовов XXI века во всем мире.

С учетом того, что демографическое состояние Китая имеет тенденцию к быстрым изменениям, связанным с постоянной корректировкой политики контроля за рождаемостью, разработкой новых мероприятий по ее реализации, проведенное исследование ограничено актуальностью имеющихся данных в настоящее время. Совершенно очевидно, что потребуется продолжение усилий по дальнейшему мониторингу, изучению и анализу текущего опыта Китая в области реализации политики стимулирования деторождения. С учетом того, что указанные вопросы тесным образом связаны и с текущим демографическим состоянием в других странах мира, изучение и анализ демографического состояния сохранится в фокусе внимания мирового сообщества и останется предметной областью для расширения и углубления международного сотрудничества в этом направлении.

Библиография

1. Бабаев К.В. Демографическая ситуация в КНР и ее потенциальное влияние на экономику Китая / К.В. Бабаев // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 55-65. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.5 EDN: HFVAED
2. Баженова Е.С. 1300000000 Население Китая: стратегия развития и демографической политики / Е.С. Баженова. - М.: ИД "Форум", 2010. - 304 с.
3. Баженова Е.С. Китайская семья в условиях новой демографической политики // 13-я пятилетка (2016-2020) - важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия "сюокан" / отв. ред. А.В. Островский, сост. П.Б. Каменнов. - М.: ИДВ РАН, 2018. - С. 97-109. EDN: XTJDLN
4. Ван Е. Изменение демографической политики Китая: причины, результаты, перспективы / Е. Ван // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 84-96. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-07 EDN: XQCHXKH
5. Ван Е. Новая демографическая политика трехдесетности в Китае / Е. Ван // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 3. С. 26-42. DOI: 10.19181/demis.2023.3.3.2 EDN: ZJZOCL

6. Ван Ш., Цзя С., Мищук С.Н. Изменения в демографической политике Китая за 2010-2021 годы / Ш. Ван, С. Цзя, С.Н. Мищук // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 66-71. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.6 EDN: GYDUBM
7. Волкова М.Д., Круглова М.С. От демографического дивиденда к устойчивому развитию КНР в условиях стареющего населения: взгляд китайских экспертов / М.Д. Волкова, М.С. Круглова // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18. № 3. С. 559-576. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.559-576 EDN: DJMBKL
8. Кручинина Н.В. Демография и репродуктивные права человека: проблемы и перспективы / Н. В. Кручинина // Юридическая наука в Китае и России. 2021. № 4. С. 101-104. DOI: 10.17803/2587-9723.2021.4.101-104 EDN: YQEELW
9. Манухина О.В. Аспекты демографической политики КНР в 1949-2023 годах / О.В. Манухина // Народонаселение. 2024. № 4. С. 47-58. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-47-58 EDN: ITBNAR
10. Москальнова А.А. Анализ демографической политики Китая / А.А. Москальнова // Молодой ученый. 2022. № 50 (445). С. 163-165.
11. Ян Янъжу, Сюй Фэнцай. Сравнительное исследование проблем народонаселения и демографической политики в Китае и России / Янжу Ян, Фэнцай Сюй // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 4 (14). С. 5-28.
12. Guo Zhigang. China's Low Birth Rate and the Development of Population / Zhigang Guo, Feng Wang, Yong Cai. - Routledge, 2020. - 274 p.
13. Cai F., Wang F. The negative effects of China's one-child policy / F. Cai, F. Wang // Journal of Comparative Economics. 2010. Vol. 38. № 4. P. 390-401.
14. Lieming F. Determinants of Regional Fertility in China During the First Years of Reaching Below-Replacement Fertility / F. Lieming, E. Shatalova, I. Kalabikhina // BRICS Journal of Economics. 2022. Vol. 3. № 3. P. 101-127. DOI: 10.3897/brics-econ.3.e83259 EDN: LKVQAZ
15. Liu H. China's Demographic Challenges: Aging Population and Declining Birth Rates / H. Liu // Asian Population Studies. 2020. Vol. 16. № 2. P. 123-130.
16. Zhang J. The Evolution of China's One-Child Policy and Its Effects on Family Outcomes / J. Zhang // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. № 1. P. 141-160.
17. Yang H. Third-Child Fertility Intention and Its Socioeconomic Factors Among Women Aged 20-34 Years in China / H. Yang, R. Han, Z. Wang. // BMC Public Health. 2023. Vol. 15. Article № 115.
18. Chinalaw.center. Закон КНР "О народонаселении и планировании рождаемости (в редакции 2015 г.)" // [Электронный ресурс] URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_population_family_law_revised_2015_russian/ (дата обращения: 22.02.2025).
19. РИА Новости. Китай отменяет ограничения на количество детей в семье [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2021. URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 26.02.2025).
20. ТАСС. Китай столкнулся с демографическим кризисом: население сокращается [Электронный ресурс] // ТАСС. 2023. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 23.02.2025).
21. China Population and Development Research Center. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cdprc.org.cn> (дата обращения 20.02.2025).
22. The Economist. China's shrinking population: The end of the one-child policy has not led to a baby boom [Электронный ресурс] // The Economist. 2021. URL: <https://www.economist.com> (дата обращения: 01.03.2025).
23. National Bureau of Statistics of China. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 01.03.2025).
24. National Health Commission of the People's Republic of China. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nhc.gov.cn> (дата обращения: 01.03.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемое исследование посвящено изучению перехода от политики «одна семья – один ребенок» до политики «трех детей» в Китае.

Методология исследования базируется на обобщении сведений из литературных источников и интернет-ресурсов, применении исторического подхода и дескриптивного метода исследования, анализе демографической статистики.

Актуальность работы обусловлена наличием демографических проблем в Китае и реализацией мер по преодолению негативных тенденций в демографической ситуации в этой стране.

Научная новизна работы, по мнению рецензента состоит в выводах о том, что изучение китайского опыта и развитие международного сотрудничества в этой области крайне важны для поиска эффективных решений демографических вызовов XXI века во всем мире, поскольку Китай находится на передовой глобальной борьбы с низкой рождаемостью.

Структурно в тексте статьи выделены следующие разделы: Введение, Исторические этапы государственной политики Китая в области планирования рождаемости, Анализ эффективности мероприятий по планированию рождаемости в Китае, Перспективные направления продолжения политики стимулирования рождаемости в Китае и их значимость для мирового сообщества, Заключение и Библиография.

В публикации отражены: изучение китайского опыта, эффективность реализуемых в стране мер и реакция на них со стороны населения, отмечено, что это крайне важно для разработки и реализации демографической стратегии в других странах, стоящих перед лицом подобных вызовов, включая Россию.

Библиографический список включает 15 источников – научные публикации российских и зарубежных авторов по рассматриваемой теме на русском и иностранных языках, а также интернет-ресурсы. В тексте публикации имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из замечаний стоит отметить следующие. Во-первых, в тексте не сформулированы цель и задачи работы, четко не сформулированы элементы приращения научного знания, полученные лично авторами. Во-вторых, наличие ссылок к списку литературы в Заключении наталкивает на мысль, что здесь отражены результаты не только авторских изысканий, но и ранее опубликованных исследований других авторов. Этого лучше избежать. В-третьих, авторами не выполнены рекомендации по оформлению списка литературы, принятые издательством: «Рекомендованный объем списка литературы ... – не менее 20 источников, который должен содержать: не менее трети зарубежных источников; не менее половины работ, изданных в последние 3 года. В списке литературы не указываются ... Интернет-источники, включая информацию с сайтов, а также статьи на сайтах и в блогах». В-четвертых, требуется уточнение в расстановке знаков препинания в сложносочиненных предложениях, например, в третьем предложении во введении.

Тема статьи актуальна, отражает результаты проведенного исследования, содержит элементы научной новизны и практической значимости, соответствует тематике журнала «Социодинамика», но требует доработки в соответствии с высказанными замечаниями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья рассматривает эволюцию демографической политики Китая сквозь призму ее трансформации от политики «одна семья - один ребенок» и до последних государственных изменений, связанных с политикой «трех детей». Автор анализирует влияние этих изменений на демографическую ситуацию в стране, включая проблемы старения населения и гендерного дисбаланса. Тематика статьи является крайне важной, учитывая, что демографические изменения в Китае оказывают влияние не только на внутренние процессы, но и на глобальную экономику. Во введении достаточно подробно описывается актуальность представленной проблематики, обосновывается ключевая целевая исследовательская установка и основные задачи статьи.

Статья использует комплексный подход, включая исторический анализ и статистические данные, что позволяет глубже понять причины и последствия изменений в демографической политике Китая. Однако следует отметить, что некоторые аспекты, такие как культурный и социальный контексты могли бы быть рассмотрены автором более подробно. Например, было бы полезно более глубоко проанализировать влияние традиционных китайских норм на восприятие семейных ценностей и деторождения в современном обществе и среди китайской молодежи.

Актуальность исследования не вызывает сомнений. В настоящее время Китай сталкивается с серьезными демографическими вызовами, такими как старение населения и гендерный дисбаланс, что требует внимательного изучения. На фоне противостояния Китая и Индии на международной арене данная проблема становится как никогда актуальной. Вместе с тем автору не удалось в рамках статьи уделить больше внимания последствиям демографических изменений не только для Китая, но и для глобальных миграционных потоков и экономики.

С точки зрения научной новизны статья предлагает новые взгляды на историческую эволюцию демографической политики Китая и ее последствия, однако она недостаточно акцентирует внимание на недостаточности текущих мер по стимулированию рождаемости. В этом отношении подробный разбор мер и предложений по улучшению демографической ситуации с точки зрения сравнения различных мировых практик мог бы значительно обогатить теоретический вклад данной статьи.

Тем не менее, статья написана в хорошем научном стиле и логично структурирована, что облегчает восприятие информации читателем. Однако некоторые разделы перегружены деталями, что затрудняет понимание ключевых выводов. Рекомендуется выделить основные моменты и акцентировать их значимость. Также стоит обратить внимание на использование более современных источников, особенно по последним изменениям в демографической политике.

Список литературы обширен и актуален, содержит большое количество как отечественных, так и зарубежных источников, что свидетельствует о глубоком исследовании темы. Однако следует обратить внимание на использование более современных источников, особенно по последним изменениям в демографической политике. Статья также могла бы быть дополнена мнениями критиков текущей демографической политики Китая, что позволило бы более полно представить

различные точки зрения и углубить дискуссию. Например, было бы полезно рассмотреть мнения экспертов, которые критикуют недостаточную эффективность предлагаемых мер. В целом, статья представляет собой значимый вклад в изучение демографической политики Китая. Несмотря на некоторые недостатки, работа обладает высоким потенциалом для публикации. Рекомендуется внести небольшие правки, направленные на улучшение структуры и акцентирование ключевых аспектов. Ожидается, что статья привлечет внимание специалистов в области социологии, демографии и экономики, а также широкой аудитории, интересующейся проблемами населения и социальной политики.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает процесс эволюции демографической политики Китайской Народной Республики (далее КНР) как один из ключевых факторов, определяющим образом влияющих на демографическую ситуацию в Китае, на рынок труда, систему социального обеспечения и экономический рост этой страны в ближайшей перспективе. Автор справедливо связывает высокую степень актуальности и практической значимости выбранной для исследования темы с наблюдаемым переходом КНР от политики «одна семья – один ребёнок», породившей целый ряд демографических дисбалансов, к смягчению демографической политики по принципу «политика двух детей», а затем и к попыткам исправить возникшие диспропорции посредством реализации «политики трёх детей». К сожалению, сам автор недостаточно отрефлексировал теоретико-методологическую базу собственного исследования, ограничившись беглым упоминанием «исторического» и «дескриптивного» методов. Несмотря на то, что если исторический метод ещё можно признать в качестве исследовательского инструмента, то «дескриптивный метод» даёт хоть какие-то научные результаты разве что в антропологии (как правило, по причине невозможности применения других, более надёжных методов) и лингвистике (где он фактически сводится к структурализму). Однако из контекста можно понять, что на самом деле базовым методом исследования выступил нормативно-институциональный, поскольку главными объектами исследования выступили формальные и неформальные нормы регулирования рождаемости, которые были положены в основу демографической политики КНР с 1979 г. по настоящее время. Вполне понятным в таком контексте оказывается также применение исторического метода, поскольку исследуемые автором институциональные изменения анализировались в историческом контексте. Кроме того, в работе применялся метод анализа вторичных статистических данных с целью определения степени влияния фактора демографической политики в КНР на социальную, экономическую и др. сферы жизнедеятельности общества. Наконец, факторный анализ позволил автору определить основные вызовы, стоящие перед политикой по регулированию рождаемости в КНР, а также наиболее перспективные направления политики стимулирования рождаемости, к реализации которой китайское правительство перешло в начале 2020-х годов. Вполне корректное применение (но не описание!) перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идёт о выявленных ключевых факторах эволюции демографической политики КНР с 1979 г. по настоящее время: накопленные дисбалансы и диспропорции в демографической структуре китайского общества, экономические проблемы и др. Определённый научный интерес

представляют также выявленные автором вызовы, с которыми сталкивается демографическая политика современного Китая: повышение финансовой нагрузки на государство по причине роста различных социальных пособий и выплат, субсидий на образование и жильё, быстрая урбанизация, культурная ориентация на малую семью и др. Наконец, небезинтересны в научном плане оценки автором основных перспектив политики стимулирования рождаемости в современной КНР: переход к целостной системе поддержки семьи и брака, создание дружественной атмосферы в семьях, развитие системы здравоохранения и др. В структурном плане рецензируемая работа также производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы:

- «Введение», где ставится научная проблема, аргументируется актуальность и практическая значимость её решения, формулируются цель и задачи исследования, а также делается некоторые намёки на использованную методологию;
- «1. Исторические этапы государственной политики Китая в области планирования рождаемости», где раскрываются особенности эволюции институтов демографической политики Китая с 1979 г., когда была инициирована политика «одна семья – один ребёнок» по настоящее время, когда китайское правительство встало перед необходимостью стимулирования рождаемости в стране;
- «2. Анализ эффективности мероприятий по планированию рождаемости в Китае», где на основе факторного анализа проводится оценка степени эффективности политики планирования рождаемости в Китае, а также выявляются те вызовы демографии, перед которыми сегодня стоит китайское общество;
- «3. Перспективные направления продолжения политики стимулирования рождаемости в Китае и их значимость для мирового сообщества», где также на основе факторного анализа определяются наиболее перспективные направления дальнейшей институциональной эволюции политики стимулирования рождаемости в Китае»;
- «Заключение», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, точки, которые автор ставит в названиях разделов статьи; и др.) и грамматических (например, пропущенная запятая после вводного слова «так» в предложении «Так в докладе премьера Госсовета КНР Ли Цяна...»; или наоборот, лишние запятые в предложениях «Это свидетельствует о повышенном внимании Китая... к вопросу повышения рождаемости, как одному из факторов, оказывающему...», «... Очевидно, что... возникшие, в связи с этим демографические проблемы...»; и др.) ошибок, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 24 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу недостаточной теоретико-методологической рефлексии, но её отсутствие не рассматривается рецензентом в качестве критического повода для отклонения статьи. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести достаточно актуальную тему, выбранную для исследования, а также значительный объём эмпирического материала, привлечённый для анализа.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые её недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для социологов, политологов, демографов, культурологов, синологов, специалистов в области политики регулирования рождаемости, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Социодинамика». По результатам рецензирования статья

рекомендуется к публикации.

Социодинамика*Правильная ссылка на статью:*

Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Социальные механизмы регулирования трудовых отношений в цифровой среде // Социодинамика. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.4.74212 EDN: LBGTQY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74212

Социальные механизмы регулирования трудовых отношений в цифровой среде

Деханова Наталья Геннадьевна

ORCID: 0009-0004-8784-4309

кандидат социологических наук

доцент, кафедра социологии государственного управления, социологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр.33, оф. 503

[✉ ndehanova@mail.ru](mailto:ndehanova@mail.ru)**Холоденко Юрий Александрович**

кандидат экономических наук

доцент; кафедра социологии государственного управления; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр.33, оф. 503

[✉ hol.u@mail.ru](mailto:hol.u@mail.ru)[Статья из рубрики "Проблема социального партнерства"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7144.2025.4.74212

EDN:

LBGTQY

Дата направления статьи в редакцию:

19-04-2025

Дата публикации:

26-04-2025

Аннотация: Целью настоящей статьи является анализ социальных механизмов регулирования трудовых отношений в цифровой среде. Авторы акцентируют внимание на

том факте, что одной из наиболее важных социальных функций современного государства выступает регулирование социально – трудовых отношений. Однако кроме государства, в социально – трудовой сфере действуют многочисленные институциональные регуляторы, в различной степени оказывающие влияние на социально-трудовые отношения. В цифровой среде механизмы институционального регулирования социально – трудовых отношений трансформируются с учётом новых реалий. Активное внедрение современных цифровых технологий ведёт к изменению рабочих процессов, автоматизации и роботизации производства, профессиональной структуры, появлению новых форм занятости. Однако силу несовершенства механизмов регулирования новых форм занятости в цифровой среде они находятся в менее стабильных условиях, нежели традиционные формы работы. Основной методологической базой исследования выступают теоретические научные методы, системный подход. Междисциплинарный характер исследования в рамках обозначенной проблематики требует привлечения значительного количества данных международной и отечественной социально- экономической статистики. Проводится сравнительный анализ рисков и преимуществ новых форм занятости в условиях цифровой среды, институциональных механизмов их регулирования. Авторы подробно останавливаются на анализе новых форм занятости в условиях цифровой трансформации: дистанционной работе, платформенной и мобильной занятости, фрилансе, а также получающих все более широкое распространение шеринговых формах занятости, аутсорсинге и аутстаффинге. Новые практики трудовой деятельности имеют как достоинства, так и недостатки. Отсутствие эффективной системы как государственного регулирования, так и общественного контроля в этой сфере может привести и к реальному ущемлению трудовых и социальных прав занятых, и к увеличению рисков для государства: криминализации социально – трудовой сферы, сокращению доходов государственного бюджета, созданию дополнительных сложностей для системы социального страхования и пенсионного обеспечения, актуализации «проблемы безбилетника». Авторы приходят к выводу, что глубокие перемены, происходящие в социально – трудовой сфере требуют выработки новых компромиссных решений, нестандартных институциональных механизмов, обеспечивающих регулирование трудовых отношений, адекватных динамично развивающейся цифровой среде. В статье анализируется опыт институционализации таких механизмов в нашей стране.

Ключевые слова:

социально-трудовые отношения, социальное государство, цифровая трансформация, платформенная занятость, дистанционная занятость, фриланс, шеринговая занятость, рынок труда, цифровая экономика, аутстаффинг

Введение. Современное государство –социальное государство, главной целью которого является обеспечение высокого уровня и качества жизни для своих граждан, защита их социальных прав, поддержка уязвимых слоёв населения. Оно базируется на принципах социальной сплочённости, социальной солидарности, социального выравнивания и социальной справедливости, которые реализуются в условиях рыночной системы хозяйствования, основанной на экономической свободе и нацеленной на извлечение прибыли и достижение финансового успеха. Их практическое воплощение обеспечивается механизмом реализации активной регулятивной роли государства, которое осуществляет свои функции в условиях глубоких, нередко противоречивых, изменений, затрагивающих основы социальной реальности и свидетелями которых мы

являемся.

Одной из наиболее важных социальных функций современного государства выступает регулирование социально – трудовых отношений, обеспечение эффективной занятости и борьба с безработицей. Государство как регулятор легитимирует процессы, связанные с социально-трудовыми отношениями. Оно формирует «правила игры», на основе которых строятся отношения купли – продажи рабочей силы, обеспечивает контроль за их исполнением. Кроме государства, в социально – трудовой сфере действуют многочисленные институциональные регуляторы, в различной степени оказывающие влияние на социально-трудовые отношения.

В условиях цифровой трансформации трудовая сфера развивается динамично. Изменяется структура занятости, появляются новые виды трудовой деятельности, а вместе с ними – и новые риски увеличения безработицы, расширения масштабов теневой занятости и её маргинализации. В цифровой среде механизмы институционального регулирования социально – трудовых отношений трансформируются с учётом новых реалий. Активное внедрение современных цифровых технологий ведёт к изменению рабочих процессов, автоматизации и роботизации производства, профессиональной структуры, появлению новых форм занятости. Очевидно, что запаздывание в институциональном регулировании новых форм трудовой деятельности чревато ухудшением условий труда для таких работников со стороны работодателей [11]. С увеличением числа сотрудников, занятых удаленной работой, данная проблема всё более актуализируется. Соответственно, в цифровой среде механизмы институционального регулирования социально – трудовых отношений трансформируются с учётом глубоких социальных изменений на рынке труда.

Теоретический дискурс. Становление информационного общества и превращение знания и информации в ведущую силу и основной ресурс общественного развития оказали серьёзное воздействие на рынок труда и характер социально – трудовых отношений, а также институты регулирования и механизмы социального контроля за данной сферой жизнедеятельности людей. Использование современных цифровых технологий и формирование адекватной потребностям общества и государства цифровой среды привело к изменению структуры спроса на рабочую силу и появлению новых форм занятости. Их особенности, преимущества и риски всё более активно исследуются российскими и зарубежными учёными [2,3].

На рынке труда появились особые категории работников – фрилансеры и самозанятые. Большинство из них трудятся, используя современные цифровые технологии. Проблемами становления и развития данной формы занятости занимаются такие отечественные учёные, как Т.О. Разумова и Н.М. Кирсанова [4], Е.С. Садовая [5], Е.А. Свердликова и А.С. Селезнёва [6] и др. Особое внимание уделяется платформенной занятости и занятости с использованием мобильных приложений, а также регулирующей роли цифровых платформ и сервисов. Отдельные аспекты данной проблемы исследованы в трудах И.Н. Мысляевой [7], А.В. Маркеевой и О.В. Гавриленко [8,9], Ф.И. Мирзабалаевой и О.В. Забелиной [10], Н.В. Черных [11] и др.

Цифровая трансформация обостряет проблему неформальной занятости. На данный аспект изменений социально – трудовой сферы фокусируют внимание А.Н. Покида и Н.В. Зыбуновская [12], Д.М. Камари [13], Е.Н. Синдеяшкина [14], М.Г. Хохлова [15]. Активное внедрение современных цифровых технологий порождает новый вид социального неравенства – цифровое неравенство, которое становится одним из социальных рисков

для рынка труда в цифровой среде. Влиянию цифрового неравенства на занятость и её структуру посвящены работы К.Н. Горлова [16], Н.Г. Осиповой [17], А.С. Смирновой [18].

Результаты исследования. В цифровой среде компаниям с жесткими иерархическими системами управления и ограниченными горизонтальными связями между подразделениями и специалистами становится все труднее адаптироваться к требованиям современного рынка. От них требуется гораздо большая гибкость, способность быстро реагировать на новые тенденции развития, в том числе в сфере социально – трудовых отношений. Использование современных цифровых технологий позволяет им собирать, накапливать, хранить и обрабатывать большие объемы информации за относительно короткое время. Это в свою очередь открыло бизнесу возможности для активного внедрения новых способов организации труда, которые позволяют быстро реагировать на запросы рынка и эффективно на них отвечать.

Цифровая трансформация социально – экономических процессов расширяет масштабы использования интернета для развития новых форм занятости, в том числе с использованием мобильных приложений, для дистанционной работы (дома, на территории клиента, в любом другом месте, в том числе даже в другой стране). Это дает возможность сотруднику выполнять трудовые обязанности вне организации, используя возможности сети Интернет. В 2024 году 86% российских домохозяйств имели доступ к широкополосному интернету [19]. Это расширяет масштабы применения новых трудовых практик, в том числе переход к удаленной работе и работе на нескольких заказчиков на условиях субподряда. Нередко использование интернета трансформирует любимое хобби в эффективный и высокодоходный бизнес-проект.

Выделяют различные трудовые практики, которые связаны с применением интернет – пространства и современных информационно - компьютерных технологий. Среди них дистанционная работа, платформенная занятость и мобильная занятость, фриланс. Кроме того, всё более широкое распространение получают шеринговые формы занятости, а также аутсорсинг и аутстаффинг.

Дистанционная занятость понимается как трудовая деятельность, осуществляемая работником за пределами офиса. Её особенность заключается в том, что она не всегда предполагает широкое применение современных цифровых технологий и обладание соответствующими компетенциями. В отдельных случаях Интернет используется лишь как средство коммуникации. Однако активное развитие дистанционной занятости, прежде всего, обусловлено прогрессом в сфере ИКТ. В условиях пандемии COVID-19 наиболее результативно действовали именно те структуры, которые ещё в допандемийный период активно применяли цифровые технологии в производственных и логистических процессах, используя потенциал удаленной работы.

Дистанционная занятость имеет ряд преимуществ как для работников, так и работодателей. К ним относятся сокращение времени, затрачиваемого работниками на поездки до места работы, экономия на транспортных расходах, возможность для работника по своему усмотрению распределять рабочее время и работать в комфортных условиях. В свою очередь, у компаний появляется возможность сократить издержки на аренду офисных помещений, оплату труда обслуживающего персонала и клининговых услуг.

Дистанционная работа, осуществляемая с использованием сети интернет, нередко выступает как форма традиционных социально – трудовых отношений (полных, неполных, теневых). В свою очередь, платформенная и мобильная занятость относятся к

инновационным методам организации трудовой деятельности, которые позволяют выполнять различные задачи через специализированные цифровые платформы. Появление цифровых платформ открывает возможности для организации труда в виртуальном пространстве, оставляя широкое поле вопросов регулирования отношений между субъектами. Цифровая платформа – особая организационная структура, построенная по сетевому принципу и обеспечивающая взаимовыгодное взаимодействие между автономными производителями и потребителями товаров и услуг. Её цель – организация коммуникации между пользователями и содействие обмену товарами и услугами в цифровой среде. Цифровая платформа сводит к минимуму издержки, связанные с местоположением партнёров, их количеством и временем коммуникации, повышает эффективность экономической деятельности за счёт снижения логистических затрат и установления прямых деловых связей между производителями и потребителями товаров и услуг. Платформенная занятость – важная сфера занятости, которая, обладая гибкостью, в условиях цифровой трансформации рынка труда выполняет много важных функций. Так, И.Н. Мысляева выделяет такие её достоинства как легкий вход, не требующий вложений; доступ к широкой аудитории заказчиков; гибкая занятость, возможность быстрого заработка «живых денег»; отсутствие жесткого государственного регулирования; относительная экономическая свобода; свободный график; возможность самому выбирать клиентов и заказы; возможность быстро получить оплату [\[7, с.30\]](#).

Вместе с тем ряд исследователей отмечает противоречивые последствия деятельности цифровых платформ, разрушающих традиционные деловые практики, в том числе в социально – трудовой сфере [\[20\]](#). О.В. Гавриленко и А.В. Маркеева подчёркивают, что «результатом отсутствия эффективной системы государственного регулирования и общественного контроля над цифровыми платформами может стать превращение их в самостоятельную инстанцию социального контроля с фактически безграничной властью над современным медиатизированным миром» [\[8, с.30 - 31\]](#). В свою очередь, Н.В. Черных обращает внимание на тенденцию к постепенной эрозии стандартной модели трудовых отношений и экстернализации занятости, когда все больший объем работ перемещается за формальные границы организации-работодателя [\[11, с.106\]](#).

Цифровые платформы используются в различных сферах экономической деятельности и с различными целями: для коммуникации; для реализации товаров и предоставления услуг; для поиска клиента или заказчика; для посредничества в сфере труда. В силу возрастающей социально – экономической динамики и постоянных изменений рыночной конъюнктуры, а также потребности в обеспечении непрерывного доступа к актуальной информации компаний-владельцы платформ разрабатывают мобильные приложения, которые позволяют использовать платформу в любое время независимо от местонахождения. Это дало толчок к развитию дистанционной работы с применением мобильных приложений, когда работник находится вне офиса и готов в любой момент приступить к работе. В качестве примера выступает приложение «ЯндексGo», объединяющее множество сервисов от компании Яндекс. Одним из них является сервис «Яндекс Такси», являющийся площадкой для взаимодействия между таксистом и заказчиком. Водитель такси, имея постоянный доступ к платформе через мобильное приложение, самостоятельно определяет график и интенсивность работы, а доход его будет зависеть от количества выполненных заказов.

В цифровой среде платформенная занятость приобретает всё более широкое распространение. Как показывают исследования, уже сейчас взаимодействие посредством платформ имеет большую популярность. Так, согласно оценкам Международной организации труда, за последнее десятилетие количество цифровых

платформ увеличилось многократно. В начале 2021 года в мире действовало около 800 платформ [\[21\]](#). Они всё более активно используются для трудовой деятельности. Масштабы занятости на цифровых платформах растут высокими темпами. Например, в России за два года, с 2021 по 2023, платформенная занятость увеличилась примерно в 2 раза [\[22\]](#).

С платформенной занятостью тесно связана такая форма трудовой деятельности как фриланс. Фриланс - относительно новая форма занятости, отличительной чертой которой является то, что на рынке труда фрилансер выступает как частное лицо, не являющееся штатным сотрудником компании, на которую он работает. При этом его трудовые отношения с работодателем могут носить как систематический, так и временный характер. Они строятся на основе не трудового соглашения, а гражданско – правового договора. Но прежде всего это отношения доверия, основанные на принципе «проверенный клиент/заказчик». Поэтому фрилансер должен обладать не только высоким уровнем профессиональной подготовки, но и такими качествами как адаптивность, открытость, дисциплинированность. Кроме того, результаты ряда исследований показывают, что фрилансеры обладают необходимыми компетенциями для работы с современными компьютерными технологиями [\[4, с.66\]](#).

Фрилансеры, будучи высококвалифицированными специалистами, как правило, работают в таких секторах экономики, как образование, управление, реклама, маркетинг. Значительное их число непосредственно занято в информационной сфере. Они занимаются обработкой данных, программированием, дизайном, работают с аудио и видео с использованием современных цифровых технологий. По данным Всемирного банка, в 2023 году в мире насчитывалось свыше 1,5 млрд. фрилансеров. Почти 70% из них составляли молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет. Большинство – с вузовским образованием [\[23\]](#). В России фрилансеры всё активнее регистрируются в качестве самозанятых; к концу 2024 года их число превысило 12 млн. человек [\[24\]](#).

Новыми для российского рынка труда являются такие виды занятости как аутсорсинг и аутстаффинг. Они всё более широко применяются в деловых отношениях между организациями. В обоих случаях речь идет о привлечении внешних по отношению к заказчику специалистов для выполнения конкретных задач. Аутсорсинг используется в различных областях экономической деятельности, в основном в сфере услуг: общественное питание, бухгалтерия и аудит, уборка помещений, юридические услуги. Активное внедрение ИКТ привело к расширению масштабов использования аутсорсинга в IT-сфере: фирма поручает выполнение работ по созданию и обслуживанию компьютерных и цифровых систем сторонним организациям, специализирующимся в этой области. Этоrationально, поскольку не требует от компании масштабных инвестиций в мероприятия по поддержанию своей цифровой инфраструктуры.

Разница между аутсорсингом и аутстаффингом заключается в том, что в первом случае компания-заказчик поручает другой организации решение конкретной задачи в определенный срок и не имеет значения, кто и как ее выполнит; главное – качественный и своевременный результат. Во втором случае предполагается передача сотрудников, работающих в одной компании и специализирующихся на решении определённых задач, в штат компании – партнёра. Аутсорсинг также предполагает, что заказчик на период выполнения конкретной задачи может «одолжить» сотрудников у другой компании. Однако при аутстаффинге договор, как правило, заключается на длительный срок, а иногда может быть бессрочным.

Как и фрилансерам, компаниям необходим постоянный доступ к актуальной информации о состоянии рынков, в том числе рынка труда, для поддержания эффективных контактов с партнёрами и своевременного реагирования на их потребности и колебания рыночной конъюнктуры. Современные цифровые технологии способствуют этим процессам. Поэтому данное направление в развитии занятости в современном информационном обществе следует рассматривать как перспективное.

Шеринговые формы занятости включают в себя способы совместной организации труда. Наиболее распространёнными являются джоб - шеринг и шеринг персонала. Джоб - шеринг предполагает деление одного рабочего места между несколькими сотрудниками. Он применяется прежде всего как мера по созданию гибкого графика для работников, а в отдельных случаях – для увеличения занятости и повышения результативности деятельности компании. В странах, где данная форма занятости не выделена как отдельный вид, в трудовом договоре она обозначается как работа с неполным графиком. Её достоинством является создание условий для обмена знаниями и опытом между сотрудниками, а в конечном счёте – накопления человеческого капитала компании и роста её конкурентоспособности.

Совместное использование труда работников, или шеринг персонала, подразумевает совместное использование компаниями рабочей силы. Это означает, что несколько фирм нанимают одних и тех же работников и используют их для решения определенных задач. При этом работодатели в равной степени несут ответственность за работников, как и работники отвечают перед каждым работодателем. Шеринг персонала позволяет компаниям сокращать издержки на оплату труда сотрудников и более гибко подходить к планированию и распределению трудовых обязанностей при реализации конкретных проектов. Для работников данная форма занятости создаёт возможность для поддержания доходов при возникновении проблем у одной из компаний, а в отдельных случаях, если одна задача делится между несколькими сотрудниками – сократить рабочее время и установить более комфортный график работы. Использование передовых информационных технологий в трудовых практиках расширяют сферы применения и масштабы использования шеринговых форм занятости.

Новые формы трудовой занятости тесно связаны с перераспределением рабочего времени. Они характеризуются гибкостью, способностью адаптироваться к динамично развивающемуся рынку труда. Их активное использование становится возможным благодаря современным цифровым технологиям, позволяющим собирать и обрабатывать большие объемы данных, устанавливать и развивать партнёрские контакты с многочисленными субъектами рынка, а также координировать взаимодействия с ними независимо от местоположения. При этом возросла роль таких неформальных факторов, как доверие партнёров друг к другу и готовность принять на себя определенные риски. Однако ряд проблем по – прежнему остаются нерешенными, поэтому разработки в сфере нормативного регулирования новых форм занятости продолжаются и даже актуализируются. Тем более, что новые способы организации работы достаточно привлекательны, и все большее количество компаний внедряют подобные трудовые практики.

Глубокие перемены, происходящие в социально – трудовой сфере в результате применения современных информационных технологий в экономике и повседневной жизни, появление новых видов занятости, требуют выработки новых институциональных механизмов, обеспечивающих регулирование социально – трудовых отношений, адекватных динамично развивающейся цифровой среде. Цифровая трансформация стимулирует развитие нестандартных форм занятости на базе сети Интернет, переход к

дистанционной работе, к труду на основе гибкого графика, усиливает его творческий, креативный характер. Вместе с тем цифровой переход усложняет ситуацию на рынке труда, создаёт новые риски для социально – трудовой сферы и институтов её регулирования, прежде всего государства.

Прежде всего, цифровая трансформация рынка труда становится одним из основных факторов, способствующих расширению поля применения неформальных трудовых практик и увеличению масштабов неформальной занятости, находящейся вне сферы государственного контроля. Как отмечает М.Г. Хохлова, современные цифровые технологии «обеспечивают дистанционную занятость и позволяют удовлетворять возрастающие потребности человека в более комфортной среде, не регламентируемой строгим трудовым режимом»[\[15, с.139\]](#). Неформальная занятость постоянно развивается и адаптируется к изменениям на рынке труда. В последнее время этот процесс значительно ускорился. Так, согласно исследованиям Росстата, динамика роста масштабов теневой занятости в Российской Федерации имеет тенденцию к ускорению. Численность занятых в неформальном секторе за период с 2006 по 2021 гг. увеличилась с 11,6 до 14,8 млн человек, или на 15,6 % [\[25\]](#). Находясь вне сферы «государева ока», неформальная занятость создает для государственных органов дополнительные социальные риски, в числе которых криминализация социально – трудовой сферы, сокращение доходов государственного бюджета, создание дополнительных сложностей для систем социального страхования и пенсионного обеспечения, актуализация «проблемы безбилетника».

Ранее мы уже отмечали: «В настоящее время институты регулирования социально-трудовых отношений ориентированы в большей степени на традиционные формы занятости. Они предполагают трудовую деятельность полный рабочий день, четкий график, а также жестко регулируемые трудовые отношения, включающие наличие контракта между работодателями и наемными работниками, который содержит обязательства и ответственность сторон, связанные с оплатой и условиями труда, трудовыми обязанностями, обеспечением социальных гарантий работникам и т.д. Государство выступает как гарант выполнения сторонами заключённого соглашения»[\[26\]](#). Вместе с тем одной из ключевых проблем регулирования и контроля новых форм занятости с использованием современных информационно - компьютерных технологий, в том числе на базе цифровых платформ, выступает неопределенный и нестабильный характер возникающих при этом трудовых отношений. Регулирование новых форм занятости происходит только в рамках отношений между непосредственными участниками. Например, Яндекс Го предлагает набор условий, в рамках которых водитель такси имеет возможность взять в таксопарке компании в аренду автомобиль, свободный график работы, страхование во время поездки, постоянную связь со службой поддержки, доступ к мобильному приложению для отслеживания заказов. За это с каждого заказа взимается комиссия от 18 до 24%. Социальные гарантии со стороны компании не предоставляются. Так как таксист сам отвечает за свои доходы и свой рабочий график, он никак не застрахован от слишком низких доходов и некомфортных условий труда. Вместе с тем Яндекс Го просто предлагает водителю платформу как удобный способ связи с клиентами, Должна ли платформа предоставлять ему дополнительные социальные гарантии, ведь никакого трудового договора между работником и работодателем, по сути, не заключается, и к данным отношениям невозможно применить нормы трудового права? Вопрос непростой, однозначного ответа на него нет.

Представляется, что разработка механизмов государственного регулирования

платформенной занятости становится всё более актуальной проблемой. Помимо интереса в обеспечении налоговой базы со стороны занятых на платформах, государство, реализующее свои социальные функции, должно быть заинтересовано в снижении социальной напряженности и социального неравенства путем предоставления социальных гарантий всем своим гражданам. Очевидно, что права и обязанности работника должны регулироваться и быть защищены. Между тем для многих занятых на цифровых платформах отдельные социальные гарантии недоступны. Это касается медицинского и пенсионного страхования, ежегодного оплачиваемого отпуска и др. Компании – владельцы цифровых платформ, считают, что их главная задача – лишь предоставить площадку для работы, а работники, использующие платформы для трудовой деятельности, должны самостоятельно решать проблемы, с которыми они сталкиваются. Поэтому они не желают брать на себя обязательства по защите и страхованию людей, которые на этих платформах работают.

Так как для занятых трудовой деятельностью с использованием цифровых платформ страховые взносы являются добровольными, большинство их не платит. Однако следует учитывать, что нередко платформенная занятость является для работников не основным, а дополнительным источником заработка, поэтому они включены в систему обязательного социального страхования. Более того, результаты исследования, проведённого в 2022 году специалистами НИУ ВШЭ, свидетельствуют о негативном отношении занятых на цифровых платформах к попыткам государства создать механизмы правового регулирования подобного вида деятельности, отмечая как особую ценность «относительную экономическую свободу» [\[27, с.25\]](#).

На наш взгляд, отдельные меры государственного регулирования могут быть применены к платформенной занятости. Однако открытый остается вопрос, в какой степени и к каким цифровым платформам те или иные формы регулирования и контроля стоит использовать. Здесь может быть полезен опыт стран Европейского Союза, где при обнаружении фактов, указывающих на контроль и управление работником со стороны работодателя, его отношения с платформой автоматически будут признаны трудовыми. В этом случае он получает доступ к основным социальным гарантиям. Кроме того, он не сможет быть уволен или отстранен от трудовой деятельности по решению алгоритма или автоматизированной системы – «человеческий контроль» в таких случаях будет обязательным [\[28\]](#).

Необходимость принятия подобного нормативно - правового акта в нашей стране очевидна. Однако работа предстоит долгая и сложная. Она требует выработки компромиссных и нестандартных решений. В настоящее время, по нашему мнению, можно обеспечить регулирование платформенной занятости посредством перевода исполнителей в категорию индивидуальных предпринимателей или самозанятых. В сфере регулирования самозанятости в нашей стране накоплен в целом позитивный опыт. На данный момент для самозанятых граждан введен специальный налоговый режим – налог на профессиональный доход. Физические лица, перешедшие на специальный налоговый режим, могут платить с доходов от самостоятельной деятельности налог по льготной ставке – 4 или 6% [\[29\]](#). Эта мера позволила вывести часть граждан из сферы теневого труда и легализовать их доходы. Данная система налогообложения действует в рамках эксперимента до 2028 года, однако уже сейчас очевидны позитивные последствия от её введения. Прежде всего, увеличились бюджетные поступления: порядка половины самозанятых до перехода на специальный налоговый режим не платили налогов с доходов. Кроме того, получение официального статуса создаёт дополнительные

экономические возможности для данной категории занятых. Наличие дохода у плательщиков налога на профессиональный доход позволяет им получать кредиты и визы. У них открывается возможность работы с крупными компаниями, а также делать взносы в Социальный фонд России [10, с.591]. Так, в 2024 году величина взноса на пенсионное страхование для самозанятых составила 50 798,88 рублей [30]. Однако официальные данные о количестве граждан, которые использовали данный механизм формирования будущей пенсии, отсутствуют. Конечно, часть самозанятых официально трудоустроены как наемные работники и обязательные страховые взносы за них платят работодатели. Тем не менее наступит время, когда российское государство столкнётся с проблемой роста масштабов выплат социальных пенсий и расходов на здравоохранение, не подкреплённых соответствующей финансовой базой.

Таким образом, налоговое регулирование самозанятости позволяет фрилансерам, зарегистрированным в качестве самозанятых, полноценно участвовать в экономической жизни общества, а льготы и гарантии, предоставляемые от официального статуса, могут привлечь в данную сферу ещё больше заинтересованных в легализации своей трудовой деятельности граждан. Тем не менее, налоговый учёт и официальный статус не решают других проблем, связанных с данной формой занятости. Речь идёт о легализации отношений самозанятых с заказчиками, значительная часть из которых предпочитает устные договорённости. Партнёры не всегда добросовестны по отношению друг к другу, необоснованно пересматривают сроки реализации проектов и задерживают с оплатой выполненных работ. В этих условиях не формальный закон, а репутация и доверие начинают играть значительную роль в отношениях фрилансера и заказчика.

Что касается аутсорсинга и аутстаффинга, то механизмы их институционального регулирования в России носят не столько регулятивный, сколько ограничительный характер. В нормативно – правовых актах эти понятия не закреплены, вместо них используется понятие заемного труда, которое в большей степени характеризует аутстаффинг. Для легального осуществления заемного труда организации должны преодолеть высокие финансовые и административные барьеры. В их числе достаточно высокие требования к уставному капиталу компании (не менее 1 миллиона рублей); наличие у генерального директора организации соответствующей квалификации в области управления кадрами, а также стажа работы в сфере трудоустройства или содействия занятости населения как минимум 2 года из 3 последних лет. На наш взгляд, государству следует обратить внимание на данные формы работы и предложить регулятивные меры, адекватные динамике изменений в сфере занятости и социально – трудовых отношений.

Заключение. В силу несовершенства механизмов регулирования новых форм занятости в цифровой среде они находятся в менее стабильных условиях, нежели традиционные формы работы. Уже упомянутые недостатки платформенной и самостоятельной занятости порождают множество социальных рисков, связанных с отсутствием социальных гарантий, низким уровнем социальной защищённости и нестабильностью доходов. Несмотря на риски и некоторые сложности, обусловленные цифровой динамикой, государство предпринимает попытки сформировать институциональные механизмы регулирования новых форм занятости, связанных с использованием современных цифровых технологий. Учитывая возможности, которые открывают новые формы занятости, и ту популярность, которую они набирают, можно предположить, что работа по их формальному оформлению и попытки поставить их под государственный контроль продолжатся. Наконец, данная деятельность важна с точки зрения реализации принципов социального государства, гарантирующего обеспечение социальных прав и

социальную защищенность граждан, в том числе в сфере социально – трудовых отношений.

Библиография

1. Цифровая экономика и рынок труда, цифровые технологии и трудовые отношения: Взаимовлияние, особенности и тенденции развития // ВНИИ ТРУДА Минтруд России. (Дата обращения: 15.02.2025). URL: <https://vcot.info/blog/cifrova-ekonomika-i-rynek-truda-cifrovye-tehnologii-i-trudovye-otnoseniya-vzaimovlianie-osobennosti-i-tendencii-razvitiya>
2. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Динамика структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.
3. Минченкова О.Ю., Федоров А.С., Минченкова А.М., Федорова Н.В. Преимущества и риски новых форм занятости в условиях применения IT-технологий // Вестник РГГУ. Серия "Экономика. Управление. Право". 2023. № 1. С. 43-55. DOI: 10.28995/2073-6304-2023-1-43-55 EDN: PFAKNK
4. Разумова Т.О., Кирсанова Н.М. Самозанятость и фриланс как способы адаптации работника на современном рынке труда // Социально - трудовые исследования. 2022. № 2. С. 56-68. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-47-2-56-68 EDN: VAFGIG
5. Садовая Е.С. Рынок труда в цифровой экономике - перспективы регулирования. // Мировая экономика и международные отношения, 2022. Т. 66. № 10. С. 102-111. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-10-102-111 EDN: YCLZSS
6. Свердликова Е.А., Селезнёва А.С. Социальное самочувствие самозанятых в условиях трансформации рынка труда. // Вестник МГУ, серия 18 Социология и политология. 2024. № 1. С. 205-218. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-205-218 EDN: ZIMLPR
7. Мысляева И. Н. Государственное регулирование социально-трудовых отношений в условиях цифровой экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2024. № 1. С. 27-38. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_1_3_27_38 EDN: LENTCB
8. Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Цифровая платформа как новый экономический актор и новая инстанция социального контроля // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2019. № 5. С. 29-48. EDN: KQZYDA
9. Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 145-163. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-145-163 EDN: MTMMNS
10. Мирзабалаева Ф.И., Забелина О.В. Регулирование платформенного труда: гибкий баланс государственных гарантий и саморегулирования // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 3. С. 587-604. DOI: 10.18334/et.9.3.114438 EDN: CIGZZJ
11. Черных Н. В. Трансформация труда как объекта общественных отношений и распространение нетипичных форм занятости // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12 (157). С. 104-113. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.104-113 EDN: MXUVAT
12. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Регулирование деятельности самозанятых граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1. С. 60-85. EDN: PAXTQP
13. Камари Д.М. Проблема неформальной занятости в России и в ЕАЭС // Социально-трудовые исследования. 2025. № 55 (2). С. 54-61.
14. Синдяшкина Е.Н. Неформальная занятость в условиях трансформации современного рынка труда // Социально-трудовые исследования. 2023. № 51 (2). С. 59-70. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-51-2-59-70 EDN: KWINOB

15. Хохлова М.Г. Неформальная занятость в мире. // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 7. С. 130-140. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-130-140 EDN: SVZSBK
16. Горлов К.Н. Социальное неравенство в условиях цифровой экономики // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 1. С. 13-18.
17. Осипова Н.Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 30. № 3. С. 9-42.
18. Смирнова А. С. Второй и третий уровни цифрового неравенства на рынке труда: цифровые навыки и практики // ИНАБ. Социальные аспекты цифровых неравенств: результаты эмпирических исследований. 2022. № 1. С. 43-64.
19. В России более 86 процентов домохозяйств имеют доступ к интернету (Дата обращения: 15.02.2025). URL: <https://ria.ru/20240407/internet-1938374005.html>
20. Деханова Н.Г. Риски цифрового развития: социологический анализ // Социология. 2024. № 11. С. 13-21.
21. Цифровые платформы привлекли внимание регуляторов (Дата обращения: 10.02.2025). URL: <https://plus.rbc.ru/news/610126977a8aa9f8e016f428>
22. Социальные гарантии для платформенных занятых в России - 2024. Центр стратегических разработок. 2024.
23. Freelance Statistics, Trends and Insights (2024). Exploding Topics. 2024. [Electronic resource] (Дата обращения: 15.02.2025). URL: <https://explodingtopics.com/blog/freelance-stats>
24. ФНС сообщила о количестве самозанятых в России // Главбух [Электронный ресурс] (Дата обращения: 25.02.2025). URL: <https://www.glavbukh.ru/news/49312-fns-soobshchila-o-kolichestve-samozanyatyh-v-rossii>
25. Методологические положения по измерению занятости в неформальном секторе экономики. // Федеральная служба государственной статистики РОССТАТ. Вып. 7. (Дата обращения: 10.02.2025). URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/b99_10/isswww.exe/stg/d030/i030150r.m
26. Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Трансформация функций института социального государства: эволюция взглядов и современные вызовы // Социодинамика. 2024. № 10. С. 20-39. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.10.72104 EDN: HDIZMS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72104
27. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия: аналитический доклад / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, Е. С. Горват, Д. Е. Карева, Д. А. Стужук, К. О. Чертенков; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". - М.: НИУ ВШЭ, 2022. DOI: 10.17323/978-5-7598-2494-7 EDN: FILRJK
28. Самозанятых проверят на фиктивность // kommersant.ru 12.02.2024, 01:10. [Электронный ресурс] (Дата обращения: 18.02.2025). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6508093>
29. Что такое "налог на профессиональный доход". Официальный сайт "Налог на профессиональный доход". [Электронный ресурс] (Дата обращения: 10.02.2025). URL: <https://npd.nalog.ru>
30. Самозанятые могут добровольно платить страховые взносы. - (Дата обращения: 23.12.2024). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn13/news/activities_fts/15548642/

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Социальные механизмы регулирования трудовых отношений в цифровой среде» предмет исследования механизмы институционального регулирования социально-трудовых отношений. Основное внимание уделено новым формам занятости, таким как платформенная занятость, фриланс, аутсорсинг, аутстаффинг, а также проблемам их регулирования. Но в предоставленном тексте публикации отсутствует прямое определение термина «социальные механизмы», что не позволяет понять — отождествляет ли автор данное понятие с понятием институционального регулирования социально-трудовых отношений.

В качестве метода исследования автор использует анализ научной литературы и статистических отчетов. Исследование включает обзор научных публикаций российских авторов, освещивающих темы цифровой экономики, трансформации рынка труда и особенностей новых форм занятости.

Тема статьи крайне актуальна в условиях стремительной цифровизации экономики и трансформации рынка труда. Автор поднимает важные для государства вопросы, связанные с адаптацией традиционных механизмов регулирования к новым формам занятости и новым условиям функционирования экономики.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе влияния цифровизации на трудовые отношения, включая систематизацию современных форм занятости (платформенная, фриланс, аутсорсинг и др.). Автор акцентирует внимание на проблемах неформальной занятости, цифровой дифференциации, а также отсутствием социальных гарантий, низким уровнем социальной защищённости и нестабильностью доходов работников, участвующих в платформенной и мобильной занятости. Основные выводы статьи касаются важности введения новых норм и правил, регулирующих новую форму занятости, особенно платформенную и мобильную. При этом автор предлагает следующие пути их решения через совершенствование институциональных механизмов регулирования, стимулирование легализации самозанятых и фрилансеров, разработку гибких правовых моделей для атипичных форм занятости.

Статья отличается четкой структурой, логичностью изложения и научным стилем. Введение и теоретический дискурс создают прочную основу для анализа, а раздел с результатами исследования подкреплён конкретными примерами и статистикой. Заключение обобщает ключевые выводы и предлагает направления для дальнейших исследований. Стиль изложения соответствует академическим стандартам.

Библиография работы включает 30 ссылок, проблематика которых сфокусирована на противоречиях между динамикой цифрового рынка труда и устаревшими институтами регулирования. Список представлен в алфавитном порядке, указаны полные библиографические описания источников. Библиография основана преимущественно на научных статьях российских авторов. Но в связи с тем, что проявление данных противоречий является общемировым трендом представляется необходимым расширить за счёт иностранных источников.

Статья полезна экспертам трудового права, социологам и госслужащим для осознания современных проблем и поиска решений.

Таким образом, статья «Социальные механизмы регулирования трудовых отношений в цифровой среде» имеет научно-теоретическую значимость. Работа может быть опубликована после коррекции обозначенных в рецензии проблемных мест.

Во-первых, представляется, что некоторые термины могли бы быть пояснены для большей ясности. В частности, важно разъяснить пары понятий: социальные механизмы vs механизмы институционального регулирования, трудовые отношения vs социально-трудовые отношения.

Во-вторых, стоит учесть высказанные замечания о библиографии.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Матвеев М.С. След как знак: эпистемология и методология цифровых данных в социологии // Социодинамика. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.4.74248 EDN: MUOPRO URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74248

След как знак: эпистемология и методология цифровых данных в социологии

Матвеев Михаил Сергеевич

ORCID: 0000-0002-5378-6559

аспирант, кафедра Социологии и политологии, СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

195276, Россия, г. Санкт-Петербург, Культуры, 25, кв. 184

✉ mikhail.matveev97@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальные исследования и мониторинг"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.4.74248

EDN:

MUOPRO

Дата направления статьи в редакцию:

24-04-2025

Дата публикации:

01-05-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу эпистемологических и методологических проблем интеграции цифровых следов в эмпирическую социологию. Актуальность темы определяется ростом объёма цифровых данных и необходимостью их осмысленной интеграции в социальные науки. Как показывает опыт других исследователей, на текущий момент анализ цифровых поведенческих данных вызывает скорее объект критики. Из этого напрямую вытекает цель данной статьи — проанализировать и выявить эпистемологические и методологические сложности интеграции цифровых следов в социологическую традицию, а также показать, что работа с подобного типа данными находится в гораздо более широкой историко-теоретической рамке. Кроме того, поставлена задача обосновать необходимость интерпретативного подхода на любых объемах цифровых данных и подчеркнуть необходимость контекстуализации и

критической рефлексии на всех этапах исследования. Методологическую основу статьи составляют общенаучные методы — теоретико-методологический анализ, сравнение и обобщение научных источников по проблеме исследования. В результате исследования обоснована необходимость комплексного подхода, предполагающего различную основу источников цифровых поведенческих данных, сочетание количественного анализа цифровых данных с интерпретацией, учёта платформенной специфики, возможной алгоритмической селекцией при формировании выборки выгруженных данных и необходимость проверки аутентичности данных на наличие автоматизированной активности. Сделан вывод о необходимости критического отношения на всех этапах исследования к цифровым данным и понимания их как знаков, требующих научной рефлексии, а не как готовых эмпирических фактов. Тем не менее, выявлено, что такая точка зрения прослеживается и в более ранних ключевых работах о нереактивной исследовательской стратегии в социологии. На основе проведенной работы были предложены рекомендации и примеры работ, использующих интепретативную рамку, как на уровне качественной стратегии цифровых исследований, так в масштабах, понимающих в широком дискурсе, как Большие данные.

Ключевые слова:

цифровые следы, цифровая социология, интерпретация данных, методология социологических исследований, эпистемология цифровых данных, Большие данные, социальные медиа, нереактивная стратегия, эмпирическая социология, цифровые поведенческие данные

Введение

Не бросаясь громкими формулировками о том, что цифровые данные стали основополагающей чертой современного общества, а лишь приводя в качестве примера тот факт, что индивиды, взаимодействуя с компьютерными технологиями генерируют 463 эксабайт данных каждый день, можно сделать вывод о том, что интенция анализировать эти данные уже возникла в самых различных институтах современного социума^[1]. И действительно, цифровые поведенческие данные уже используются маркетологами в условиях «знающего капитализма», а также в государственном управлении. Возник даже дискурс о предстоящем кризисе в социологии в духе эпистемологического «конца теории». В 2008-м году К. Андерсон выпустил статью «The End of Theory», где заявил, что отныне в центр внимания нужно ставить данные, столь легкодоступные и легкоанализируемые компьютерными методами. Теории и гипотезы больше не нужны, а на первый план выходят корреляции на больших выборках данных^[2].

Нarrативы в некоторых технооптимистичных публикациях по данной тематики, описывающие все потенциальные преимущества, и слова о том, что наконец-то «сбылась мечта социолога — добраться до следов, которые остаются от действий людей, независимо от намерений исследователей» спустя продолжительный отрезок времени не изменили теоретико-методологический скепсис насчет использования цифровых следов в эмпирической социологии, который отметила в своей статье К. Губа: исследователи скорее воспринимают их как объект для критики, нежели вносят свой вклад в их развитие^[3].

Из этого напрямую вытекает цель данной статьи — проанализировать и выявить эпистемологические и методологические сложности интеграции цифровых следов в

социологическую традицию, а также показать, что работа с подобного типа данными находится в гораздо более широкой историко-теоретической рамке и обосновать необходимость интерпретативного подхода.

Обсуждение

Прежде всего, стоит дать рабочее определение «цифровых следов» (digital footprint) – данные, характеризующие сетевую активность индивида [\[4\]](#). В качестве эмпирического источника они вполне следуют логике, что они возникают, в отличие, к примеру, от результатов опроса, независимо от воли исследователя— клики, посты, комментарии, лайки, видимые взаимодействия в соцсетях и т.д. Поэтому ряд работ относят поведенческие цифровые данные, исходя из источника их возникновения, к нереактивным данным [\[5\], \[6\]](#). Однако несмотря на то, что появление такой социологической информации не требует участия индивида в исследовании и, следовательно, у него не возникает осознание факта участия в исследовании, что снижает риск возникновения эффекта Готорна (по Э. Гидденсу), стоит отметить, что цифровые следы стоит отнести к условно реактивным или малореактивным: да, пользователи соцсетей могут не знать, что оставляемые им следы будут использоваться для какой-то конкретной научной цели, но так или иначе в своих повседневных практиках управляют самопрезентацией в Сети, а значит их поведение также может быть «реактивным» — просто по отношению не к исследователю, а к аудитории, однако «естественность» такого снимка социальной действительности сохраняется.

Из этого вытекает и первая сложность, как таковая нереактивная традиция до сих пор не стала частью канонического исследовательского арсенала в социологии: это связано с отсутствием методологической «контролируемости» получаемых данных, недостаток методических работ для их использования и определенный уровень методологического консерватизма: Господствующий научный стиль социологии... предполагает применение опросных инструментов и статистики для проверки заранее сформулированных гипотез» [\[3\]](#).

Переход в цифровую эпоху лишь усилил эту проблематику: накопленных, видимых и анализируемых данных стало все больше, маркетологи и бизнес-аналитики уже интегрировали цифровые следы в свои нереактивные исследовательские практики, поскольку, по словам М. Буравого и его коллег, находятся в более выигрышной позиции, нежели академическая социология, являясь и хранителями, ведь именно на их серверах агрегируется вся полнота данных, если это, к примеру, крупная технологическая компания, и менее «ответственными исследователями», поскольку коммерческие структуры оценивают данные с практической точки зрения, а не с точки зрения строгого академического подхода к верификации [\[7\]](#).

Социологи же столкнулись с тем, что теперь необходимо развивать уровень междисциплинарной подготовки, в том числе и осваивать новые языки программирования для: работы с API, веб-скрейпингом, тематическим моделированием. То есть, буквально заново осваивать доступ к получению социологической информации.

Также важной проблематикой является: вопросы валидности и репрезентативности цифровых следов, поскольку они редко содержат информацию о поле, возрасте, образовании. В классической методологии такие данные являются базисными для любого опроса. К этому стоит добавить присутствие ботов и поддельных аккаунтов, которые при автоматизированном анализе на большом объеме попадают в выборку

данных. Сложности в объединении результатов цифрового анализа с другими данными (например, опросными) для обеспечения верификации и кросс-валидации [6]. И наконец, проблема, связанная с существенным различием виртуальной и константной реальности: к примеру, можно ли сказать, что присутствие друг у друга «в друзьях» в одном из социальных медиа является признаком наличия реального социального взаимодействия. М. Б. Богданов и И. Б. Смирнов описали это как конструктная валидность. То есть, в ходе исследовательской работы исследователь постоянно должен задаваться вопросом: «Действительно ли его данные отражают то, что он хочет изучить?» [5].

Если убрать за скобки проблемы, связанные с недостатком компетенции у академических исследователей и малое количество исследовательских центров, занимающихся цифровыми методами, поскольку это проблема решится само собой, когда предметная область преодолеет теоретико-методологические проблемы и будет способна вносить существенный вклад в социологическое знание, представляется, что для ответа на вопрос необходимо признать, что цифровые следы не просто «готовый» эмпирический артефакт, обладающий одновременно и масштабом и при этом сохраняющий единицу социальной информации, а всегда объект интерпретации, контекстуализации и распознавания.

Для этого стоит использовать более широкую историческую оптику. Одним из первых, кто использовал понятие «след» в социологии стал С. Роккан. Он понимал его, как данные, созданные самим социальным процессом: от простых материальных доказательств через всевозможные артефакты до разнообразных символических представлений и идей, зафиксированных в рисунках, рассказах, или сообщениях [8].

Один из ключевых эмпирических исследователей той эпохи социолог П. Лазарсфельд напрямую не использовал понятие «следов», тем не менее следовал логике соотнесения «индикаторов», «симптомов», «подсказок» и «знаков» с более фундаментальным положением дел, той социальной реальности, которая привела к появлению этих показателей: «Это тот же самый процесс, когда мужчины на протяжении всей истории спрашивали своих возлюбленных: «Ты действительно меня любишь?» [9].

Социолог Ю. Уэбб с коллегами в своей основополагающей работе по нереактивным мерам три типа получаемых в результате такой стратегии данных: найденные данные, извлеченные данные и схваченные данные [10]. Под термином «найденные данные» авторы подразумевают материал, непреднамеренно оставленный субъектами и группами по мере их жизни. Найденные данные (спрессованная трава, выброшенные предметы и т. д.) определяются именно как следы». «Извлеченные данные» охарактеризованы Уэббом и коллегами как материалы, намеренно созданные отдельными лицами и группами для достижения своих целей. Они могут быть публичными (законы, постановления, газетные статьи, рекламные щиты, песни) или частными (семейные фотографии, письма друзьям, личные заметки). Они различают «текущие записи», которые представляют собой архивные материалы, охватывающие длительные периоды (данные, собранные для административных целей, данные о продажах, материалы СМИ, которые появляются в регулярной форме) и «эпизодические записи», которые являются прерывистыми (предложение, несколько писем, несколько романов). Извлеченные данные, по задумке авторов, показывают, как события и значения социально конструируются.

«Схваченные данные» определяются как поведение и невербальные сигналы, такие как движения, позы, жесты и даже разговоры «на месте», зафиксированные с использованием методов наблюдения. Это не постоянные, а эфемерные данные, которые

возникают во время социальных взаимодействий и моментально исчезают, поэтому их необходимо фиксировать исследователям. Примерами являются: анализ невербального поведения, чтобы понять социальную динамику группы, прослушивание разговоров на рынке между продавцами и покупателями.

В другой предметной области, из исследователей, придерживающихся схожей исследовательской логики можно отметить историка К. Гинзбурга, развивавшего парадигму обнаружения цепочек следов доказательств или каких-либо указаний для научной рефлексии и интерпретации [11]. Стоит отметить, что в исторической науке, теоретизация в данной предметной области насчитывает более продолжительную историю: ещё в XIX веке исследователи предложили различие между: непреднамеренными следами и намеренно созданными свидетельствами, передаваемыми сознательно: буквально, традициями [12]. Безусловно, в связи с особенностью объекта исследования след становится методологическим «мостом», то, что нельзя извлечь напрямую, а нужно реконструировать.

На эпистемологическом уровне, объединяя все вышеперечисленные примеры, можно увидеть то общее, что часто упускается сторонниками сугубо компьютерных методов, автоматизации и датафикации, то, что след — не является чем-то самообъясняющим, его смысл, полезный для исследователя, создаётся в контексте и познается через интерпретацию. Именно активная деятельность исследователя позволит сблизить артефакты самого социального поведения и знания о нем.

То есть, цифровые следы стоит понимать не как «смысл, а как «данные, потенциально содержащие его»: «лайк» не всегда равно «поддержка», а переход по ссылке не всегда означает интерес. С философской точки зрения, след — это знак, который напрямую связан с каким-то событием или объектом, но и одновременно является замещением: он говорит о чём-то отсутствующем, чего уже исследователь не видит напрямую. Г. Рава, используя концепции Ж. Деррида и У. Эко, изучила феномен интернет-троллинга и постулировала различие между преднамеренными и непреднамеренными знаками, первые из которых представляют собой знаки в строгом смысле, а вторые — это нечто нераскодируемое на данный момент, но потенциально в них заложена определенная доля смысла, готовая раскрыться в любой момент. Цифровые следы троллей, по словам исследовательницы, кажутся бессмысленными, это совокупность провокационных комментариев или подразнений, но в результате анализ показал, что целью является «нагнетание чувства неуверенности и подозрительности внутри виртуального сообщества [13, с. 269]. В этом смысле крайне интересным представляется исследование цифровой тишины: что означает молчание в публичных цифровых пространствах? Как исчезновение поста, «прочитано, но не отвечено», смена аватара без сообщения становятся социально значимыми действиями, влияющими на коммуникацию? Автоматизированный количественный контент-анализ упустит отсутствие поста, потеряв важный смысловой блок. С эпистемологической точки зрения, важно отметить, что в этом случае отказ от классической парадигмы эмпирического невозможен: теоретическая рамка конструирует модели объяснения, а без них цифровые данные не становятся научным знанием — они нуждаются в контексте и интерпретации. Нахождение корреляции не является объяснением причинности, да и сами данные вполне могут быть подвержены искажениям. Вышеупомянутая логика К. Андерсона «Сначала данные — потом концептуальные модели» — это не освобождение от теории, это отказ от понимания.

Разумеется, такая интерпретативная рамка представляется крайне эффективной «в изучении замкнутых или малоизученных сообществ» в виртуальном пространстве [4]. Уже

существуют этнографические исследовательские подходы, в которых комбинируется качественные методы и количественный анализ цифровых следов: сетевой анализ, тематическое моделирование и этнографическое наблюдение для изучения профессиональных онлайн-сообществ позволило менее прагматично воспринимать дискуссии и уловить эмоциональные нюансы коммуникаций [14].

Такой подход полностью укладывается в предложенную Б. Латуром и его коллегами двойную стратегию: для того, чтобы получить неразрывную ткань (fabric) социальной жизни: нужно использовать-качественно-количественные методы: наблюдение и понимание логики локального с помощью эмических категорий и их картирование и выявление паттернов компьютерными методами: то есть не «читать по цифрам», а использовать цифры как сетку для фокусировки чтения. Это позволит наблюдать не готовые структуры, а становление смысла и взаимодействия в реальном времени [15].

Но означает ли это, что в условиях, когда речь идет масштабности и анализа и выводов в исследованиях следование контекстуальной методологии невозможно? Нет, ведь реконструкция смысла необходима, иначе цифровые следы теряют свой эвристический потенциал. Т. Шелтон с коллегами анализировали данные из соцсетей о передвижениях людей в городе. Объем выборки в 500000 постов показал, что сугубо цифровые данные неравномерно репрезентируют социальные группы: более богатые районы создают больше следов. И из этого возникает еще один важный исследовательский вопрос: что означает «цифровое молчание» жителей отдельных районов, в этом смысле цифровые следы (или их отсутствие) уже несет потенциальный смысл [16].

Следующий аспект, который необходимо учитывать при автоматизированных выгрузках и анализе: это критический подход к источнику цифровых следов (платформа, существующие в ней алгоритмы и технические протоколы взаимодействия). Более того, как убедительно показала В. Чун в исследовании пользовательских практик, в различных социальных медиа «лайк» и «репост» изначально несет разный смысл: от случайного действия, согласия или оценки, до жеста присутствия. А затем становится ритуализированными действиями, которые формируют и поддерживают идентичность внутри одной платформы: к примеру, человек как пользователь одной из платформ всегда должен оценить профиль своего виртуального собеседника перед началом коммуникации [17]. Таким образом, представляется необходимым дифференцировать разные типы следов, как минимум, преднамеренные и непреднамеренные следы и дальнейшую интерпретацию строить с учетом этого подхода. В этом смысле представляется интересной более общая классификация следов, предложенная рядом исследователей: по принципу их естественного происхождения или спроектированности для исследовательских целей (A/B-тестирования и контролируемые эксперименты на онлайн-платформах), или по принципу непреднамеренности и намеренности. В первом случае логи, клики, поисковые запросы, куки выступают как остатки других активностей, а загруженные пользователем изображения, тексты, видео как коммуникативные акты [18] [19].

В этом контексте важно учитывать и алгоритмическую проблематику. В этом исследовании социальных медиа показано, что технические структуры, в том числе, так называемые ленты новостей, создают информационные пузыри, исключая целые категории контента из доступности для пользователя, следовательно отсутствие коммуникативных следов не связано с деятельностью исследуемой выборки, а анализируемые поведенческие данные уже предварительно отобраны и трансформированы цифровой средой. То есть, необходимо сопоставлять видимые данные

и механизмы их формирования [20]. В этом же смысле, дополнительная работы с выгружаемыми данными нужна и с учетом проблематики автоматизированных аккаунтов (всевозможных ботов), что существенно искажает структуру коммуникации между реальными пользователями.

Ну и наконец, использовать смешанные методы, как на уровне дихотомии реальный-виртуальный. К примеру, исследование З. Туфекчи, в котором количественные цифровые следы стали основой для гипотез, а полевые наблюдения проверили, насколько онлайн-активность коррелировала с реальной вовлеченностью участников в социальные движения [21]. Либо как противопоставление автоматический анализ-ручная проверка, когда, к примеру, тематическое моделирование (выделение тем в больших текстовых массивах) является лишь этапом ручной интерпретации для уточнения смыслов в интересующих исследователя тематиках. Или стратегия, когда автоматический сетевой анализ (например, через Python-библиотеки NetworkX) поможет увидеть паттерны взаимодействий, степень вовлечённости, выявить лидеров мнений. Однако их конкретные коммуникативные практики и контексты нужно дополнительно верифицировать через наблюдение - ручная выборка и анализ микрокейсов.

Заключение

Таким образом, цифровые следы и их анализ в современной социологии не являются не полной противоположностью классическим реактивным данным, сколько их продолжением в иной среде — технологически опосредованной, алгоритмически управляемой и фрагментарной. Главным в этом смысле остается отказ от представления о таких данных как о «готовом знании» и перехода к исследовательской позиции, в которой анализ — это всегда акт интерпретации, контекстуализации и распознавания. След — это не факт, а потенциальный знак, который становится значимым только в определённой ситуации, через определённую оптику.

Вполне возможно, что некоторая степень институциональной инерции в современной социологии связана с недостаточной осведомленностью о формирующихся практиках в работе с такого типа данными. Хотя историко-методологический обзор показал, что работа со следами — от физического остатка до цифрового артефакта — всегда была частью гуманитарного и социологического знания, главное, это прослеживающийся везде тезис: исследователь — это не просто сборщик данных, а читающий по следам..

Выгрузить десятки тысяч комментариев из социального медиа — это может быть полезным, но без понимания, что делает эти комментарии именно следами, — это не социология, а, к примеру, практика обучения текстовых нейросетевых моделей для моделирования человеческой коммуникации, и скорее относится к области информатики. А цифровая социология, в этом смысле, представляется не просто новым направлением, но и точкой возвращения к ключевым вопросам всей дисциплины: что наблюдаем? как мы это понимаем? что делает наблюданное — значимым?

Библиография

1. World Economic Forum. How much data is generated each day? [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://www.weforum.org/stories/2019/04/how-much-data-is-generated-each-day-cf4bddf29f/> (дата обращения: 11.04.2025).
2. Anderson C. The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete // Wired [Электронный ресурс]. June 23, 2008.
3. Губа К. Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? //

- Социологическое обозрение. 2018. № 1. С. 213-236. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-1-213-236 EDN: XNYZFZ.
4. Николаенко Г. А., Фёдорова А. А. Нереактивная стратегия: применимость незаметных методов сбора социологической информации в условиях Web 2.0 на примере цифровой этнографии и Big Data // Социология власти. 2017. № 4. С. 39-53. DOI: 10.22394/2074-0492-2017-4-36-54 EDN: XSLXPV.
5. Богданов М. Б., Смирнов И. Б. Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 27-48. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1760 EDN: SXSBFV.
6. Сапонова А. В., Куликов С. П. Интеграция опросных данных и цифровых следов: обзор основных методологических подходов // Социология: 4М. 2021. № 53. С. 117-147. DOI: 10.19181/4m.2021.53.4 EDN: LUWLVB.
7. Savage M., Burrows R. The coming crisis of empirical sociology // Sociology. 2007. Vol. 41, no. 5. P. 885-899. DOI: 10.1177/0038038507080443 EDN: JPVNGP.
8. Rokkan S. Comparing nations: The use of quantitative data in cross-national research // Merritt R. L., Rokkan S. (eds.). Comparative cross-national research: The context of current efforts. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 3-25.
9. Lazarsfeld P. F. A conceptual introduction to latent structure analysis // Lazarsfeld P. F. (ed.). Mathematical thinking in the social sciences. Glencoe, IL: The Free Press, 1953. P. 349-387.
10. Webb E. J., Campbell D. T., Schwartz R. D., Sechrest L. Unobtrusive measures: nonreactive research in the social sciences. Chicago: Rand McNally, 1966. 220 p.
11. Ginzburg C. Clues: Roots of a scientific paradigm // Theory and Society. 1979. Vol. 7, no. 3. P. 273-288. DOI: 10.1007/bf00207323 EDN: ILBEOI.
12. Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie: mit Nachweis der wichtigsten Quellen und Hilfsmittel zum Studium der Geschichte. 6th ed. Berlin: Duncker & Humblot, 1908.
13. Rava G. Traces and Their (In)significance // What People Leave Behind: Digital Footprints as Socio-Material Resource in the Age of Big Data / eds. C. Ciborra, A. Caliandro. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 329-343.
14. Бархатова Л. А. Структурные особенности коммуникации российских социологов: кейс онлайн-сообщества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 204-221. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1656 EDN: OXNELV.
15. Venturini T., Latour B. The Social Fabric: Digital Traces and Quali-quantitative Methods // Proceedings of Future En Seine. Paris: Cap Digital, 2010.
16. Shelton T., Poorthuis A., Zook M. Social Media and the City: Rethinking Urban Socio-Spatial Inequality Using User-Generated Geographic Information // Landscape and Urban Planning. 2015. Vol. 142. P. 198-211.
17. Chun W. H. K. Updating to Remain the Same: Habitual New Media. Cambridge, MA: MIT Press, 2016. 264 p.
18. Golder S. A., Macy M. W. Digital Footprints: Opportunities and Challenges for Online Social Research // Annual Review of Sociology. 2014. Vol. 40, No. 1. P. 129-152. DOI: 10.1146/annurev-soc-071913-043145.
19. Arosio L. What People Leave Behind Online: Digital Traces and Web-Mediated Documents for Social Research // In: Comunello F., Martire F., Sabetta L. (eds.) What People Leave Behind: Digital Traces in Context. Cham: Springer, 2022. P. 311-324. DOI: 10.1007/978-3-031-11756-5_20.
20. Gillespie T. The relevance of algorithms // In: Media technologies: essays on

- communication, materiality, and society / eds. T. Gillespie, P. J. Boczkowski, K. A. Foot. Cambridge (MA): MIT Press, 2014. P. 167-194.
21. Tufekci Z. Big questions for social media big data: representativeness, validity and other methodological pitfalls // Proceedings of the Eighth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media (ICWSM-14). Michigan: AAAI Press, 2014. P. 505-514.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «След как знак: эпистемология и методология цифровых данных в социологии» предмет эпистемологических и методологических сложности, связанных с интеграцией цифровых следов в социологические исследования. Автор рассматривает цифровые следы как объект интерпретации, подчёркивая необходимость создания теоретической рамки для их осмыслиения в рамках современной социологии.

В данной работе ни методология, ни методы исследования не заявлены. Можно считать, что в качестве метода исследования автор использует анализ научной литературы — включая классические и современные работы по социологии, философии познания, методологии и цифровым исследованиям. Именно данные работы формируют теоретико-методологический фундамент для исследования нереактивных данных и интерпретация следов, отражают дискуссии о роли больших данных и цифровых методов в социологии, освещают современные вызовы, в частности этику данных, алгоритмическую предвзятость, интерпретацию «молчания» в цифровой среде.

Тема статьи крайне актуальна в условиях цифровизации общества и роста объема данных, генерируемых пользователями. Современная социальная жизнь всё больше перемещается в онлайн: соцсети, платформенная экономика, цифровые госуслуги. Это приводит к взрывному росту объёма данных, которые могут быть использованы для изучения поведения людей. Однако их анализ требует новых методологических подходов, что и обсуждает автор.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе цифровых следов через призму историко-методологической перспективы, а также в предложении интерпретативного подхода, который сочетает качественные и количественные методы. Автор критически переосмысливает тезис К. Андерсона о «конце теории», подчеркивая важность теоретической рефлексии даже в эпоху больших данных. Статья определяет понятие цифровых следов как совокупность сложных артефактов цифровой активности, нуждающихся в интерпретации применительно к конкретному контексту и зависящих от множества технологических и социальных факторов. Это определение подчёркивает двоякую сущность цифровых следов — объективную, обусловленную характером самих данных, и субъективную, связанную с необходимостью их дальнейшего осмыслиения и раскодирования. В работе последовательно рассматриваются проблемы классификации следов, валидности, презентативности и алгоритмических искажений. В общем представляется возможным констатировать, что данная статья обладает несомненной научной значимостью и существенным образом обогащает методологический аппарат социологического анализа цифровой эмпирики.

Статья имеет четкую структуру: введение, обсуждение и заключение. Сильной стороной исследования являются примеры исследований, демонстрирующих эффективность смешанных методов. Статья написана в академическом стиле, соответствует требованиям научной публикации.

Список работ включает 21 ссылку на работы российских и зарубежных исследователей.

Библиография объединяет работы по социологии, истории, методологии науки и цифровым исследованиям. Источники структурированы, даны с полными библиографическими описаниями. В целом стоит признать, что апелляция к основным оппонентам присутствует в должной мере.

Статья будет интересна социологам, интересующимся методологией исследования и анализом данных.

Таким образом, статья «След как знак: эпистемология и методология цифровых данных в социологии» имеет научно-теоретическую значимость. Работа может быть опубликована.

Англоязычные метаданные

Organizational culture in the civil service system

Sushko Valentina Afanas'evna

PhD in Sociology

Associate Professor; Department of Sociology of Public Administration; Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Sociology

119992, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 33, building 1

 valentina.sushko@gmail.com

Abstract. The author examines in detail such aspects of the topic as the effectiveness of civil servants, which is a key indicator of the quality of public service. Special attention is paid to such aspects as the analysis of rules, norms and principles that establish basic behavioral norms and ethical standards for government employees. The novelty of the research lies in the fact that the introduction of corporate initiatives aimed at optimizing work processes contributes to the company's achieving higher financial results. Informal interaction between employees and continuous improvement of their professional level create conditions for improving their skills. In companies where management implements various innovative programs, it leads to significant changes in the organization. It analyzes how a market-oriented culture creates motivation for staff and increases their engagement. When an organization focuses on achievements and recognizes the individual contribution of each specialist, it creates a favorable environment for professional growth and development, which in turn leads to increased productivity and job satisfaction. This approach leads to a minimization of time costs, an increase in the quality of tasks performed and an increase in resource efficiency, which directly affects the increase in sales profits and overall productivity.

Keywords: behavioral standards, civil servant, state-oriented solutions, efficient operation, norms and values, corporate culture, legal regulation, state civil service, Organizational culture, corporate values

References (transliterated)

1. Baier Yu.P. Istorya vozniknoveniya fenomena korporativnoi kul'tury / Baier Yu.P., Kozyrev A.A. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://sciff.ru/istorija-vozniknovenijafenomena-korporativnoj-kultury/> (data obrashcheniya: 17.01.2025).
2. Borisenok A.L. Pomyatie organizatsionnoi kul'tury kak analog korporativnoi kul'tury // Nauchno-tehnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki. 2006. № 24.
3. Tarasova A. A. Tipologiya organizatsionnoi kul'tury i ee osobennosti v Rossii / A.A. Tarasova A. O. Vlasenko, I. V. Koretskaya // Mirovaya nauka: novye vektory i orientiry. 2022. – S. 208.
4. Borisenok A.L. Pomyatie organizatsionnoi kul'tury kak analog korporativnoi kul'tury // Nauchno-tehnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki. 2006. № 24.
5. Kirillov A. V. Ritually kak elementy korporativnoi kul'tury v organizatsii / A. V. Kirillov, S. Golovina // Materialy Afanas'evskikh chtenii. – 2010. – № 8. – S. 228-233.
6. Kulikova V. V. Diagnostika korporativnoi kul'tury v organizatsii / V. V. Kulikova, I. A. Badaeva // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. – 2022. – № 2(84). – S. 89-92.

7. Savelova E. V. Mifologicheskie osnovaniya sovremennoi korporativnoi kul'tury / E. V. Savelova D. V. Bogomazova // Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2020. – № 6(46). – S. 14-20.
8. Shein E.Kh. Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo / Per. s angl. pod red. V. A. Spivaka. – SPb: Piter, 2002. – 336 s.
9. Vasil'ev V.P. Global'nye programmy ustoichivogo razvitiya: krizis dostizheniya tselei // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. – 2024. – № 2. – S. 176-184.
10. Dekhanova N.G., Sushko V.A., Kholodenko Yu.A. Sotsial'nyi kapital kak faktor formirovaniya kachestva zhizni // Sotsiologiya. – 2023. – № 1. – S. 86-96.
11. Savelova, E. V. Mifologicheskie osnovaniya sovremennoi korporativnoi kul'tury / E. V. Savelova, D. V. Bogomazova // Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2020. – № 6(46). – S. 15.
12. Nikitina, O. O. Korporativnaya kul'tura kak instrument povyshenie effektivnosti deyatel'nosti organizatsii / O. O. Nikitina // Ekonomicheskie issledovaniya i razrabotki. – 2022. – № 10. – S. 36.
13. Abdulrahman F. & Bassem M. (2023). Impact of organizational positive and negative culture on employee performance. International Journal of Organizational Analysis. 10.1108/IJOA-05-2023-3778.

Changes in social structure and community life in Tuong Binh Hiep craft village under the impact of urbanization

Bui Viet Hoang

PhD in Sociology

Lecturer at Thu Dau Mot University
Postgraduate student; Department of Russian Statehood, Sociological and Political Sciences; Volgograd State University

400062, Russia, Volgograd region, Volgograd, Universitetskiy str, 100

✉ vietbh@tdmu.edu.vn

Abstract. The article focuses on analyzing changes in social structure and community life in Tuong Binh Hiep lacquer craft village (Binh Duong province) under the impact of urbanization. This is one of the long-standing traditional craft villages in the Southeast region, famous for lacquer products with high artistic and cultural values. However, in recent decades, the rapid urbanization process has created great pressure on traditional production activities as well as the lives of local people. The main method used in this research includes a questionnaire survey ($N = 297$) of employees participating in production in 36 households in the craft village to clarify the analysis from observation or collection of available data. In addition, the article also uses the group discussion method with the participation of representatives of 14/36 operating lacquer enterprises. The aim of the study is to clarify the changes in production organization, social relations, lifestyles and community cultural values under the impact of urbanization. The results of the study indicate that urban expansion and economic pressure have led to significant changes in the labor structure and production organization in craft villages. Many traditional households have encountered difficulties in maintaining production activities due to increased costs, a shortage of young workers and competition from industrial products. A part of the population has changed their occupations to non-agricultural sectors such as trade, services or joined neighboring industrial zones. This has caused the number of lacquer production households to gradually decrease, weakening the inherent community

cohesion of the craft village. The article concludes that although urbanization brings economic and infrastructure opportunities, it also poses great challenges to the preservation of traditional craft villages. To maintain cultural identity and promote sustainable development, there needs to be synchronous policies to support craft villagers to adapt to changes, while preserving the unique cultural values of Tuong Bin Hiep lacquer craft village in the context of increasingly strong urbanization.

Keywords: conservation, society, economy, urbanization, impact, craft village, community life, social structure, Change, modern Vietnam

References (transliterated)

1. Nguen, V. Kh. Sotsial'nye i kul'turnye izmeneniya v traditsionnykh remeslennykh derevnyakh V'etnama // Izdatel'stvo sotsial'nykh nauk. 2015. S. 10-21.
2. Tran, T. N. Vliyanie urbanizatsii na v'etnamskie traditsionnye remeslennye derevni: primer lakovoi remeslennoi derevni Tuong Bin' Khiem. Doktorskaya dissertatsiya. Universitet sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk, 2020. S. 271-289.
3. Le, M. T. Urbanizatsiya i izmeneniya v zhiznedeyatel'nosti zhitelei remeslennykh dereven' // Natsional'noe politicheskoe izdatel'stvo. 2018. S. 13-25.
4. Fam, T. D. Professional'naya transformatsiya i model' proizvodstva v remeslennoi derevne Tuong Bin' Khiem pod vozdeistviem urbanizatsii // V'etnamskaya sotsiologiya. 2021. T. 5, № 2. S. 45-60.
5. Din', K. Kh. Problemy traditsionnykh remeslennykh dereven' v kontekste urbanizatsii: primer lakovykh remeslennykh dereven' // Kul'turnye issledovaniya. 2019. T. 8, № 1. S. 32-47.
6. Nguen, P. A. Urbanizatsiya i izmeneniya v sotsial'noi organizatsii v traditsionnykh remeslennykh derevnyakh // Ustoichivoe razvitiye. 2023. T. 12, № 3. S. 21-38.
7. Le, B. N., Sheval'e, A. Ekonomicheskii potentsial remeslennykh dereven' v prigorodnoi zone Khanoya // Izdatel'stvo sotsial'nykh nauk. 2005. S. 19-32.
8. Dang, T. P. A., Tsao, Kh. Kh., Bui, T. V. Vliyanie urbanizatsii na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye nekotorykh remeslennykh dereven' v gorode Hanoi // Sotsial'nye nauki V'etnama. 2019. T. 9, № 2. S. 45-60.
9. Nguen, T. Kh. Prostranstvennye izmeneniya: primer v'etnamskoi derevni // Natsional'noe politicheskoe izdatel'stvo. 2018. S. 78-90.
10. Nguen, V. S. Transformatsiya sel'skoi kul'tury v protsesse urbanizatsii // Kul'turologiya. 2021. T. 10, № 3. S. 112-128.
11. Tran, Kh. S. Fundamental'nye izmeneniya v sovremennoi sel'skoi kul'ture // Kul'tura i razvitiye. 2022. T. 15, № 4. S. 55-72.
12. Le, M. N. Izmenenie organizatsionnoi struktury v'etnamskoi derevni v istoricheskie periody // V'etnamskaya sotsiologiya. 2020. T. 7, № 1. S. 32-47.
13. Nguen, T. Kh. Izmenenie kul'tury remeslennoi derevni Van Fuk // Etnologiya. 2023. T. 8, № 2. S. 95-110.
14. Nguen, T. Kh. Modernizatsiya i traditsionalizatsiya v peremenakh vo v'etnamskoi derevne v Severnoi del'te // Antropologiya. 2017. T. 6, № 1. S. 78-93.
15. Nguen, T. L. A. Sokhranenie i ustoichivoe razvitiye traditsionnykh remeslennykh dereven' v provintsii Tkhai-Nguen // Nauka i tekhnologii. 2019. T. 12, № 3. S. 41-57.
16. NII razvitiya Bin'zyong. Vliyanie urbanizatsii na derevnyu lakovykh remesel Tuong Bin' Khiem: rezul'taty issledovaniya i politicheskie predlozheniya // Nauchnaya

- konferentsiya, Bin'zyong. 2022. S. 110-125.
17. V'etnamskaya assotsiatsiya sotsial'nykh nauk. Izmeneniya v traditsionnoi remeslennoi derevenskoi kul'ture pod vliyaniem protsessa urbanizatsii // Natsional'naya konferentsiya po kul'ture i razvitiyu, Khanoi. 2017. S. 98-117.

Domestic Violence as a Factor in Reproductive Fears (Based on Materials from Thematic Communities on the VKontakte Social Network)

Gafizova Natal'ya Borisovna

PhD in History

Associate Professor; Department of Management Theory, Ivanovo Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration'

15 Dunaeva St., block 33, Ivanovo, Ivanovo region, 153037, Russia

✉ gafizova-nb@ranepa.ru

Abstract. The subject of this article is the impact of domestic violence on women's reproductive fears. Reproductive fears are emotional states - apprehension, anxiety, fear, etc., experienced by a woman during the period of preparation for pregnancy, its course, childbirth and caring for the baby. The author examines domestic violence in a broad sense, that is, as violence from any family member. The generally accepted classification of types of domestic violence among researchers is used: physical, sexual, psychological, economic, use of children to establish control over an adult woman, neglect of basic needs. The key research questions are: What types of domestic violence are women subjected to during pregnancy and childbirth? How do women perceive and describe these situations? How are these situations perceived by community members and reflected in the comments? Who is most often the subject of violence? What are the consequences for the woman and the baby? How do situations of domestic violence affect women's reproductive fears? The main research method is a qualitative content analysis of the thematic communities of the VKontakte social network "Overheard from pregnant women and mothers", "Childbirth stories. Pregnancy and childbirth", "Overheard from pregnant women". Cases of all types of domestic violence, except sexual, were identified. The most common are psychological and economic. Posts initiated by group members during one calendar month (January 2025) were selected for analysis, which described situations of domestic violence, as well as comments to them. Cases of all types of domestic violence, except sexual, were identified. The most common are psychological and economic. Triggers for all types of domestic violence are need and poverty, unresolved housing problems, interpersonal conflicts and divorce. Legal and financial illiteracy become a factor that increases women's vulnerability to domestic violence. For the first time, based on social media materials, it is shown that incidents of domestic violence increase reproductive fears, and in the long term can lead to adjustments in reproductive attitudes and plans, and refusal to have more children. As practical recommendations for preventing and reducing the negative consequences of incidents of domestic violence, as well as reducing reproductive fears, we can suggest strengthening measures to provide women with up-to-date legal, psychological and financial information, as well as creating a rehabilitation system for people with post-traumatic stress disorder. Thematic communities themselves can also play a positive role in overcoming reproductive fears if, in addition to posts initiated by subscribers, they publish useful reference information for women.

Keywords: triggers of violence, social networks, psychological violence, economic violence,

physical violence, vulnerability, violence, domestic violence, reproductive fears, social fears

References (transliterated)

1. Davtyan M.D. Bor'ba s domashnim nasiliem: razvitiye soderzhaniya obyazatel'stv gosudarstva v rekomendatsiyakh Komiteta po likvidatsii vsekh form diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin // Pravo i sovremennoye gosudarstvo. 2018. № 4. S. 43-66. DOI: 10.14420/ru.2018.4.3. EDN: PCGFFE.
2. Letova N. V. Semeinoe nasilie kak negativnoe sotsial'noe yavlenie sovremennoogo obshchestva // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 12. S. 106-111. DOI: 10.31857/S102694520023306-7. EDN: IDBHKR.
3. Goncharenko O.K. Mezhdunarodnoe i natsional'noe pravo i praktika zashchity zhenshchin ot domashnego nasiliya // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2020. № 3. S. 53-64. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.5. EDN: TSYYVP.
4. Vinokurova M.A. Pochemu zhenshchiny stanovyatsya zhertvami domashnogo nasiliya ili kak rasprostranenie novoi koronovirusnoi infektsii povliyalo na uvelichenie sluchayev primeneniya nasiliya v sem'e? Zarubezhnyi opyt bor'by s domashnim nasiliem // Viktimologiya. 2021. T. 8. № 4. S. 297-302. EDN: HZGDFP.
5. Selezneva N. A. Protivodeistvie gendernomu nasiliyu: rossiiskii i zarubezhnyi opyt // Obrazovanie i pravo. 2020. № 9. S. 438-444. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10970. EDN: DGHOTA.
6. Hydén M. What Social Networks Do in the Aftermath of Domestic Violence // British Journal of Criminology. 2015. № 55. P. 1040-1057. DOI: 10.1093/bjc/azv099.
7. Borisov S.N., Volkova O.A., Besschetnova O.V., Dolya R.Yu. Domashnee nasilie kak faktor narusheniya sotsial'nogo i psikhicheskogo zdorov'ya // Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. 2020. T. 28. № 1. S. 68-73. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73. EDN: MDUTAT.
8. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Gendernyi podkhod v analize prichin proyavleniya nasiliya v blizkikh otnosheniakh mezhdu muzhchinami i zhenshchinami // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2015. № 1. S. 4-17. EDN: TPKUOV.
9. Kekelidze Z.I., Kachaeva M.A., Kharitonova N.K., Vasyanova V.I., Shishkina O.A., Skibina N.V., Nazarova L.N. Meditsinskie aspekty problemy domashnogo nasiliya v otnoshenii zhenshchin i devochek (obzor literatury) // Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. 2019. T. 27. № 5. S. 936-939. DOI: 10.32687/0869-866X-2019-27-5-936-939. EDN: ZOWXV.
10. Kachaeva M.A., Shishkina O.A. Psichologo-psichiatricheskie problemy u zhenshchin-zhertv vnutrisemeinogo nasiliya i ikh osobennosti v usloviyakh samoizolyatsii v rezul'tate pandemii COVID-19 (nauchnyi obzor) // Psichologiya i pravo. 2021. T. 11. № 3. S. 131-155. DOI: 10.17759/psylaw.2021110310. EDN: CTTCBZ.
11. Malathesh B.C., Das S., Chatterjee S.S. COVID-19 and domestic violence against women // Asian Journal of Psychiatry. 2020. № 53. DOI: 10.1016/j.ajp.2020.102227. EDN: KZWMJW.
12. Bankovskaya S., Maddahi J., Khachaki T.L. From Isolation to Violence: Changes of the Domestic Environment in the Iranian Family under COVID-19 // Russian Sociological Review. 2021. Vol. 20, No. 4. P. 86-110. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-4-86-110. EDN: UBEEXF.
13. Rostovskaya T.K., Bezverbnaya N.A. Nasilie v otnoshenii zhenshchin: mirovyе tendentsii // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2020. № 2. S. 89-98. DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.8. EDN: ZDDYBW.

14. Ryabova T.B., Ryabov O.V. Pol, vozrast, vlast' (k voprosu o sotsial'noi stereotipizatsii v sovremennoi politike) // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2023. № 3. S. 3-16. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.1. EDN: YEXZKR.
15. Sirazhudinova S.V. "ya ne mogu skazat!!": k probleme domashnego i seksual'nogo nasiliya v respublikakh Severnogo Kavkaza (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya v Respublike Dagestan) // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2017. № 4 (85). S. 26-35. DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.3. EDN: ZVZKPx.
16. Khasbulatova O.A. Tekhnologii sozdaniya mifa o ravnopravii polov: sovetskie praktiki // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2018. № 4 (89). S. 49-59. DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.5. EDN: YQTOTZ.
17. Shvetsova A.V. Sovremennye issledovaniya materinstva: o chem (ne)govoryat trendy? // Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie". 2024. № 3. S. 103-113. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-103-113. EDN: OOLNVF.
18. Wong A., Ho S., Olusanya O., Antonini M.V., Lyness D. The use of social media and online communications in times of pandemic COVID-19 // Journal of the Intensive Care Society. 2021. № 22 (3). P. 255-260. DOI: 10.1177/0886260518757756. EDN: MEMWOE.
19. Kazun A.P. Vliyanie pandemii koronavirusa na domashnee nasilie: obzor mezhdunarodnykh issledovanii // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2022. № 1. S. 72-86. DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.6. EDN: IZQTXE.
20. Domashnee nasilie: sotsial'no-pravovoi aspekt / pod obshch. red. E.N. Ershovo. M.: "Konsortsium zhenskikh nepravitel'stvennykh ob"edinenii", 2013. 194 s.
21. Gafizova N.B., Tsalko E.O. Reproduktivnye strakhi zhitelei malykh gorodov Ivanovskoi oblasti // Gorodskie issledovaniya i praktiki. 2021. T. 6. № 1. S. 87-99. DOI: 10.17323/usp61202187-99. EDN: FMKOJS.

From the "one family, one child" policy to the "three-child" policy: historical aspects and contemporary challenges for the demographic situation in China

Petrikov Sergei Gennad'evich □

Lecturer; Department of Foreign Languages; MGIMO, Odintsovo branch

122 Mozhaiskoe highway, Odintsovo, Moscow region, 143005, Russia

✉ spetrik1963@mail.ru

Abstract. The study analyzes the birth control policy in China from a historical perspective, from 1979 to the present. The relevance of this research is due to the fact that after decades of implementing the "one family, one child" strategy and the subsequent easing of the policy to "two children," and then to "three children," China is now beginning to experience demographic imbalances. These manifest in the evident aging of the population, a reduction in the working-age population in the domestic market, and an increasing gender imbalance. The article also addresses the ethical aspect of state intervention in the private lives of citizens and the consequences of such intervention. The policy aimed at stimulating the reproductive activity of the Chinese population must continually evolve and be supported at all levels of government. The study analyzes statistical data from the National Bureau of Statistics of China for the year 2024. It also takes into account the most recent directions of China's adjusted state policy and the objectives for the current year 2025, as highlighted in the speech by the Premier of the State Council of the PRC at the National People's Congress

session from March 5 to 11, 2025. The scientific novelty is presented through conclusions regarding the current demographic state of China in the context of economic and social challenges within the framework of implementing China's "Three-Child Policy," which has not been previously addressed. A historically systemic approach to studying this issue has been demonstrated. The conclusion is drawn that the trend of decreasing population in China will continue. The age composition of China's population will rapidly transition into a stage of significant aging, and the working-age population will continue to decline. The rapid change in China's population structure has a serious impact on economic and social development, leading to a restructuring of the economic development models of the country. It is concluded that the Chinese leadership will need to develop new economic development models. At the same time, the contradiction between the supply and demand for reproductive and healthcare services will intensify. The conclusion is made regarding the high practical significance of China's experience in addressing low birth rates. Further study of Chinese experience and the development of international cooperation in this area is crucial for finding effective solutions to the demographic challenges of the 21st century worldwide, including in Russia.

Keywords: free pre-school education, global implication, social challenge, fertility rate, economic challenge, gender imbalance, ageing population, population growth stimulation, birth control, working age population

References (transliterated)

1. Babaev K.V. Demograficheskaya situatsiya v KNR i ee potentsial'noe vliyanie na ekonomiku Kitaya / K.V. Babaev // Narodonaselenie. 2023. T. 26. № 3. S. 55-65. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.5 EDN: HFVAED
2. Bazhenova E.S. 1300000000 Naselenie Kitaya: strategiya razvitiya i demograficheskoi politiki / E.S. Bazhenova. – M.: ID "Forum", 2010. – 304 s.
3. Bazhenova E.S. Kitaiskaya sem'ya v usloviyakh novoi demograficheskoi politiki // 13-ya pyatiletka (2016-2020) – vzhneishii etap postroeniya v Kitae obshchestva malogo blagodenstviya "syaokan" / otv. red. A.V. Ostrovskii, sost. P.B. Kamennov. – M.: IDV RAN, 2018. – S. 97-109. EDN: XTJDLN
4. Van E. Izmenenie demograficheskoi politiki Kitaya: prichiny, rezul'taty, perspektivy / E. Van // Narodonaselenie. 2018. T. 21. № 1. S. 84-96. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-07 EDN: XQCXKH
5. Van E. Novaya demograficheskaya politika trekhdetnosti v Kitae / E. Van // DEMIS. Demograficheskie issledovaniya. 2023. T. 3. № 3. S. 26-42. DOI: 10.19181/demis.2023.3.3.2 EDN: ZJZOCL
6. Van Sh., Tszya S., Mishchuk S.N. Izmeneniya v demograficheskoi politike Kitaya za 2010-2021 gody / Sh. Van, S. Tszya, S.N. Mishchuk // Narodonaselenie. 2023. T. 26. № 3. S. 66-71. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.6 EDN: GYDUBM
7. Volkova M.D., Kruglova M.S. Ot demograficheskogo dividenda k ustoichivomu razvitiyu KNR v usloviyakh stareyushchego naseleniya: vzglyad kitaiskikh ekspertov / M.D. Volkova, M.S. Kruglova // Russian Journal of Economics and Law. 2024. T. 18. № 3. S. 559-576. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.559-576 EDN: DJMBKL
8. Kruchinina N.V. Demografiya i reproduktivnye prava cheloveka: problemy i perspektivy / N. V. Kruchinina // Yuridicheskaya nauka v Kitae i Rossii. 2021. № 4. S. 101-104. DOI: 10.17803/2587-9723.2021.4.101-104 EDN: YQEELW
9. Manukhina O.V. Aspekty demograficheskoi politiki KNR v 1949-2023 godakh / O.V. Manukhina // Narodonaselenie. 2024. № 4. S. 47-58. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-

4-47-58 EDN: ITBNAR

10. Moskal'nova A.A. Analiz demograficheskoi politiki Kitaya / A.A. Moskal'nova // Molodoi uchenyi. 2022. № 50 (445). S. 163-165.
11. Yan Yan'zhu, Syui Fentsai. Sravnitel'noe issledovanie problem narodonaseleniya i demograficheskoi politiki v Kitae i Rossii / Yanzhu Yan, Fentsai Syui // Mir russkogovoryashchikh stran. 2022. № 4 (14). S. 5-28.
12. Guo Zhigang. China's Low Birth Rate and the Development of Population / Zhigang Guo, Feng Wang, Yong Cai. – Routledge, 2020. – 274 p.
13. Cai F., Wang F. The negative effects of China's one-child policy / F. Cai, F. Wang // Journal of Comparative Economics. 2010. Vol. 38. № 4. P. 390-401.
14. Lieming F. Determinants of Regional Fertility in China During the First Years of Reaching Below-Replacement Fertility / F. Lieming, E. Shatalova, I. Kalabikhina // BRICS Journal of Economics. 2022. Vol. 3. № 3. P. 101-127. DOI: 10.3897/brics-econ.3.e83259 EDN: LKVQAZ
15. Liu H. China's Demographic Challenges: Aging Population and Declining Birth Rates / N. Liu // Asian Population Studies. 2020. Vol. 16. № 2. P. 123-130.
16. Zhang J. The Evolution of China's One-Child Policy and Its Effects on Family Outcomes / J. Zhang // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. № 1. P. 141-160.
17. Yang H. Third-Child Fertility Intention and Its Socioeconomic Factors Among Women Aged 20-34 Years in China / H. Yang, R. Han, Z. Wang. // BMC Public Health. 2023. Vol. 15. Article № 115.
18. Chinalaw.center. Zakon KNR "O narodonaselenii i planirovaniyu rozhdaemosti (v redaktsii 2015 g.)" // [Elektronnyi resurs] URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_population_family_law_revised_2015_russian/ (data obrashcheniya: 22.02.2025).
19. RIA Novosti. Kitai otmenyaet ograniceniya na kolichestvo detei v sem'e [Elektronnyi resurs] // RIA Novosti. 2021. URL: <https://ria.ru> (data obrashcheniya: 26.02.2025).
20. TASS. Kitai stolknulsya s demograficheskim krizisom: naselenie sokrashchaetsya [Elektronnyi resurs] // TASS. 2023. URL: <https://tass.ru> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
21. China Population and Development Research Center. [Elektronnyi resurs] // URL: <https://www.cdprc.org.cn> (data obrashcheniya 20.02.2025).
22. The Economist. China's shrinking population: The end of the one-child policy has not led to a baby boom [Elektronnyi resurs] // The Economist. 2021. URL: <https://www.economist.com> (data obrashcheniya: 01.03.2025).
23. National Bureau of Statistics of China. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.stats.gov.cn> (data obrashcheniya: 01.03.2025).
24. National Health Commission of the People's Republic of China. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.nhc.gov.cn> (data obrashcheniya: 01.03.2025).

Social mechanisms for regulating labor relations in the digital environment

Dekhanova Natalia Gennad'evna □

PhD in Sociology

Associate professor, Department of Sociology of State Administration, M V. Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p.33, office 503

✉ ndehanova@mail.ru

Kholodenko Yurii Aleksandrovich

PhD in Economics

Associate Professor; Department of Sociology of Public Administration; Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p.33, office 503

✉ hol.u@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to analyze the social mechanisms of regulating labor relations in the digital environment. The authors emphasize that one of the most important social functions of modern government is the regulation of social labor relations. However, in addition to the government, there are numerous institutional regulators in the social labor sphere that exert varying degrees of influence on social labor relations. In the digital environment, the mechanisms of institutional regulation of social labor relations are transformed in light of new realities. The active implementation of modern digital technologies leads to changes in work processes, automation and robotization of production, changes in professional structure, and the emergence of new forms of employment. However, due to the imperfections of the regulation mechanisms for new forms of employment in the digital environment, they exist under less stable conditions than traditional forms of work. The primary methodological basis of the research consists of theoretical scientific methods and a systematic approach. The interdisciplinary nature of the research within the defined issues requires the involvement of a significant amount of data from both international and domestic socio-economic statistics. A comparative analysis of the risks and advantages of new forms of employment in the digital environment and the institutional mechanisms governing them is conducted. The authors focus in detail on the analysis of new forms of employment in the digital environment: remote work, platform and mobile employment, freelancing, as well as the increasingly widespread sharing forms of employment, outsourcing, and outstaffing. New labor practices have both advantages and disadvantages. The lack of an effective system for both state regulation and public control in this sphere can lead to actual violations of the labor and social rights of workers and increase risks for the state: criminalization of the social labor sphere, reduction of state budget revenues, creation of additional difficulties for the social insurance and pension system, and the actualization of the "free rider problem." The authors conclude that the profound changes occurring in the social labor sphere require the development of new compromise and non-standard institutional mechanisms to ensure the regulation of social labor relations that are adequate to the dynamically evolving digital environment. The article analyzes the experience of institutionalizing such mechanisms in our country (for example, tax regulation of self-employment).

Keywords: the labor market, shared employment, freelance, remote employment, platform employment, Digital transformation, the welfare State, social and labor relations, digital economy, outstaffing

References (transliterated)

1. Tsifrovaya ekonomika i rynok truda, tsifrovye tekhnologii i trudovye otnosheniya: Vzaimovliyanie, osobennosti i tendentsii razvitiya // VNII TRUDA Mintrud Rossii. (Data obrashcheniya: 15.02.2025). URL: <https://vcot.info/blog/cifrovaa-ekonomika-i-rynok-truda-cifrovye-tehnologii-i-trudovye-otnosenia-vzaimovlianije-osobennosti-i-tendencii-razvitiya>

2. Gimpel'son V. E., Kapelyushnikov R. I. Dinamika struktury rabochikh mest v Rossii: polyarizatsiya, uluchshenie, zastoi? / V. E. Gimpel'son, R. I. Kapelyushnikov ; Nats. issled. un-t "Vysshaya shkola ekonomiki". – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2022.
3. Minchenkova O.Yu., Fedorov A.S., Minchenkova A.M., Fedorova N.V. Preimushchestva i riski novykh form zanyatosti v usloviyakh primeneniya IT-tehnologii // Vestnik RGGU. Seriya "Ekonomika. Upravlenie. Pravo". 2023. № 1. S. 43-55. DOI: 10.28995/2073-6304-2023-1-43-55 EDN: PFAKNK
4. Razumova T.O., Kirsanova N.M. Samozanyatost' i frilans kak sposoby adaptatsii rabotnika na sovremenном rynke truda // Sotsial'no – trudovye issledovaniya. 2022. № 2. S. 56-68. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-47-2-56-68 EDN: VAFGIG
5. Sadovaya E.S. Rynok truda v tsifrovoi ekonomike – perspektivy regulirovaniya. // Mirovaya ekonomika i mezhunarodnye otnosheniya, 2022. T. 66. № 10. S. 102-111. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-10-102-111 EDN: YCLZSS
6. Sverdlikova E.A., Selezneva A.S. Sotsial'noe samochuvstvie samozanyatykh v usloviyakh transformatsii rynka truda. // Vestnik MGU, seriya 18 Sotsiologiya i politologiya. 2024. № 1. S. 205-218. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-205-218 EDN: ZIMLPR
7. Myslyaeva I. N. Gosudarstvennoe regulirovanie sotsial'no-trudovykh otnoshenii v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2024. № 1. S. 27-38. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_1_3_27_38 EDN: LENTCB
8. Markeeva A.V., Gavrilenco O.V. Tsifrovaya platforma kak novyi ekonomiceskii aktor i novaya instantsiya sotsial'nogo kontrolya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. 2019. № 5. S. 29-48. EDN: KQZYDA
9. Gavrilenco O.V. Tsifrovye tekhnologii sotsial'nogo kontrolya: perspektivy i sotsial'nye posledstviya ikh vnedreniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2022. T. 28. № 1. S. 145-163. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-145-163 EDN: MTMMNS
10. Mirzabalaeva F.I., Zabelina O.V. Regulirovanie platformennogo truda: gibkii balans gosudarstvennykh garantii i samoregulirovaniya // Ekonomika truda. 2022. T. 9. № 3. S. 587-604. DOI: 10.18334/et.9.3.114438 EDN: CIGZZJ
11. Chernykh N. V. Transformatsiya truda kak ob"ekta obshchestvennykh otnoshenii i rasprostranenie netipichnykh form zanyatosti // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2023. № 12 (157). S. 104-113. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.104-113 EDN: MXUVAT
12. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Regulirovanie deyatel'nosti samozanyatykh grazhdan // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2020. № 1. S. 60-85. EDN: PAXTQP
13. Kamari D.M. Problema neformal'noi zanyatosti v Rossii i v EAES // Sotsial'no-trudovye issledovaniya. 2025. № 55 (2). S. 54-61.
14. Sindyashkina E.N. Neformal'naya zanyatost' v usloviyakh transformatsii sovremennoego rynka truda // Sotsial'no-trudovye issledovaniya. 2023. № 51 (2). S. 59-70. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-51-2-59-70 EDN: KWINOB
15. Khokhlova M.G. Neformal'naya zanyatost' v mire. // Mirovaya ekonomika i mezhunarodnye otnosheniya. 2024. T. 68. № 7. S. 130-140. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-130-140 EDN: SVZSBK
16. Gorlov K.N. Sotsial'noe neravenstvo v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2021. T. 11. № 1. S. 13-18.

17. Osipova N.G. Tsifrovizatsiya sotsial'noi real'nosti: klyuchevye diskussii. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2022. T. 30. № 3. S. 9-42.
18. Smirnova A. S. Vtoroi i tretii urovni tsifrovogo neravenstva na rynke truda: tsifrovye navyki i praktiki // INAB. Sotsial'nye aspekty tsifrovyykh neravenstv: rezul'taty empiricheskikh issledovanii. 2022. № 1. S. 43-64.
19. V Rossii bolee 86 protsentov domokhozyaistv imeyut dostup k internetu (Data obrashcheniya: 15.02.2025). URL: <https://ria.ru/20240407/internet-1938374005.html>
20. Dekhanova N.G. Riski tsifrovogo razvitiya: sotsiologicheskii analiz // Sotsiologiya. 2024. № 11. S. 13-21.
21. Tsifrovye platformy privlekli vnimanie regulyatorov (Data obrashcheniya: 10.02.2025). URL: <https://plus.rbc.ru/news/610126977a8aa9f8e016f428>
22. Sotsial'nye garantii dlya platformennykh zanyatykh v Rossii – 2024. Tsentr strategicheskikh razrabotok. 2024.
23. Freelance Statistics, Trends and Insights (2024). Exploding Topics. 2024. [Electronic resource] (Data obrashcheniya: 15.02.2025). URL: <https://explodingtopics.com/blog/freelance-stats>
24. FNS soobshchila o kolichestve samozanyatykh v Rossii // Glavbukh [Elektronnyi resurs] (Data obrashcheniya: 25.02.2025). URL: <https://www.glavbukh.ru/news/49312-fns-soobshchila-o-kolichestve-samozanyatyh-v-rossii>
25. Metodologicheskie polozheniya po izmereniyu zanyatosti v neformal'nom sektore ekonomiki. // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki ROSSTAT. Vyp. 7. (Data obrashcheniya: 10.02.2025). URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/b99_10/isswww.exe/stg/d030/i030150r.m
26. Dekhanova N.G., Kholodenko Yu.A. Transformatsiya funktsii instituta sotsial'nogo gosudarstva: evolyutsiya vzglyadov i sovremennye vyzovy // Sotsiodinamika. 2024. № 10. S. 20-39. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.10.72104 EDN: HDIZMS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72104
27. Platformennaya zanyatost' v Rossii: masshtaby, motivy i bar'ery uchastiya: analiticheskii doklad / O. V. Sinyavskaya, S. S. Biryukova, E. S. Gorvat, D. E. Kareva, D. A. Stuzhuk, K. O. Chertenkov; Nats. issled. un-t "Vysshaya shkola ekonomiki". – M.: NIU VShE, 2022. DOI: 10.17323/978-5-7598-2494-7 EDN: FILRJK
28. Samozanyatykh proveryat na fiktivnost' // kommersant.ru 12.02.2024, 01:10. [Elektronnyi resurs] (Data obrashcheniya: 18.02.2025). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6508093>
29. Chto takoe "nalog na professional'nyi dokhod". Ofitsial'nyi sait "Nalog na professional'nyi dokhod". [Elektronnyi resurs] (Data obrashcheniya: 10.02.2025). URL: <https://npd.nalog.ru>
30. Samozanyatye mogut dobrovol'no platit' strakhovye vznosy. – (Data obrashcheniya: 23.12.2024). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn13/news/activities_fts/15548642/

Trace as a Sign: Epistemology and Methodology of Digital Data in Sociology

Matveev Mikhail Sergeevich □

Postgraduate student, Department of Sociology and Political Science, St. Petersburg State Technical University
'LETI'

Abstract. The article is dedicated to the analysis of epistemological and methodological problems related to the integration of digital traces into empirical sociology. The relevance of the topic is determined by the growth in the volume of digital data and the necessity for their meaningful integration into the social sciences. As experience from other researchers shows, the analysis of digital behavioral data currently tends to attract criticism. This directly leads to the goal of this article—to analyze and identify the epistemological and methodological complexities of integrating digital traces into the sociological tradition, as well as to demonstrate that working with such data types is situated within a much broader historical and theoretical framework. Furthermore, the task is to justify the necessity of an interpretative approach to any volumes of digital data and emphasize the need for contextualization and critical reflection at all stages of research. The methodological basis of the article consists of general scientific methods—theoretical and methodological analysis, comparison, and generalization of scientific sources on the research problem. As a result of the research, the necessity for a comprehensive approach has been substantiated, which suggests a diverse basis for sources of digital behavioral data, a combination of quantitative analysis of digital data with interpretation, consideration of platform specificity, possible algorithmic selection in the formation of the sample of extracted data, and the need to check the authenticity of the data for automated activity. It was concluded that a critical attitude towards digital data is necessary at all stages of research and that these data should be understood as signs requiring scientific reflection rather than as ready-made empirical facts. Nevertheless, it has been identified that such a perspective can also be traced in earlier key works on non-reactive research strategies in sociology. Based on the conducted work, recommendations and examples of studies using an interpretative framework were proposed, both at the level of qualitative strategies for digital research and on scales understood in the broader discourse as Big Data.

Keywords: non-reactive strategy, social media, Big Data, epistemology of digital data, methodology of sociological research, data interpretation, digital sociology, digital footprints, empirical sociology, digital behavioral data

References (transliterated)

1. World Economic Forum. How much data is generated each day? [Elektronnyi resurs]. 2019. URL: <https://www.weforum.org/stories/2019/04/how-much-data-is-generated-each-day-cf4bddf29f/> (data obrashcheniya: 11.04.2025).
2. Anderson C. The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete // Wired [Elektronnyi resurs]. June 23, 2008.
3. Guba K. Bol'shie dannye v sotsiologii: novye dannye, novaya sotsiologiya? // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2018. № 1. S. 213-236. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-1-213-236 EDN: XNZFZ.
4. Nikolaenko G. A., Fedorova A. A. Nereaktivnaya strategiya: primenimost' nezametnykh metodov sbora sotsiologicheskoi informatsii v usloviyakh Web 2.0 na primere tsifrovoi etnografii i Big Data // Sotsiologiya vlasti. 2017. № 4. S. 39-53. DOI: 10.22394/2074-0492-2017-4-36-54 EDN: XSLXPV.
5. Bogdanov M. B., Smirnov I. B. Vozmozhnosti i ograničeniya tsifrovyykh sledov i metodov mashinnogo obucheniya v sotsiologii // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2021. № 1. S. 27-48. DOI:

- 10.14515/monitoring.2021.1.1760 EDN: SXSBFV.
6. Saponova A. V., Kulikov S. P. Integratsiya oprosnykh dannykh i tsifrovyykh sledov: obzor osnovnykh metodologicheskikh podkhodov // Sotsiologiya: 4M. 2021. № 53. S. 117-147. DOI: 10.19181/4m.2021.53.4 EDN: LUWLVB.
 7. Savage M., Burrows R. The coming crisis of empirical sociology // Sociology. 2007. Vol. 41, no. 5. P. 885-899. DOI: 10.1177/0038038507080443 EDN: JPVNGP.
 8. Rokkan S. Comparing nations: The use of quantitative data in cross-national research // Merritt R. L., Rokkan S. (eds.). Comparative cross-national research: The context of current efforts. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 3-25.
 9. Lazarsfeld P. F. A conceptual introduction to latent structure analysis // Lazarsfeld P. F. (ed.). Mathematical thinking in the social sciences. Glencoe, IL: The Free Press, 1953. P. 349-387.
 10. Webb E. J., Campbell D. T., Schwartz R. D., Sechrest L. Unobtrusive measures: nonreactive research in the social sciences. Chicago: Rand McNally, 1966. 220 p.
 11. Ginzburg C. Clues: Roots of a scientific paradigm // Theory and Society. 1979. Vol. 7, no. 3. P. 273-288. DOI: 10.1007/bf00207323 EDN: ILBEOI.
 12. Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie: mit Nachweis der wichtigsten Quellen und Hilfsmittel zum Studium der Geschichte. 6th ed. Berlin: Duncker & Humblot, 1908.
 13. Rava G. Traces and Their (In)significance // What People Leave Behind: Digital Footprints as Socio-Material Resource in the Age of Big Data / eds. C. Ciborra, A. Caliandro. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 329-343.
 14. Barkhatova L. A. Strukturnye osobennosti kommunikatsii rossiiskikh sotsiologov: keis onlain-soobshchestva // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2020. № 5. S. 204-221. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1656 EDN: OXNELV.
 15. Venturini T., Latour B. The Social Fabric: Digital Traces and Quali-quantitative Methods // Proceedings of Future En Seine. Paris: Cap Digital, 2010.
 16. Shelton T., Poorthuis A., Zook M. Social Media and the City: Rethinking Urban Socio-Spatial Inequality Using User-Generated Geographic Information // Landscape and Urban Planning. 2015. Vol. 142. P. 198-211.
 17. Chun W. H. K. Updating to Remain the Same: Habitual New Media. Cambridge, MA: MIT Press, 2016. 264 p.
 18. Golder S. A., Macy M. W. Digital Footprints: Opportunities and Challenges for Online Social Research // Annual Review of Sociology. 2014. Vol. 40, No. 1. P. 129-152. DOI: 10.1146/annurev-soc-071913-043145.
 19. Arosio L. What People Leave Behind Online: Digital Traces and Web-Mediated Documents for Social Research // In: Comunello F., Martire F., Sabetta L. (eds.) What People Leave Behind: Digital Traces in Context. Cham: Springer, 2022. P. 311-324. DOI: 10.1007/978-3-031-11756-5_20.
 20. Gillespie T. The relevance of algorithms // In: Media technologies: essays on communication, materiality, and society / eds. T. Gillespie, P. J. Boczkowski, K. A. Foot. Cambridge (MA): MIT Press, 2014. P. 167-194.
 21. Tufekci Z. Big questions for social media big data: representativeness, validity and other methodological pitfalls // Proceedings of the Eighth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media (ICWSM-14). Michigan: AAAI Press, 2014. P. 505-514.